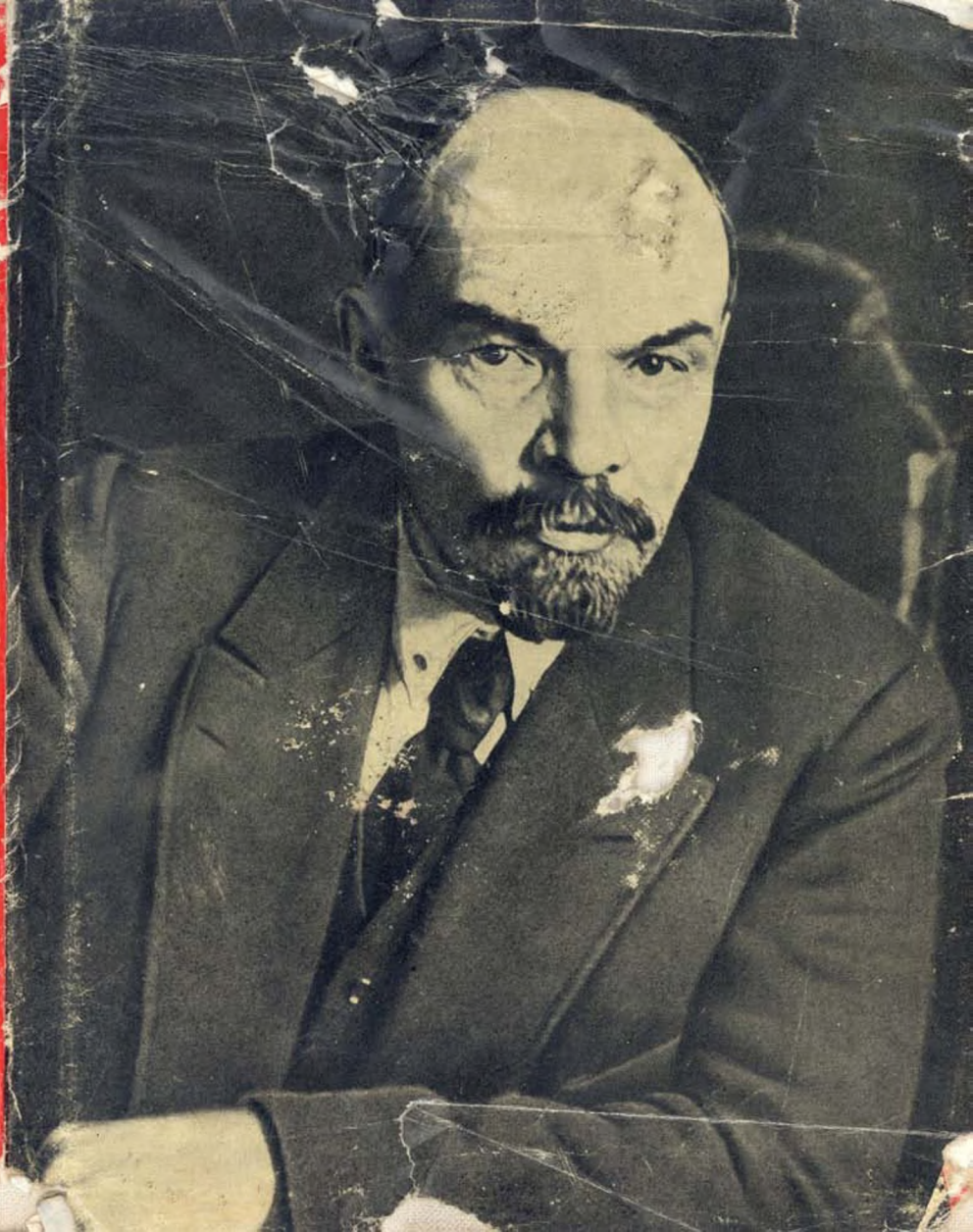

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

ТОВАРИЩ
ЛЕНИН

ВОСПОМИНАНИЯ ИНЖЕНЕРОКЦЕР

★

На земном шаре
не найти теперь
даже самого отдаленного уголка,
где бы не знали
великое имя — Ленин.
Это имя стало
самым любимым именем,
светочем и путеводной звездой
трудящихся всего мира.
Оно живет и будет жить
в сердцах и умах
всего передового человечества,
призывая к неустанной борьбе
за мир и социализм,
за лучшее будущее, за свободную
и счастливую жизнь,
за братство людей, за коммунизм.

В. И. Ленин. Биография.

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

ВОСПОМИНАНИЯ НИЖЕГОРОДЦЕВ

**Издание второе,
дополненное и исправленное**

**Волго-Вятское
книжное издательство
Горький 1969**

ЗК26
Т 50

Партийный архив
Горьковского обкома КПСС

Научный редактор
профессор *В. П. Фадеев*

Составитель *В. А. Казаков*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 1960 году Горьковское книжное издательство выпустило сборник «Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине». Тираж первого издания быстро разошелся, возникла необходимость переиздания сборника, который приобрел еще большую ценность в связи с знаменательным событием — 100-летием со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

При подготовке сборника к переизданию в него были внесены некоторые дополнения и изменения, но принцип отбора материала и структура сборника остались прежними. В сборник включены воспоминания не только уроженцев Нижегородской губернии, но и тех, чья революционная и трудовая деятельность в какой-то период была связана с Н. Новгородом, в основном воспоминания тех авторов, которые лично встречались, беседовали с В. И. Лениным. Исключение составляют воспоминания А. И. Митрофанова — делегата XI съезда партии, ибо в мемуарной литературе пока отсутствуют публикации, так полно рассказывающие о выступлении Владимира Ильича на XI съезде партии, на последнем съезде, на котором он присутствовал. Кроме того, в сборник, в первый раздел, включены воспоминания Сильвина М. А. «Мои встречи с В. И. Лениным», Десницкого В. А., расширенные и переработанные воспоминания Павловой М. Г. Во второй раздел — воспоминания Санаева М. И., Малиновской Е. К., Смольянинова В. А., Малышева С. В.

Воспоминания Николаева А. М., Острякова П. А. в отличие от первого издания этого сборника публикуются более полными по содержанию.

После воспоминаний каждого автора даны сведения о том, по какому источнику они печатаются.

Подлинники воспоминаний А. А. Березиной (Рукавишниковой), И. Д. Чугурина, В. М. Дулина, И. Г. Зайцева, А. И. Митрофанова хранятся в партийном архиве Горьковского обкома КПСС.

В конце книги в биографических сведениях, переработанных и дополненных, в алфавитном порядке даны краткие сведения как об авторах воспоминаний, так и об отдельных лицах, фамилии которых упоминаются в тексте.

Введение к сборнику написано профессором В. П. Фадеевым, биографические сведения — зав. партархивом Горьковского обкома КПСС В. А. Казаковым.

ВВЕДЕНИЕ

100-летие со дня рождения великого вождя и учителя рабочего класса и трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина — знаменательная историческая дата.

Для всех советских людей В. И. Ленин — самый близкий, дорогой человек. Его героическая жизнь была беспримерным подвигом во имя счастья трудового народа.

Ленин вошел в историю как гениальный мыслитель, организатор и вождь нашей партии и международного коммунистического движения, как основатель и глава первого в мире социалистического государства. Миллионы борцов за социализм и коммунизм во всем мире знают, что титанический труд, совершенный Лениным, неразрывно связан с величайшим переломом в истории человечества, положившим начало эпохе перехода от капитализма к коммунизму. Они понимают величие и силу идей ленинизма, осуществление которых позволило советским людям впервые в истории построить новое социалистическое общество и поднять Советскую страну на огромную высоту социально-экономического, технического и культурного расцвета.

Созданная Лениным Коммунистическая партия Советского Союза продолжает его великое дело. Она творчески развивает и практически осуществляет ленинское учение о строительстве коммунизма.

Решения XXIII съезда КПСС, намеченная им программа коммунистического строительства проникнуты духом ленинизма. Исторические задачи, поставленные высшим органом партии, советский народ встретил с огромным воодушевлением и с большим успехом борется за их практическое осуществление, обеспечивающее новые завоевания в коммунистическом строительстве.

Дело Ленина бессмертно, его имя трудящиеся произносят с любовью во всех уголках земного шара.

О Ленине написано много книг. Но, как справедливо замечает Г. М. Кржижановский, выявление во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич, задача большая и трудная. В произведениях, посвященных Ленину, значительное место принадлежит мемуарам его современников. Особенно ценными являются воспоминания, написанные близкими, родными Владимира Ильича, его соратниками и друзьями. Они дают замечательные, ничем не восполнимые сведения, характеризующие многогранный образ Ленина как вождя, учителя трудового народа, как простого, скромного в жизни человека, как чуткого друга и товарища. Но советские люди хотят знать о Ленине еще больше, их интересуется каждая деталь его жизни. Поэтому историческую ценность представляет каждая крупинка воспоминаний современников, рассказывающих о личных встречах с Лениным, о его мыслях, высказанных в беседах, о его духовном облике.

Представляется целесообразным собрать воедино воспоминания нижегородцев о встречах с Лениным и опубликовать их в одном сборнике. Правда, некото-

рые из этих воспоминаний печатались ранее в различных изданиях, но многие из них стали теперь библиографической редкостью.

Настоящий сборник состоит из трех разделов.

В первом из них публикуются воспоминания нижегородцев, представлявших собой поколение революционеров-марксистов, которые положили начало развитию социал-демократического движения в нашем городе.

В эту плеяду нижегородских марксистов входили: С. И. Мицкевич, М. Г. Григорьев, М. А. Сильвин, З. П. Невзорова (Кржижановская), А. И. Пискунов, С. П. Невзорова (Шестернина), В. А. Десницкий, сормовские рабочие Д. А. Павлов, И. Д. Чугурин и др. Их воспоминания о В. И. Ленине, о зарождении связи с ним, а затем о партийной работе под его руководством имеют огромный исторический интерес.

Эта связь установилась в первой половине 90-х гг. В то время сторонников марксистского учения в России было еще мало и социал-демократические кружки существовали в немногих и лишь в крупных городах страны.

В 1891—1892 гг. по инициативе участников федосевского кружка в Казани М. Г. Григорьева и П. Н. Скворцова в Нижнем Новгороде были созданы первые марксистские кружки. Но, слабо связанные с рабочей массой, они с трудом пробивали себе дорогу. Активное участие в работе этих кружков принимали братья Л. Б. и Г. Б. Красины, С. И. Мицкевич, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, И. П. Гольденберг, М. Ф. Владимирский, сестры С. П. и З. П. Невзоровы, рабочие Я. С. Пятибратов, М. М. Громов, А. Г. Гуревич, А. Парфенов и др.

Подъем рабочего движения, начавшийся к середине 90-х гг., выдвинул перед русскими марксистами практическую задачу соединения социализма с рабочим движением, создания в России политической партии пролетариата. В 1893 г., переехав в Петербург, Ленин поставил эти задачи в центр всей работы марксистских кружков.

В августе 1893 г. по пути из Самары в Петербург Владимир Ильич заехал в Нижний Новгород, чтобы установить личную связь и контакт в работе с местными деятелями марксистского движения. Здесь он имел встречу и длительную беседу с П. Н. Скворцовым, М. Г. Григорьевым и С. И. Мицкевичем, которая состоялась в комнате Скворцова, занимаемой им в гостинице Никанорова, находившейся на углу Большой и Малой Покровской (нынче угол ул. Свердлова и Воробьева). В ходе беседы Владимир Ильич ознакомился с революционной работой нижегородцев, разъяснил им ближайшие задачи революционного движения, подчеркивая при этом важность и необходимость объединения и сплочения марксистских сил всей страны.

В. И. Ленин произвел глубокое впечатление на нижегородских марксистов. «В молодом Ленине,— вспоминает С. И. Мицкевич,— чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина суждений. Интересно отметить, что уже тогда в нем виден был будущий организатор нашей партии: он уделял огромное внимание собиранию всех наличных революционно-марксистских сил, установлению связей между марксистами, разбросанными в разных городах».

Этот первый визит Владимира Ильича в Н. Новгород, заложивший прочные связи с нижегородскими марксистами, имел огромное значение для всей их деятельности.

Беседа с Лениным, идеи, высказанные им, не только вдохновили нижегородцев, но и дали им необходимое представление о социал-демократической работе в Поволжье и других городах страны.

Во второй раз в Н. Новгород Ленин приехал в январе 1894 г., когда идейная борьба марксистов и народников проходила здесь в самой острой форме. На собрании марксистов и народников Ленин выступил с рефератом о книге народника В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». Это собрание проходило на квартире учительницы М. Е. Якубовской на Петропавловской ул. (ныне ул. Володарского, д. № 13). Ленинский реферат познакомил нижегородцев с подлинно научными, марксистскими взглядами на закономерный ход развития капитализма в России и с неотразимой критикой народнической утопической теории. Рассказывая о выступлении Владимира Ильича и о впечатлении, произведенном на слушателей его рефератом, М. Г. Григорьев пишет: «В то время слава о силе его диалектики распространена была уже довольно широко... а потому интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным условиям публики на собрании сравнительно было немного и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели впечатление, и никого среди присутствующих не нашлось смелого для возражения».

После этого ленинского реферата нижегородские марксисты привлекли на свою сторону много новых сторонников из числа революционной интеллигенции, тяготевшей ранее к народничеству.

Таким образом, переход революционного движения от народнического, буржуазно-демократического этапа к высшему, пролетарскому, марксистскому этапу совершался в Нижнем Новгороде под непосредственным влиянием и руководством В. И. Ленина.

Летом 1894 г. В. И. Ленин, находясь в Москве, решил в начале июня вновь предпринять поездку в Н. Новгород. Здесь Владимира Ильича встретила З. П. Невзорова и устроила его в квартире своей сестры О. П. Голубцовой, в доме Мейера на Б. Печерской (ныне ул. Лядова, д. № 47).

За два дня пребывания в Нижнем Владимир Ильич провел большую работу с руководителями местных пропагандистских кружков. На совещаниях, проходивших на квартирах А. Е. Кугушевой, а затем А. А. Рукавишниковой, он выступил с сообщением о новом направлении и новых методах в практической деятельности социал-демократов, о необходимости перехода от узко-кружковой пропаганды к широкой агитации в рабочих массах.

Вспоминая об этом, З. П. Невзорова отмечает: «Мы обсуждали исключительно дела нашей с.-д. организации и, главным образом, новые методы работы в массах».

В соответствии с указаниями Ленина нижегородские социал-демократы приступили к перестройке своей работы. Они установили тесную связь с заводами Сормова, Курбатова, Добровых и Набгольц, мукомольными и другими промышленными предприятиями, стали устраивать партийные массовки, печатать на гектографе листовки и распространять их среди рабочих Нижнего Новгорода.

В результате неоднократных приездов Ленина в 1893—1894 гг. Нижний Новгород оказался в числе тех центров страны, где еще на заре социал-демократиче-

ского движения в России Владимир Ильич сформулировал практические задачи пролетарских революционеров, которые нашли свое идейное и организационное воплощение в знаменитом «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», созданном Лениным в 1895 г. в Петербурге.

К середине 90-х годов социал-демократическое движение в Нижнем Новгороде пустило глубокие корни. Огромную помощь нижегородским социал-демократам оказывал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». По свидетельству М. А. Сильвина, он сам, а также другие деятели «Союза борьбы» — А. А. Ванеев, Г. М. Кржижановский, З. П. Невзорова часто выезжали из Петербурга в Н. Новгород, привозили нелегальную литературу, помогали местным работникам осваивать опыт партийной работы петербургских марксистов, возглавляемых В. И. Лениным. Помимо Петербурга, нижегородцы поддерживали тесную связь с социал-демократическими группами других городов (через Мицкевича и Лядова — с Москвой, через Лалаянца — с Самарой, через С. П. Невзорову — с Владимиром, через Шестернина — с Иваново-Вознесенском).

Встревоженное ростом социал-демократического движения в стране, царское правительство стало применять все меры полицейских репрессий для его подавления. В декабре 1895 г. жандармы разгромили Петербургский «Союз борьбы», арестовали его руководящее ядро во главе с В. И. Лениным. Волна репрессий прокатилась затем по всем крупным промышленным центрам страны.

В июне 1896 г. жандармы подвергли разгрому социал-демократические кружки в Н. Новгороде. В результате массовых арестов в городе, Канавине, Сормове

около 80 активных участников социал-демократического движения были заключены в тюрьму.

Жандармский налет был тяжелым ударом для Нижегородской социал-демократической организации, но оставшиеся на свободе социал-демократы не прекратили революционной работы. «Приходилось, — пишет в своих воспоминаниях З. П. Невзорова, — начинать все заново и понемногу, осторожно склеивать и сплавивать уцелевшую рабочую молодежь, остатки интеллигенции, организовывать кружки, восстанавливать связи с заводами».

За восстановление организации энергично взялись молодые революционеры М. Ф. Владимирский, В. А. Десницкий, Д. А. Павлов, П. А. Заломов и другие.

В это трудное для социал-демократов время была особенно ценной та многообразная помощь, какую оказывал нижегородским революционерам А. М. Горький. «Нас, ранних социал-демократов, молодых марксистов, Горький интересовал и привлекал к себе особенно сильно»*, — пишет В. А. Десницкий.

Авторы публикуемых в настоящем сборнике воспоминаний описывают свои впечатления о В. И. Ленине не только в периоды его приездов в наш город, но и от встреч с ним в других местах страны. В этом отношении особый интерес представляют воспоминания М. А. Сильвина, которому на протяжении ряда лет пришлось находиться рядом с Лениным и в период деятельности ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге и в период их совместной сибирской ссылки.

* В. А. Десницкий. А. М. Горький. М., Госполитиздат, 1959, стр. 4.

Поэтому наблюдения М. А. Сильвина отличаются полнотой и всесторонностью. Он рассказывает о знакомстве с Владимиром Ильичем в начале его революционной деятельности в Петербурге и о том огромном впечатлении, какое Ленин производил на всех участников петербургского марксистского подполья своим духовным обликом, силой своего интеллекта.

Наблюдая Владимира Ильича в быту, в домашней обстановке, в общении с товарищами, М. А. Сильвин отмечает: «Человек он был удивительно деликатный, любезный собеседник, верный товарищ, простой и ясный в личных отношениях, непринужденно веселый, когда товарищи собирались повеселиться... Совершенно иной он был как политик: сосредоточен, неуступчив, суров до жестокости, чужд сантиментов... «Революция не игра в бирюльки, — говаривал он, — в ней нет места обывательским соображениям».

Ценные сведения дают воспоминания А. И. Пискунова, С. П. Невзоровой и С. П. Шестернина, освещающие возникновение в самом начале 900-х гг. в Нижнем Новгороде искровской группы, создание и деятельность первого Нижегородского комитета РСДРП. Эти события характеризовали переломный момент в жизни нижегородских социал-демократов, и он совершался здесь также при ближайшем участии и решающем влиянии В. И. Ленина.

В это время русская социал-демократия переживала организационный разброд, идейные шатания, выразителями которых явились «экономисты», представляющие собой русскую разновидность международного оппортунизма.

В этих условиях встречи В. И. Ленина с нижегородскими марксистами, которые состоялись весной и летом 1900 г., имели для них особенно важное значение.

В феврале 1900 г., после отбытия сибирской ссылки, Владимир Ильич возвращается в Россию и по дороге останавливается в Уфе, куда до конца срока ссылки была направлена Н. К. Крупская. В середине февраля Ленин приезжает в Москву откуда он в дальнейшем совершает выезды в различные города, в том числе и в Нижний Новгород. О новом визите в это время Владимира Ильича в наш город рассказывает в своем воспоминании А. И. Пискунов.

На этот раз Ленину, очевидно, не удалось встретиться с более широким кругом местных работников, и летом того же года, совершая поездку в Уфу, он вновь заезжает в Нижний Новгород и останавливается здесь на два дня. По договоренности с Владимиром Ильичем в Подольске, С. П. Невзорова заранее выехала в Нижний Новгород, чтобы информировать нижегородских социал-демократов о дне приезда и встрече с Лениным. Вспоминая об этом событии, С. П. Шестернин в своих мемуарах писал: «Жена (С. П. Невзорова), как нижегородка, созвала местных партийцев, перед которыми Владимир Ильич развивал свои организационные планы объединения сил и издания заграничного партийного органа. Собрание происходило в квартире матери моей жены на Полевой ул.» (ныне ул. М. Горького, д. № 127).

8 июня на совещании местных работников, где присутствовали: С. П. Невзорова, С. П. Шестернин, В. А. Ванеев (брат А. А. Ванеева), В. А. Десницкий, А. Ф. Войткевич, О. П. Иваницкая, Г. И. Гаринов, М. И. Самылин и др., Ленин осветил особенности социал-демократического движения в стране и подробно разъяснил свой план создания общерусской нелегальной марксистской газеты, которая явится основным орудием в строительстве марксистской партии нового типа. Ленин

указал, что такая газета подготовит идейный разгром врагов партии внутри рабочего движения, разоблачит антимарксистскую сущность оппортунизма «экономистов» и расчистит почву для создания в России единой революционной партии пролетариата.

Из бесед с нижегородцами Владимир Ильич получил конкретный материал, характеризующий взгляды и направление в работе местных социал-демократов, и некоторых из них подверг критике за их идейные колебания.

Уезжая из Нижнего, Ленин оставил здесь убежденных сторонников и последовательных проводников своих идей. Для создаваемой газеты «Искра» он подобрал корреспондентов, договорился о шифрах, взял адреса для отправки из-за границы писем и литературы.

До отъезда 16 июня 1900 года за границу, Ленин провел в ряде городов страны огромную работу, и по выражению Н. К. Крупской, «усердно вил нити организации, которые должны были тесно связывать будущую заграничную общерусскую газету с Россией, с русской работой»*.

В декабре 1900 г. за границей вышел первый номер газеты «Искра». Издание общерусской марксистской газеты было выдающимся событием в историческом развитии русской социал-демократии, в идейном и организационном строительстве марксистской партии в России.

После встречи с Владимиром Ильичем Лениным нижегородские социал-демократы создали сплоченную группу искровцев, которая занялась объединением разрозненно существующих марксистских кружков в еди-

* Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Т. 1. М., Госполитиздат, 1956, стр. 92.

ную социал-демократическую организацию искровского направления. В руководящее ядро нижегородских искровцев вошли А. И. Пискунов, О. И. Чачина, В. А. Десницкий, Я. М. Свердлов, рабочие Сормова — П. А. Заломов, Д. А. Павлов.

Не порывались у нижегородцев связи с Лениным и тогда, когда он был за границей. Они получали «Искру», направляли в газету свои корреспонденции, вели оживленную переписку с В. И. Лениным. «Сношения были налажены так правильно и регулярно, — отмечает А. Пискунов, — что Нижний был постоянно в сфере влияния возникшей в дальнейшем «Искры», правильно снабжался литературой и своевременно информировался из центра (из-за границы) через Н. К. Крупскую. Благодаря этому Нижегородская организация, по крайней мере ее большинство, все время в своей тактике сохраняла большевистский характер».

Ленин постоянно следил за деятельностью нижегородских социал-демократов. В письмах к Нижегородскому комитету РСДРП, возникшему в 1901 г., он давал необходимые советы и указания. В статьях, публикуемых в «Искре», Ленин отмечал крупнейшие события в революционном движении нижегородских рабочих, как, например, Сормовскую первомайскую демонстрацию 1902 г. и судебный процесс над участниками этой демонстрации.

Тяжелые полицейские условия, господствовавшие в царской России, нередко нарушали связь нижегородцев с Лениным, но в конце концов она вновь восстанавливалась. В годы первой русской революции, когда вопросы тактики пролетариата и его партии в революции, вопросы руководства революционными массами требовали неотложного решения, а внутри РСДРП меньшевистская часть распространяла свои оппортунистичес-

кие, соглашательские взгляды, большевистские организации на местах испытывали крайнюю необходимость в новых руководящих установках В. И. Ленина. Поэтому III съезд РСДРП, проходивший в апреле 1905 г. под руководством В. И. Ленина, сыграл огромную роль в вооружении большевистских организаций ленинской стратегией и тактикой, программой борьбы за победоносное развитие революции.

В работах III, IV и V съездов РСДРП в качестве делегата нижегородских большевиков участвовал В. А. Десницкий. Публикуемые в сборнике его воспоминания содержат богатые наблюдения. Он встречался с Владимиром Ильичем в самых разнообразных ситуациях и в России и за границей. Он видел Ленина и на трибунах партийных съездов, в обстановке деловых встреч, в часы отдыха и в беседах при совместных путешествиях по городам Европы.

Назвав свое воспоминание «В. И. Ленин и М. Горький», В. А. Десницкий рассказывает в нем о зарождении и развитии глубокой и трогательной дружбы, которая сложилась между гениальным вождем рабочего класса и великим пролетарским писателем. Читатели с большим интересом прочтут яркие, образные и волнующие воспоминания В. А. Десницкого. Но объем и тема нашего сборника не позволяют полностью опубликовать все воспоминания автора; публикуется лишь та часть их, которая в наибольшей степени освещает события и факты жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина.

Находясь в вынужденной эмиграции, далеко от Родины, Владимир Ильич радостно встречал партийных работников, приезжавших из России. Он с жадностью расспрашивал их о последних событиях революционного движения в России, о настроениях в рабочей среде

и в партийных организациях. Встретившись с Десницким, приехавшим в 1905 г. делегатом на III съезд, Владимир Ильич подробно расспрашивает его о революционной борьбе в Н. Новгороде, о массовых выступлениях сормовских рабочих, о их боевых дружинах, о схватках с черносотенцами и т. д. В. А. Десницкий с восхищением отмечает страстные, убедительные выступления Владимира Ильича на партийных съездах, покорявшие слушателей прозорливостью, неумолимой логикой, ясностью выводов.

В. А. Десницкий показывает, какими серьезными, простыми по построению, без звонких фраз, глубоко содержательными были выступления Владимира Ильича по сравнению с речами меньшевистских златоустов — Мартова, Дана, Троцкого, с их искусственной эмоциональностью и жестикуляцией, речами, насыщенными словесными украшениями, в которых тухла всякая логика.

«В речах Ленина, — пишет В. А. Десницкий, — выковывался стиль великой революции. Стиль речи простой и ясной, стиль мощной, внешне сдержанной революционной страстности, величайшей насыщенности мыслью, стиль речи беспощадной ко всякой лжи, к полуистине, к революционной фразе. И никакой ораторской позы, никакой игры голосом».

Даже в самый мрачный период столыпинской реакции нижегородские большевики находили различные средства для поддержания связей с В. И. Лениным. Эмигрировавшие за границу после поражения революции 1905—1907 гг. активные деятели Нижегородской большевистской организации Н. А. Семашко, М. Ф. Владимирский, З. П. Невзорова стали работать вместе с Лениным, под его непосредственным руководством. В письмах к нижегородцам они сообщали ленинские ди-

рективы, информировали их о деятельности большевистского центра.

С интересом читаются воспоминания сормовского рабочего И. Д. Чугурина о его пребывании в партийной школе, организованной в 1911 г. Лениным в Лонжюмо (Франция). За время пребывания в школе автору воспоминаний посчастливилось прослушать несколько курсов лекций, прочитанных В. И. Лениным. Переходя к периоду Февральской революции, И. Чугурин описывает историческую демонстрацию петроградских рабочих и солдат 3 апреля у Финляндского вокзала в честь приезда вождя социалистической революции В. И. Ленина. В 1917—1918 гг. И. Д. Чугурин работал в Петрограде, неоднократно лично встречался с Владимиром Ильичем.

Воспоминания, помещенные во втором разделе настоящего сборника, написаны рабочими и крестьянами, партийными и научными работниками Нижегородской губернии. Они рассказывают о своих встречах и беседах с В. И. Лениным в первые годы после победы Октябрьской социалистической революции. В это время молодая Советская республика, получившая в наследство от капиталистов и помещиков вконец разрушенное хозяйство, находилась в исключительно тяжелом положении. Продовольственный кризис охватил всю страну. Народ голодал. Кулачество, располагавшее хлебом, уклонялось от сдачи излишков Советскому государству. Промышленность и транспорт находились в упадке. Капиталисты всячески пытались сорвать работу фабрик и заводов, скрывали имевшиеся у них запасы сырья и топлива. Положение усугублялось тем, что Советской России приходилось вести самую ожесточенную войну на

фронтах против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции.

Глава и руководитель Советского государства В. И. Ленин проводил гигантскую работу по организации трудящихся масс на борьбу с хозяйственными трудностями и враждебными силами, выступавшими против социалистической революции. Владимир Ильич принимал, выслушивал многочисленных ходоков-рабочих, крестьян, которые шли к нему за советом и помощью со всей России, подолгу беседовал с ними.

В воспоминаниях простых людей, рабочих и крестьян Нижегородской губернии говорится о наболевших вопросах, за разрешением которых они шли к Ленину. Рабочие Сормова, занятые восстановлением завода, направили к В. И. Ленину своего товарища В. И. Малыгина, поручив ему решить вопрос о национализации этого большого и важного для страны предприятия. Железнодорожник Г. Васильцев на приеме у Ленина получил удовлетворение просьбы рабочих об открытии школ на ж.-д. транспорте. Речник С. Авдеев поехал в Москву к Владимиру Ильичу за советом, как изыскать средства для улучшения материального положения работников водного транспорта; крестьянин А. Коркунов на приеме у Ильича изложил ходатайство односельчан о государственной помощи семенным материалом...

Множество ходоков от трудового народа со всей страны перебивало в кабинете Ильича. Некоторые из них приходили к нему не только с общественными, но и личными вопросами. Все они уходили от Ленина глубоко удовлетворенными решением своих вопросов. Авторы воспоминаний с огромной радостью и волнением рассказывают о встречах и беседах с Владимиром Ильичем. Они восхищаются громадным умом, энергией, простотой и доступностью Ленина и вместе с этим его

превосходным знанием жизни страны, положения рабочих и крестьян, его чуткостью к запросам и нуждам трудящихся. «Эта встреча с Ильичем, — пишет В. Малыгин, — для меня незабываема. Меня больше всего поражала его простота в обращении с рабочими, чувствуешь, что беседуешь с самым близким другом-товарищем». Г. Васильцев, которому посчастливилось слушать лекции Ленина о государстве и лично беседовать с ним, пишет: «Образ В. И. Ленина навсегда останется в моем сердце. Великий, простой, скромный, доступный человек, строгий к себе, чуткий и внимательный к окружающим, — таким знают его все, кто работал или просто встречался с ним».

Читатель с интересом прочитает волнующие страницы воспоминаний делегата XI съезда партии А. И. Митрофанова. Рассказывая о содержании работы съезда, автор тепло, с большой любовью рисует образ вождя и то стремление, с которым делегаты съезда старались запечатлеть в памяти каждое слово, каждую мысль и каждый жест Владимира Ильича. «Изумляешься, — пишет автор, — каким огромным запасом жизненных сил обладал Владимир Ильич, поражаешься огромной силе ленинского интеллекта, его ума и воли. И не будет преувеличением сказать, что доклад тяжело больного Ленина на XI съезде РКП(б), его последний политический отчет ЦК партийному съезду — это большой подвиг».

Яркие факты о внимании В. И. Ленина к работникам науки, к развитию новейшей техники приводят в своих воспоминаниях организаторы и деятели Нижегородской радиолaborатории — профессор М. А. Бонч-Бруевич, А. М. Николаев и П. А. Остряков.

Творческая, научная деятельность специалистов, создавших в 1918 г. в Нижнем Новгороде радиолaborаторию, которая играла роль первого в Советской Рос-

сии крупного научно-исследовательского центра в области радиотехники, нашла живой отклик и всемерную поддержку со стороны Владимира Ильича. Руководящие работники Нижегородской радиолaborатории отмечают, что ее создание и деятельность тесно связаны с именем Ленина, с его активным участием в решении задач развития радиотехники в стране. «Многим, если не сказать — всем своим существованием, — пишет А. М. Николаев, — радиолaborатория обязана Владимиру Ильичу».

Высоко оценивая значение радиотехники и, в частности, радиовещания в социалистическом строительстве, Ленин пристально наблюдал за развитием Нижегородской радиолaborатории, помогая ее работникам преодолевать многочисленные трудности, стоявшие на их пути.

В письме ведущему специалисту радиолaborатории профессору Бонч-Бруевичу он писал: «Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам в этой и подобных работах...»

Владимира Ильича глубоко интересовали научные исследования, проводимые радиолaborаторией, а также ее производственная деятельность, связанная с изготовлением радиоприемников, громкоговорителей и других технических средств, позволяющих проводить «митинг с миллионной аудиторией» и создать «газету без бумаги» и «без расстояний». 26 января 1921 г. в записке управделами Совнаркома В. И. Ленин указал: «Следить специально за этим делом, вызывая *Острякова и говора по телефону с Нижним*»*.

Нижегородская радиолaborатория заложила первые камни в основание высокоразвитой советской радио-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 52, стр. 54.

промышленности, производящей в массовом масштабе радиотехническую аппаратуру. Сбылись мечты В. И. Ленина о радиовещании для миллионов людей. Советское радио является могучим средством в деле политического и культурного воспитания нашего народа. Десятки миллионов радиоточек, радиоприемников, миллионы телевизоров густой сетью покрыли города и села нашей Родины. Круглосуточно ведутся радиопередачи в СССР. Они сообщают народу о буднях жизни и великих победах советского народа, о его решимости осуществить в кратчайшие сроки намеченные планы коммунистического строительства в нашей стране.

Сборник завершается очерком М. Горького «В. И. Ленин». Очерк М. Горького — одно из замечательных повествований, в котором образно и живо рисуются многие картины необыкновенно яркой революционной жизни Ленина, а также его черты как великого исторического деятеля, обладавшего гениальной мудростью и высокими душевными качествами, друга и учителя трудового народа. Это произведение М. Горького широко известно, оно является достоянием всего советского народа, и мы не можем не включить его в сборник воспоминаний нижегородцев о Ленине, ибо считаем Горького своим замечательным земляком.

Владимир Ильич Ленин на протяжении своей жизни был тесно связан с народом, советовался с трудящимися по всем важнейшим вопросам жизни и революционного преобразования страны.

О коренных интересах, о счастливой полнокровной жизни народа думал В. И. Ленин, разрабатывая смелую

программу превращения экономически отсталой России в передовую, промышленно и культурно развитую социалистическую державу.

Ленин предвидел, что Советская страна пойдет вперед семимильными шагами, что она достигнет огромных высот в развитии промышленности, сельского хозяйства, станет очагом изумительного прогресса науки, техники и передовой культуры всего человечества. Жизнь полностью подтвердила ленинские предвидения.

Наша Родина демонстрирует ныне свое могущество во всех областях народнохозяйственной и культурной жизни. Следуя по ленинскому пути, советский народ под руководством Коммунистической партии построил социалистическое общество и ныне успешно продвигается вперед, к заветной цели — коммунизму.

Политическая и теоретическая
деятельность Ленина,
его непримиримая борьба
против оппортунизма,
против попыток искажения
марксистской теории,
воспитание пролетариата
в революционном духе,
творческое применение марксизма
к условиям России,
научное обобщение опыта
массового рабочего движения в стране
положили начало новому,
ленинскому,
этапу в развитии марксизма
и в деятельности русских марксистов,
в рабочем движении России.

В. И. Ленин. Биография.

С. И. МИЦКЕВИЧ

**ВСТРЕЧА
С В. И. УЛЬЯНОВЫМ-
ЛЕНИНЫМ**

Первый раз я встретился с В. И. Лениным в августе 1893 г. в Нижнем Новгороде (ныне город Горький). Произошло это при следующих обстоятельствах. Я был тогда студентом-медиком 5-го курса Московского университета и работал летом на эпидемии холеры на Сормовском заводе, близ Нижнего Новгорода. Я был уже тогда марксистом и встречался с нижегородскими марксистами П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым, участниками первого марксистского кружка в Казани, называвшегося федосеевским, по имени самого выдающегося его члена Н. Е. Федосеева.

В одну из своих поездок из Сормова в Нижний я зашел к Скворцову и застал у него незнакомого человека, оживленно беседовавшего с ним и с Григорьевым. Познакомившись, я узнал, что это Владимир Ильич Ульянов. В Нижний он заехал по пути из Самары в Петербург, где он решил обосноваться; заехал он сюда, чтобы познакомиться со Скворцовым, которого он знал по его статьям в «Юридическом вестнике», первым русским легальным марксистским статьям по экономике России. Решил он заехать после Нижнего еще во

Владимир, чтобы повидаться с Федосеевым, которого, по его сведениям, должны были выпустить из тюрьмы на поруки. Но Владимиру Ильичу тогда не пришлось повидаться с Федосеевым, так как освобождение его из тюрьмы задержалось на некоторое время.

Зашел разговор о Федосееве. Скворцов и Григорьев, которые его хорошо знали, говорили, что это замечательный человек, подающий большие надежды, много работающий. Потом беседа наша с Ильичем перешла на другие вопросы: мы рассказали ему о наших связях среди интеллигентской молодежи, о начинающейся работе среди рабочих в Москве и Нижнем. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания прочной организации, установления связей между городами. Владимир Ильич дал мне московский адрес своей сестры Анны Ильиничны, на квартире которой он собирался встречаться, наезжая из Петербурга, с московскими марксистами. Говорили также о крестьянстве, о борьбе с народниками, о рабочем движении на Западе.

У нас во время беседы было приподнятое настроение: марксистов было тогда еще мало в России, мы были единицами, но мы сознавали, что великое учение Маркса дает нам ключ к разрешению «проклятых вопросов» и что будущее принадлежит нам.

Так беседовали мы с Ильичем несколько часов, пока не пришло время ему ехать на вокзал.

В молодом Ленине чувствовалась большая эрудиция и какая-то особая основательность и глубина суждений. Интересно отметить, что уже тогда в нем виден был будущий организатор нашей партии: он уделял огромное внимание собиранию всех наличных революционно-марксистских сил, установлению связей между марксистами, разбросанными в разных городах.

В начале сентября я приехал в Москву и первым делом пошел по адресу, данному мне Ильичем,— знакомиться с Анной Ильиничной и ее мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим в управлении Курской железной дороги. Жили они тогда, помнится, в Яковлевском переулке, близ Курского вокзала. У них жили еще брат Владимира Ильича, Дмитрий Ильич, тогда студент 1-го курса медицинского факультета, и младшая сестра, Мария Ильинична, гимназистка 5-го или 6-го класса. Я сразу сблизился с этой милой семьей и с тех пор всю жизнь поддерживал с ней дружеские отношения. Они оказывали мне всяческое содействие во время моей работы в Москве и помогли установить некоторые ценные связи. У них я познакомился с железнодорожным служащим Окуличем, который имел знакомства среди рабочих, а через него — с приехавшим из Вильно Е. И. Спonti, который играл потом видную роль в Московской марксистской организации.

Анна Ильинична принимала активное участие в работе этой организации, она была средоточием всех связей организации: восстанавливала связи после провалов, связывала вновь приезжающих работников между собой и с рабочими. Анна Ильинична переводила также пропагандистские брошюры с немецкого, перевела драму Гауптмана «Ткачи», которая была напечатана на гектографе, популярно изложила книгу Дементьева «Фабрика» и пр. В 1898 г. она вошла в состав первого Московского комитета, образовавшегося после I съезда Российской социал-демократической рабочей партии в Минске.

Д. И. Ульянов, тогда юный марксист, принимал участие в студенческих марксистских кружках, а вскоре стал работать и среди рабочих; в ноябре 1897 г. он был арестован по делу Московского рабочего союза.

Вскоре после моего знакомства с Анной Ильиничной в Москве образовалась (в конце сентября 1893 г.) первая марксистская группа из шести лиц («шестерка») для систематической пропаганды и агитации среди московских рабочих. Я был в составе этой «шестерки». Наша группа за все время своей работы поддерживала связь с Владимиром Ильичем.

В конце декабря 1893 г. я поехал на рождественские каникулы в Нижний Новгород и возвратился оттуда в Москву 12 января 1894 г.

Здесь шли разговоры о недавней дискуссии между известным литератором В. В., автором книги «Судьбы капитализма в России», и петербуржцем-марксистом. От А. И. Елизаровой я узнал, что выступавший с огромным успехом против В. В. петербуржец был Владимир Ильич, который теперь поехал в Нижний. Я, таким образом, с ним разминулся и не был на его выступлениях ни в Москве, ни в Нижнем. Мне было очень досадно. Анна Ильинична подробно рассказала мне об этом выступлении Ильича; этот рассказ она потом изложила в своей статье.

«Помню... дебаты, — пишет Анна Ильинична, — принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде в «красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических *Zwischen-gif'* ов, заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало особенно после второго в ответ солидному народнику слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, ступшевался. Диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которых Владимир Ильич переубедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах».

М. П. Голубева об этом же выступлении вспоминает: «Впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили как о новой звезде, появившейся на горизонте, — одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой — что, мол, из этого будет».

Это выступление отмечено и в летописях охраны, в сообщении начальника Московского охранного отделения Бердяева от 20 января 1894 г. о наблюдениях

агентов за И. М. Давыдовым, который приезжал на каникулы из Юрьева в Москву.

«Вследствие отношения от 18 прошлого декабря за № 7271 имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Мордухов Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц, политически неблагонадежных. Кроме пассивного участия на чисто студенческом вечере 12 сего января, агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа сего месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залеской по Воздвиженке. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлович Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела...»*.

После этого выступления Ильич поехал в Нижний и там сделал доклад. Вот как вспоминает Григорьев об этом докладе:

«...Местом прочтения В. И. Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартирка Минодоры Егоровны Якубовской... интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным условиям публики на реферате сравнительно было немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатле-

* «Красный архив», 1934, № 62, стр. 76.

ние, и никого среди присутствовавших не нашлось смелого для возражений».

Выступления Ленина в Москве и Нижнем значительно усилили позиции марксистов в этих городах.

По возвращении Ильича из Нижнего в Москву я виделся с ним; мы побывали вместе у А. Н. Винокурова, который тоже входил в руководящую московскую марксистскую группу. Мы рассказали Ильичу о наших московских рабочих кружках, о нашем намерении в ближайшее время перейти к массовой агитации путем выпуска листовок. Он очень внимательно и сочувственно слушал наши сообщения и особенно одобрял наше намерение перейти от кружковой работы к агитации.

Владимир Ильич побыл тогда в Москве недолго. Приезжал он еще раз в эту зиму, помнится, в конце февраля, на масленице, я виделся с ним, ходили опять к Винокурову, там встретили А. С. Розанова, марксиста, приехавшего из Нижнего.

Летом 1894 года наша организация развила значительную по тому времени работу среди рабочих: были установлены связи на ряде московских фабрик, было выпущено несколько агитационных листов, имевших большой успех среди рабочих, организовано несколько стачек и на московских и подмосковных фабриках*.

В период этой напряженной горячей работы я часто встречался с Ильичем. Он проводил лето на даче у Анны Ильиничны, близ станции Люблино Курской железной дороги, в дачном поселке Кузьминках. Ильич заходил иногда ко мне, бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых. Мы гуляли с ним по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он расспрашивал

* См. об этом подробнее в моей книге «Революционная Москва». М., Гослитиздат, 1940. — С. М.

о нашей работе, говорил о вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Однажды Владимир Ильич дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была рукопись в толстой тетради, написанная характерным почерком Ильича и представляющая собой исследование о расслоении крестьянства на юге России, о выделении из крестьянской массы, с одной стороны, экономически мощной кулацкой группы, применявшей в своем хозяйстве машины и наемный труд, с другой — разоряющейся маломощной группы крестьян, постепенно пролетаризирующихся.

Статью эту Ильич хотел поместить в легальной прессе и передал в редакцию «Русской мысли», экономической частью которой ведал Н. А. Каблуков. Уже после отъезда Ильича из Москвы по его поручению я заходил к Каблукову, чтобы узнать об участии этой статьи. Каблуков вернул ее мне, сказал, что она не будет напечатана, как не подходящая по направлению для их журнала.

Статья осталась у меня и была взята при обыске 3 декабря 1894 г. В 1923 г., т. е. почти через 30 лет, я нашел ее в архиве, в «вещественных доказательствах» по моему делу, и в том же году она была напечатана в сборнике Истпарта «К 25-летию I съезда партии» и вошла в 1-й том Сочинений Ленина*.

После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта работа произвела на меня тогда огромное впечатление.

Надо сказать, что в течение зимы 1893-1894 г. в либерально-народнических журналах появилось несколько статей против марксизма и русских марксистов. Кам-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. I, стр. 1—66.

пания в печати против марксистов не встречала отповеди со стороны марксистов ни в легальной, ни в нелегальной прессе, да и вообще не было теоретической работы, формулирующей марксистские теоретические взгляды, дающей обоснование основных программных и тактических лозунгов марксистов. Книги Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» были посвящены критике старого народничества (Бакунин, Ткачев, Лавров), идеи которого уже не были тогда актуальны; его эпигоны отказались от идей революционного народничества и распространяли идеи оппортунистически-мещанского. Чувствовалась среди русских марксистов большая нужда в работе, которая дала бы отповедь яростным нападкам критиков-народников, разоблачила бы их мелкобуржуазную сущность, свела бы в единую систему марксистско-философские, экономические и политические идеи применительно к современным российским условиям.

И вот такая работа появилась. Можно сказать, что эта работа была манифестом революционного марксизма в России, первым программным документом большевизма.

По существу основные программно-теоретические и организационно-тактические вопросы предстоящей в России революции уже поставлены в этой работе Ленина, и здесь же намечено их решение в духе революционного марксизма. В этой книге Ленин завершил разгром народнической идеологии, начатый Плехановым.

И вот в моих руках рукопись этой замечательной работы, ответившей в основном на все наболевшие вопросы того времени. Понятно было мое волнение. Учитывая огромное значение этой работы, я решил, что ее нужно во что бы то ни стало размножить. За это взялись

братья А. Н. и В. Н. Масленниковы, студенты Московского высшего технического училища, и их двоюродный брат А. А. Ганшин, студент Петербургского технологического института, с которыми я познакомился через Анну Ильиничну; Ганшина знал и Ильич по Петербургской организации. Но работа у них что-то долго не налаживалась. Владимир Ильич уехал в конце августа или в начале сентября в Петербург, а у них все еще работа не была окончена. Однажды пришел ко мне Ганшин и сказал, что из Петербурга приезжал от Ильича человек и забрал весь воспроизведенный материал и подлинник статьи Владимира Ильича.

Из воспоминаний М. А. Сильвина, принимавшего участие в воспроизведении этой работы в Петербурге, а также и из других источников видно, что первый выпуск был воспроизведен на гектографе не более как в 50 экземплярах весной 1894 г.; второе издание первого выпуска было повторено той же группой в Петербурге в июле, тоже на гектографе (значит, тоже не более 50 экземпляров). В сентябре группа Сильвина уже оканчивала третье издание первого выпуска. В своих воспоминаниях Сильвин рассказывает, что Владимир Ильич, убедившись в том, что в Москве «тоже несовершенство техники, медленность печатания и незначительность выхода... огорченный всем этим... и, найдя, что у нас дело подвигается по крайней мере не хуже, сейчас же попросил отправиться в Москву, взять у Ганшина все, что уже готово, а также и самые рукописи».

Группа Сильвина отпечатала третий выпуск, поместив его сентябрем 1894 г. и снабдив для конспирации надписью: «Издан провинциальной группой социал-демократов».

Этот выпуск в гектографированном виде в желтой обложке доставил мне Ганшин из Петербурга только в

ноябре того же года. Таким образом, первый выпуск был издан в трех изданиях, причем несомненны только два первых, так как они найдены в царских архивах, а третий — в одном издании. Издание в Черниговской губернии, о котором пишет Могилянский («Былое», № 23), вышло в свет (первый выпуск) только в 20—25 экземплярах. Издание второго выпуска сомнительно, хотя есть полицейские сведения, что он был выпущен в Москве*. Во всяком случае, он до сих пор не найден.

Больше достоверных сведений об издании этого сочинения нет. Первое упоминание о нем в литературе сделал я в своей статье в сборнике «Текущий момент» в 1906 г. и повторил это упоминание в сборнике «На заре рабочего движения» в Москве в 1919 г. Тогда по моим указаниям начались поиски этой работы, которые увенчались успехом только в 1923 г., когда первый и третий выпуски были найдены в Петрограде, в Публичной библиотеке, и почти одновременно в Берлине, в социал-демократическом архиве. Тогда же впервые это сочинение вышло в издательстве «Московский рабочий», а затем помещено в 1-м томе Сочинений Ленина**.

Так же, как и первая статья Ленина, книга «Что такое «друзья народа» задержалась печатанием на 29 лет. Но, во всяком случае, руководящие партийные работники того времени почти все читали это гениальное произведение.

После выхода этой книги Владимир Ильич стал еще более популярным и признанным авторитетом среди

* См. донесение петербургского градоначальника от 27 мая 1895 года. — «Красный архив», 1934, № 62, стр. 82.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 1, стр. 125—346.

марксистов. Молодое русское марксистское направление поняло, что нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу.

Но в памяти людей, которые его знали, Владимир Ильич сохранился не только как теоретик и вождь, но и как жизнерадостный, веселый, живой человек. Он умел так внимательно слушать и расспрашивать, что казалось, он хочет до дна исчерпать своего собеседника, а его острые реплики раскрывали по-новому содержание беседы. Разговоры с ним доставляли истинное удовольствие и всегда вносили точность и ясность в обсуждаемый вопрос. Когда впоследствии мы встречались с каким-либо новым вопросом теории или практики политической работы, мы всегда живо интересовались, как на это смотрит Ильич, каково его мнение, и всегда оказывалось, что его мысли, его директивы бывали самыми мудрыми, самыми правильными, ведущими партию и пролетариат к неуклонному росту и к конечной победе.

В декабре 1894 г. я был арестован; вместе со мной были арестованы еще два члена нашей «шестерки», А. Н. и П. И. Винокуровы; остались на свободе М. Н. Лядов, Е. И. Спonti и рабочий С. И. Прокофьев. К этому времени в организацию был уже привлечен ряд новых лиц, пропагандистская и агитационная работа продолжала расширяться. На маевке в 1895 г. Московская организация приняла название «Рабочий союз».

Ильич продолжал поддерживать связь с Московской организацией через Спonti и братьев Масленниковых.

После летних провалов в Москве, когда были арестованы Лядов, братья Масленниковы и многие другие, Ленин старался восстановить свои связи с Московской организацией, как это видно из его письма к Аксельроду в

Цюрих в ноябре 1895 г.: «Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни»* ни слуху ни духу. Цел ли он? Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы, но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек»**.

Вскоре после этого письма Ленин был арестован (9 декабря 1895 г.)

* Е. И. Спonti был арестован 12 декабря 1895 г. — С. М.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 46, стр. 8.

Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. 1.
М., Госполитиздат, 1956,
стр. 130—136.

М. Г. ГРИГОРЬЕВ

МАРКСИСТЫ В НИЖНЕМ В 1889—1894 гг.

I

...Устраиваясь мало-помалу в Нижнем, мы с Лалаянцем в 1890 г. подумывали о пропаганде среди фабричных рабочих и для знакомства с рабочими проектировали ходить по трактирам фабрично-заводского района (близ курбатовских заводов). Из этой затеи ничего не вышло, не вышло ничего серьезного и из пропаганды через Лалаянца среди учащейся молодежи, за отсутствием у него более тесных и надежных, освященных временем знакомств.

В Нижегородском реальном училище господствовал преподаватель истории Веселов — черносотенник и юдофоб, и в стенах этого заведения казалась невозможной никакая революционная пропаганда. Между тем, на следующий же за отъездом Лалаянца в Казань год в недрах именно Нижегородского реального училища и сформировались такие силы, как Гольденберг и Ванеев, оба отдавшие свою жизнь делу развития марксизма в России. Из Нижегородского же реального училища вышли и А. А. Кузнецов, Юдин и ряд других работ-

ников, так или иначе оказавших услуги развитию марксизма в России.

Мне особенно из прошлого памятен день десятилетия смерти Карла Маркса (март 1893 г.). В этот день организованные мною, Гольденбергом, Сильвиным и др. кружковые собрания насчитывали уже свыше 90 участников. В числе участников было несколько рабочих кружков, были кружки среди гимназистов, реалистов и семинаристов. На одном из кружковых в этот день собраний, на квартире сестер Дмитриевых, был юноша-семинарист М. Ф. Владимирский...

И. Х. Лалаянц, получив в Нижегородском реальном училище свидетельство об окончании седьмого дополнительного класса, в 1890 г. переехал на жительство в Казань и поступил там в ветеринарный институт. С этого момента связь у меня с ним была уже порвана.

И. Х. Лалаянц так же, как и Н. Е. Федосеев, перешел в стан гонимых из ряда белоподкладочной молодежи. Так же, как и Федосееву, И. Х. Лалаянцу пришлось порвать не только с семьей, но и с материальной поддержкой этой семьи, отнюдь не желавшей видеть в нем не только революционера, но даже и ветеринара. Углубляясь в революционную деятельность, он перешел окончательно в ряды профессиональных революционных работников, и в дни революции он оказался в Иркутске отбывающим поселение после каторги.

До своего возвращения из «Крестов», помимо борьбы за собственное существование, мое почти годичное в Нижнем пребывание сводилось к собственному саморазвитию, к яркому выявлению перед нижегородской публикой себя как марксиста и к целому ряду знакомств — с сестрами Дмитриевыми, сестрами Рукавишниковыми, мужем и женой Штюмерами и др., оказавшими впоследствии огромные услуги в деле предостав-

ления своих обширных квартир для ряда марксистских собраний, и в том числе рабочих, причем сестры Рукавишниковы и одна из сестер Дмитриевых (Мария Федоровна) входили и в более тесные кружковые работы...

Чтобы покончить с первым периодом своего пребывания в Нижнем до отсылки меня этапом в Петербург, я должен остановиться еще на двух моментах: на моменте объявления приговора и на моменте моего знакомства с рабочим Абрамом Гуревичем в тюрьме.

Для объявления приговора нас (меня, Сомова, су-пругов Смышляевых и, кажется, Софью Беркович) помощник полицеймейстера вызвал вечером в конце октября 1890 г. в полицейское управление. Там нам он объявил «высочайшие» приговоры, причем мне — 10 месяцев в «Крестах», а С. Г. Сомову — 3 года. Так как С. Г. Сомов, как это я уже указал в своих воспоминаниях о Н. Е. Федосееве, нигде фактической революционной работы не нес, то, понятно, объявленный ему приговор являлся настолько вопиющей несправедливостью, что С. Г. Сомов, не подумав даже о всем трагизме своего заявления, формально заявил: «тут путаница: 3 года — Григорьеву, а 10 месяцев — мне». Я не преминул с этим согласиться, так что изумленный единодушием помощник полицеймейстера счел за необходимое составить о наших заявлениях протокол.

Уже в «Крестах» пришлось нам обоим разочароваться, так как воспоследовало официально разъяснение, что ошибки в объявленном приговоре не было.

То, чего мы с Лалаянцем безрезультатно домогались на воле — знакомства с настоящим рабочим, — очень легко мне удалось в Нижегородской тюрьме. До отправки этапом в Петербург я некоторое время находился в тюремной башне на Острожной площади и в одну из утренних прогулок в уборную я и познакомился с при-

сланным этапом в Нижний евреем-рабочим Абрамом Гуревичем, и мы с ним условились встретиться, когда я вернусь из «Крестов» в Нижний.

Этап по железной дороге, по которой мне в то время пришлось ехать первый раз в жизни, и десять месяцев сидения в «Крестах» пролетели сравнительно быстро. Время в «Крестах» прошло быстро потому, что я там очень много читал и почему-то очень увлекался ткачеством (в тот год в «Крестах» работа была обязательной)...

II

Вернулся я в Нижний в августе 1891 г. и к своему великому удовольствию нашел у себя дома вернувшегося из ссылки в Западную Сибирь старшего брата — Александра Григорьева*.

В Нижнем же меня ждал и неожиданный сюрприз в лице известного в то время марксистского литератора П. Н. Скворцова...

Оказывается, что одной из причин его переселения из Казани в Нижний была и та, что он рассчитывал найти меня в Нижнем.

Роль и значение П. Н. Скворцова в 90-х гг. была столь значительна, что в воспоминаниях необходимо на нем остановиться поподробнее.

Крестьянин по происхождению, он еще мальчиком обратил внимание на свои способности не то помещицы, не то учительницы и при очень скудной кого-то из них поддержке он подготовился и попал в учительскую семинарию. По окончании курса в семинарии, он не

* Попад народовольцем в 1886 г. в ссылку, мой брат окончил жизнь в Семипалатинске большевиком: он после зверской расправы банд Анненского с его женой был и сам расстрелян этими бандами в 1920 г.

нашел в себе учительского призвания, а занялся корреспонденциями и изучением экономических наук. Слишком тяжелой ценой приходилось П. Н. Скворцову покупать для себя малейшую долю жизненных удобств и собственными силами приходилось ему до всего доходить, так что он, естественно, боялся всяких жизненных осложнений.

Завоеванная им для себя обстановка выработала в нем уже свои привычки, и он все время боролся за проведение в своей жизни расписания. К сожалению, только для проведения в жизнь расписания не хватало самого главного — средств.

И расписание приходилось нарушать затратой излишнего времени и на подыскание заработка, и на то, чтобы вместо обеда создать себе новую по Откосу прогулку.

Куда бы П. К. Скворцов ни приезжал, занимаемая им комната моментально принимала характерный для него вид. Обязательно в одном углу комнаты — кипы газетных вырезок из «Русских ведомостей» и кипы с отчетами промышленных предприятий из «Вестника финансов». П. Н. Скворцов за много уже лет вел статистику стачек и крестьянских волнений и за много лет — статистику промышленности по отчетам в «Вестнике финансов». Все столы и даже стулья в его комнате были завалены рукописями и книгами. На одном же из столов всегда красовался недопитый стакан с чаем и коробочка с гильзами и табаком, и это был тот стол, за которым П. Н. Скворцов занимался.

Мы жили с ним одно время соседями, на углу Большой и Малой Покровок, у небезызвестного в то время владельца гостиницы «Никанорыча», и меня всегда поражала у П. Н. Скворцова методичность его времяпрепровождения.

В моей маленькой мансарде у «Никанорыча» и был в 1893 г., проездом на жительство в Петербург, Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

В этой маленькой комнате, насквозь прокуренной, у нас с Владимиром Ильичем продолжались разговоры в течение шести часов...

Второй раз Владимир Ильич был в Нижнем в 1894 г.

Написав названный труд, В. И. Ульянов с этим трудом для ознакомления с ним кружков ездил, кажется, в Москву, откуда по нашей просьбе он проехал в Нижний*. В то время слава о силе его диалектики распространена была уже довольно широко, но нередко для придания большого ему значения прибавлялось: брат казенного Ульянова.

С 1896 г., когда я был уже в Самаре, мне не приходилось более слышать обязательного прибавления к фамилии Ульянова, что это — брат и т. д. Сила и значение В. И. Ульянова в деле развития марксизма в России быстро определились и на своем дальнейшем пути ширились и крепились.

Насколько мне помнится, местом прочтения Владимиром Ильичем Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартирка Минодоры Егоровны Якубовской. Учительница женского для «благородных девиц» института М. Е. Якубовская, имея большое тяготение к народолюбцам, все же проявляла любознательность и к другим видам революционного движения.

Слухи о брате Ульянова уже тогда доходили до широкой нижегородской интеллигентской публики, а потому интерес к реферату В. И. Ульянова был необычай-

* Дело идет, по-видимому, о статье В. И. по поводу книги В. В. о судьбах русского капитализма; статья эта до сих пор не найдена. — Прим. редакции журнала «Пролетарская революция».

ный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным условиям пубрики на реферате сравнительно было немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление, и никого среди присутствовавших не нашлось смелого для возражений...

«Пролетарская революция»,
1924, № 4 (27),
стр. 95—103.

А. А. БЕРЕЗИНА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Каждый человек перед концом своей долгой жизни часто вспоминает все свое пережитое, живет своими воспоминаниями. Мне, А. А. Рукавишниковой-Березиной, захотелось хоть часть записать о своей жизни. Родилась я в 1871 г. В 1891 г. кончила Нижегородскую гимназию и хорошо помню, когда после акта я затворила в последний раз дверь гимназии и пошла домой, мне стало очень грустно — «что мне теперь делать? Кто я?..» Хотелось найти какую-нибудь работу, хоть немного иметь своих средств и не быть в полной зависимости от родителей. В те годы женщин на работу в учреждения почти не принимали, оставалось только давать уроки. Давала и я уроки и занималась французским языком, но все это не заполняло мою жизнь, и вскоре я сильно увлеклась революционной работой среди рабочих и марксистскими кружками самообразования среди учащейся молодежи.

Студенческая молодежь уезжала в столицы продолжать образование в университеты и институты, а мы с сестрой, не имея средств, чтобы поехать в столицу, оставались в Нижнем и работали в революционных

кружках. Только во время каникул приезжали студенты и привозили с собой много жизни и интереса в нашу провинциальную жизнь.

В начале 90-х гг. в Н. Новгороде много было образовано кружков среди учащейся молодежи. Сперва читали критическую литературу — Белинского, Добролюбова, Михайловского. Позднее переходили к изучению политической экономии и чтению марксистской литературы Маркса, Плеханова, Энгельса и др.

Постепенно знакомились и вводили в кружки рабочих с заводов и мастерских Н. Новгорода и Сормова. Деятельными членами кружка, в котором работала я, были М. Григорьев, А. Розанов, Сильвин, Ванеев и Гольденберг.

В 1894 г. был в Нижнем Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Он пробыл здесь два дня и провел совещание с местными социал-демократами. На одном из совещаний, которое состоялось в моей квартире*, выступили Розанов и Григорьев. Они рассказали о своей работе среди рабочих на заводах и типографиях Нижнего Новгорода и Сормова. Из рабочих присутствовали Пятибратов Яша (очень деятельный и развитый рабочий) с Курбатовского завода, Владимиров — типографщик, других я не помню. Говорили о низкой заработной плате, о продолжительности рабочего дня и вообще о тяжелом экономическом положении нижегородских рабочих. Владимир Ильич внимательно все выслушал, и, одобрив работу докладчиков, сказал, что достаточно говорить с рабочими о «пяточке», в каждой прокламации необходимо упорно говорить не только об экономических нуждах, но и о свержении царской власти. Сначала нас, провинциалов, как-то поразило это новое требова-

* Ныне ул. Володарского, д. № 57.

В. И. Ленин в 90-е годы

ние. Товарищи возражали, что, мол, наши рабочие еще недоразвиты, что они еще только начинают мыслить, что они не справятся с этой задачей и т. д. Жаркие были споры. Но в конце концов с предложением Ленина согласились, тем более, что подобная работа началась и в столицах, по словам Владимира Ильича. Было решено послать делегатов по Волге (Самару, Саратов) с предложением везде перейти на работу политического характера.

В 1896 г. в Нижнем, а также и в Самаре начались аресты. Была арестована и я по распоряжению Министерства внутренних дел. Обвинялась в печатании гектографических воззваний к рабочим, в устройстве у себя конспиративной квартиры для занятий с рабочими, в хранении нелегальной литературы и получении ее из-за границы, в организации загородных собраний рабочих, в нелегальных поездках в Самару и Москву для получения сведений, через Сильвина, Ванеева и Зинаиду Невзорову (Кржижановскую) держала связь Нижегородской организации с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» в Питере. После 20-месячного заключения (14 месяцев предварительно и 6 месяцев приговор) в нижегородской тюрьме я была выслана в Саратов под гласный надзор полиции, где продолжала содействовать работе революционной социал-демократической организации при участии Гольденберга и других товарищей и работала в Красном Кресте помощи политическим заключенным.

Сестра моя тоже была арестована, просидела 3 месяца в тюрьме, затем была отдана под гласный надзор на 2 года. Григорьев был выслан в Самару, где был арестован и сослан в Вологодскую губернию на 3 года, также и Розанов сослан на 3 года в Вологодскую губернию

Много было арестовано и рабочих и сосланы в отдаленные губернии.

Собрание с В. И. Лениным у меня было в доме А. Сусловой, 2-й дом за углом от Варварки по улице (названия не помню), которая спускалась в Ковалиху, с боку большого дома.

Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине.
Горьковское книжн. изд., 1960,
стр. 53—56.

М. А. СИЛЬВИН

В ДНИ
«СОЮЗА БОРЬБЫ
ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
РАБОЧЕГО КЛАССА»

Владимир Ильич посещал наши групповые собрания, где мы обменивались своим опытом, и очень скоро предложил нам заняться вопросами теории, начав с докладов или рефератов, которые члены кружка читали бы по очереди. Я вызвался первым сделать доклад.

— Но какую же тему вы можете предложить? — спросил я.

Владимир Ильич указал на только что вышедшую книжку В. В. (Воронцова) «Наши направления», и я взялся за нее. Реферат я написал, насколько теперь помню, хлесткий, но малосодержательный. Читал я его у себя же в комнате. Были, кроме Владимира Ильича, Кржижановский, Старков, Ванеев и Г. Б. Красин. Ввиду очевидной убогости содержания доклада особых прений или обмена мыслями не последовало, все неловко молчали, больше всех был смущен сам автор своим полным провалом и с отчаянием порвал свой реферат на мелкие куски, как только публика разошлась.

Молчаливо признанным лидером кружка был Г. Б. Красин, он-то и решил спасти положение, предложив представить к ближайшему собранию реферат

о рынках. Владимир Ильич, в портфеле которого на-шелся бы, вероятно, не один реферат, коварно молчал. Он, очевидно, хотел сначала узнать, с кем имеет дело.

Собрание состоялось у С. Радченко, который к тому времени женился и имел собственную отдельную квар-тиру где-то на Песках. Народу собралось довольно мно-го. Кроме старых знакомцев, были и новые для меня ли-ца. Владимир Ильич сидел в тени, в сторонке у окна, вдали от большого чайного стола, за которым сидел ре-ферент и многие из нас. Красин был плохой оратор и читал по тетрадке в форме четвертушки листа, пере-гнутой вдвое, так что образовались поля в полстраницы, и на этих полях рукой Владимира Ильича, который заранее ознакомился с рефератом, были написаны воз-ражения. Эта тетрадка затем обошла всех нас; мы чита-ли и тезы и возражения. Но то, что говорил Владимир Ильич в опровержение реферата, было гораздо полнее. Он говорил долго, со свойственным ему мастерством, стараясь не задевать референта, но последний, однако, чувствовал себя уничтоженным, как это чувствовали и все мы. Речь Владимира Ильича могла быть названа программой. Он без всяких статистических цифр и без всяких ссылок на Маркса заявил, что надо быть реали-стами, исходить не из схем, а из изучения нашей действительности, и яркими штрихами обрисовал нам картину экономического развития страны и роста капиталистиче-ского производства именно на почве разорения и рас-слоения крестьян, на почве вытеснения натурального хозяйства денежным.

Все эти соображения были впоследствии подробно развиты Владимиром Ильичем и стали теперь общеиз-вестны, но тогда они звучали откровением.

«Вот он, наш вождь, наш лидер, наш теоретик, за ним мы не пропадем», — так думал каждый, и нас на-

полняла буйная радость, что именно в нашем кружке, в нашей организации мы имеем эту светлую голову. Было решено устроить еще одно собрание для продолжения дебатов. Красин пробовал возражать, но его уже не слушали. Лидерство Красина было низвергнуто.

Со времени этого диспута я зачастил к Владимиру Ильичу на Малый Казачий переулок, № 7, где он вскоре поселился и жил до самой весны 1895 г. ...

Он был прямой человек, чуждый всякой аффектации, рисовки, позы. Он говорил с рабочими и писал для них обыкновенным своим языком, без всякой подделки под простоту народной речи, без этой вульгарной манеры приспособляться к «низшим», без дешевой популярности в изложении своих мыслей якобы для большей понятности их, как это замечалось у некоторых товарищей.

Он не был сухим и черствым книжником, замкнутым в себе анахоретом, любил людей, любил жизнь и ее радости, но главной из них была борьба и стремление к победе. Он отдал себя всецело революции. Для него не было других интересов, другой жизни, кроме той, которая была связана с революцией. Владимир Ильич недолюбливал людей, приходивших в рабочее движение не целиком, не окончательно порвавших связи с враждебными пролетариату классами. Профессионального революционера он предпочитал всякой другой разновидности марксиста.

В это время в народнических журналах, особенно же в «Русском богатстве», появились одна за другой статьи разных авторов и больше всего Михайловского против марксизма и марксистов. Все мы стали настаивать, чтобы Владимир Ильич отозвался на них, и обещали приложить все усилия к размножению его работы хотя бы на гектографе, чтобы она проникла по

возможности шире за пределы нашего небольшого кружка. Владимир Ильич засел за работу, и весной 1894 г. книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» была готова. Работал он быстро. «Михайловский» был окончен уже в апреле. Никакого коллективного чтения этой работы не было, по крайней мере я этого не помню. Лично я читал ее в рукописи большею частью у автора же на дому, урывками. Технику печатания первого издания организовал Радченко. Кто именно печатал, я не знаю. Отпечатанные на гектографе листы приносились к нам на квартиру пачками по мере изготовления, и мы с Ваневым собирали и брошюровали их, а затем Ванев относил их в Технологический институт, откуда наши товарищи-технологи пускали их в обращение.

По условиям техники выпуск первого издания не мог быть больше 50 экземпляров. Сомневаюсь, чтобы была обработана более чем одна гектографическая масса.

Мы, естественно, были в полном восхищении от работы Владимира Ильича. Я настаивал, чтобы экземпляр ее непременно был послан Михайловскому. Владимир Ильич заметил мне по этому поводу:

— Я пишу не для Михайловского, а для того, чтобы, во-первых, разъяснить возможно более широким кругам читателей, что такое марксизм, и, во-вторых, вскрыть буржуазный характер народничества как идеологии мещанства, как апологии мелкого производителя.

Вторая часть была начата в Петербурге же, в апреле. Третью часть Владимир Ильич написал летом в Москве или под Москвой.

Весной 1894 г. первый выпуск был пущен в продажу одновременно в Петербурге и в Москве. Несколько экземпляров было разослано по редакциям, в том чис-

ле в «Русское богатство». Продажную цену не назначали, брали, сколько кто даст. Выручка поступила в кассу нашей группы, но едва ли она покрыла даже расходы на печатание. Успех был огромный, издание разошлось моментально и было задумано второе.

Ванеев в середине сентября занялся печатанием третьего (если третьим считать московское издание Ганшина-Масленникова, то это будет четвертое) издания, датированного сентябрем 1894 г. с пометкой: «Издание провинциальной группы социал-демократов».

Второй выпуск, о Южакове, был готов у Владимира Ильича еще в мае и был нам знаком; третий он написал летом.

Но он хотел прежде издать третий выпуск (о Кривенко).

Когда мы справились с печатанием четвертого (а нашего петербургского — третьего) издания первой части и первого, единственного, издания третьей части, мы просили разрешения Владимира Ильича приступить к печатанию второй части (об Южакове).

Но это было уже в октябре 1894 г., а в это время возникли обстоятельства, побудившие Владимира Ильича отказаться от печатания нашими средствами работы об Южакове.

Литературные дела и заботы не отрывали Владимира Ильича от подпольной работы нашей организации. Наоборот, его главное внимание было сосредоточено именно здесь.

Наша конспирация в то время была довольно примитивна. Многие из нас были связаны узами личной дружбы. Осторожности ради мы, однако, завели себе клички. В. В. Старков назывался «Земляника», Запорожец — «Гуцул», Г. М. Кржижановский — «Суслик», Ванеев — «Минин», я — «Пожарский» и т. д. Это были

шутливые клички, которые так и остались неизвестны жандармам.

Но позже, в 1895 г., с переходом к «агитации», когда организация разрослась и наряду с центральным кружком старых товарищей образовалась большая «периферия» — несколько побочных кружков пропагандистов, техников, хранителей и переносчиков нелегальной литературы, людей связи и пр., — Владимир Ильич настоял: 1) на группировке членов организации по районам; 2) на строгом разграничении функций, партийных обязанностей членов; 3) на прекращении обывательских хождений друг к другу; 4) на сокращении до минимума частной переписки с кем бы то ни было, так как любители писать письма, особенно в провинцию, никак не могли воздержаться от различных более или менее прозрачных намеков на добрых знакомых, на развитие дела и т. п.

Владимир Ильич расширял свою и нашу кружковую работу, следил за ростом организации, преобразовывал ее, выделив центральную рабочую и литературную группы, ввел подразделения на районы. Он поставил перед нами вопрос об оторванности нашей работы от движения масс.

У нас были, между прочим, связи на Семяниковском заводе за Невской заставой. В конце 1894 г. или в самом начале 1895 г. на этом заводе произошла забастовка, сопровождавшаяся бурными волнениями. Рабочие разгромили заводскую контору, избив кое-кого из старших служащих, бросали камнями в полицию, явившуюся для усмирения. В ближайшее же посещение кружка (один из кружков на этом заводе вел сам Владимир Ильич) он спросил своих слушателей, в чем дело и почему они никак не сигнализировали о назревающих событиях и не дали вовремя знать о них, когда они произош-

ли. Кружковцы дали общие пояснения на тему о том, что движение должно идти сначала вглубь, а потом вширь и т. п. Еще раз подтвердилось, что наши кружковые рабочие далеки от массы. Собрав материал о событиях, Владимир Ильич написал листок — воззвание к забастовщикам с формулировкой их требований — и отправился к Запорожцу, также имевшему кружок у семяниковцев, выяснить, нет ли какой возможности его размножить. Таких возможностей не было. Дело было спешное, и они вдвоем переписали от руки печатными буквами несколько экземпляров листка, которые затем и передали в семяниковский кружок для распространения. Он, конечно, запоздал; вся история была уже кончена, завод успокоился.

Листок, однако, читали вслух в разных местах на заводе — он оказался интересным, понравился и вызвал разговоры.

Около этого времени появилась брошюра «Об агитации», вызвавшая много разговоров. Ее идея отвечала самому острому вопросу в нашей деятельности: как перейти от кружковой работы к массовой, как вовлечь в движение массы?

Вопрос об изучении условий работы и жизни рабочих на каждом заводе был уже поставлен Владимиром Ильичем. Теперь он составил подробный «вопросник», который интересно было бы разыскать где-нибудь в старых жандармских архивах. Вопросник этот занимал несколько более четырех четвертушек листа, испи-санный его убористым почерком. Этот вопросник имелся у каждого из нас. Мы размножили его и раздавали пропагандистам других кружков. Мы так увлеклись собиранием сведений, что на некоторое время забросили всякую пропаганду. Владимир Ильич тоже занялся этим делом очень ретиво.

Кто-то из наших рабочих, Щелгунов или Меркулов, посещал его на дому, и он до седьмого пота доводил их своими расспросами.

Получить точные ответы на простые, казалось бы, вопросы о рабочей жизни было не так легко. Мы спрашивали, например, чем особенно недовольны рабочие в данный момент, на что они жалуются, что они хотели бы устранить на заводе, и получали иногда неожиданный ответ: «Перестали давать кипяток, вот и волнуются по этому поводу, требуют кипятку». Или из другой области: «Убавлена расценка на пяточок, предвидится из-за этого пяточка забастовка». Эти «кипяток» и «пяточок» были у всех на языке и испортили нам впоследствии немало крови после того, как агитация развернулась. Оппоненты против нового метода подпольной работы, главным образом С. И. Радченко и Г. Б. Красин, приводили то возражение, что мы размениваемся на мелочи, революционную работу сводим к борьбе за кипяток и вместе с тем проваливаем дело социалистической пропаганды, потому что с переходом к широкой агитации все наши кружковые рабочие, конечно, очень быстро будут выхвачены жандармами, и все дело приостановится.

Как практически использовать полученный путем расспросов материал, мы пока еще не решили, и Владимир Ильич выдвинул новую идею: начать агитацию на почве «законных» требований. Собранные по вопросу сведения по каждому заводу показывали, насколько и в каких отношениях нарушаются уже существующие законы. Агитация должна была начинаться на почве требований соблюдения закона. Владимир Ильич указывал при этом на тактику Моисеенко и его товарищей во время орехово-зуюевской забастовки 1885 г. Большинство членов кружка явно склонялось к решению испро-

бовать новую тактику на деле. Было созвано собрание для оформления этого решения, были приглашены представители от рабочих.

Это знаменательное собрание состоялось у нас, на Троицком проспекте, № 3, где мы жили с Ваневым, и было это в зиму 1894-1895 г. Кроме нас двоих, были Владимир Ильич, Н. К. Крупская, Г. Б. Красин, Старков, Запорожец, Радченко, Якубова, Шелгунов, Бабушкин, Меркулов и несколько других кружковцев. Владимир Ильич доложил вопрос, были прочитаны выдержки из брошюры «Об агитации», были еще раз выслушаны возражения «староверов» и аргументы в защиту нового метода, и принято большинством голосов против Красина и Радченко решение перейти от кружковой пропаганды, не прекращая ее, однако, к агитации в массах на почве их насущных требований. О каком-либо отступлении от политических задач движения, от старых принципов группы «Освобождение труда» не было и речи. Предполагалось, что политическая сторона движения найдет себе выражение в кружковой пропаганде и в тех лозунгах, которые будут брошены в агитацию, когда вожаки движения, рабочие, найдут это подходящим.

Весной 1895 г. к агитации мы, строго говоря, еще не приступили, но работа тем не менее ширилась. Сеть кружков в районах разрослась, организация обнимала уже довольно обширный круг как рабочих, так и интеллигентов. Был поставлен вопрос о слиянии по возможности всех групп, работавших в том же направлении в Петербурге. Завязывались сношения с народовольцами на предмет использования их техники. Владимир Ильич, ввиду решения об агитации на почве соблюдения существующих законов, написал уже брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на

фабриках и заводах», которая и была напечатана народо-довольцами.

Наблюдение политической полиции за нами явственно усиливалось. Владимир Ильич собирался за границу, чтобы установить более тесную связь с группой «Освобождение труда» и сделать что-нибудь для более регулярного снабжения нас нелегальной популярной литературой.

На пасху ко мне в Царское Село съехались товарищи, и Владимир Ильич, обрисовав положение дела, наметил дальнейший план работы и распределение обязанностей между нами в случае его ареста. Это было в апреле. В мае он уехал за границу.

Владимир Ильич вернулся из-за границы в начале сентября. Зная нашу нужду в литературе, он, как и всякий рядовой член организации, захватил оттуда чемодан с двойным дном, набитый нелегальной литературой. Чемодан он благополучно провез; может быть, его и намеренно пропустили с целью выследить дальнейшее. Впоследствии этот чемодан доставил нам много хлопот. Надо было припрятать и чемодан и его содержимое как можно скорее. Полицейские ищейки потеряли след чемодана.

Осенью, с появлением в Петербурге Мартова, произошло сближение с ним. За Мартовым стояла целая группа, у которой были прочные связи на границе и, кроме того, был мимеограф, это новое, благодетельное для нас изобретение, важное для печатания листовок. Их теперь не надо было писать от руки, а можно было печатать на машинке и без хлопотливой варки гектографа и пр. быстро размножать в сравнительно приличном и удобочитаемом виде. Впервые мы испробовали мимеограф уже в ноябре, а в декабре пустиди его полным ходом в работу.

Идеей Владимира Ильича стало затем полное объединение всех работавших в Петербурге социал-демократических групп, но осуществить это удалось уже после его ареста в связи с большой забастовкой.

Пользуясь притоком новых сил и соглашением с народовольцами, Владимир Ильич решил поставить издание газеты «Рабочее дело». По этому поводу были созваны два расширенных собрания нашей организации в квартире Радченко (Симбирская, № 12). Одно, так сказать, конституционное, где было оформлено слияние с группой Мартова и образован центр из пяти членов (Ульянов, Мартов, Кржижановский, Старков, Ванеев, как представители районов) и упорядочена самая организация. Здесь же были намечены кандидаты в центральный кружок, состоявший пока из 17 человек. Другое собрание было редакционное, дня за три до ареста. На нем Владимир Ильич в качестве редактора «Рабочего дела» читал нам все статьи, предназначенные для первого номера. Четыре статьи в этом первом и единственном номере принадлежали Владимиру Ильичу: передовая — общеполитического содержания, «Ярославская стачка 1895 года», статья, посвященная смерти Ф. Энгельса, и статья по поводу циркуляра Дурново («О чем думают наши министры?»). За несколько дней до того Запорожец убедил Владимира Ильича не отдавать в типографию статей, написанных его характерным почерком, и предварительно переписал их. Вследствие этого жандармы приписали Запорожцу авторство этих статей, усмотрели в нем главаря и приговорили к значительно большему сроку ссылки. Тут же после собрания Владимир Ильич передал весь материал Ванееву, на котором лежали обязанности по сношению с типографией; у него и были они захвачены при обыске в ночь на 9 декабря.

Между тем агитационная кампания шла полным ходом. Рабочие Путиловского завода Борис Зиновьев и Петр Карамышев с подобранной ими группой молодежи агитировали открыто всюду, где возможно, разбрасывали листовки прямо на улицах, в толпе рабочих, при выходе с заводов и в других местах. Листок обычно касался какого-нибудь частного случая: злоупотреблений, нарушения закона, сбавки платы без предупреждения и т. п. Приезжал фабричный инспектор, начиналось расследование, полиция вела дознание. Все это было событием в однообразной заводской жизни, вызывало толки, будило интересы. Напряженно ждали, каков будет результат вызванной листком шумихи. Уже самое распубликование злоупотребления или случая произвола, казавшегося своим домашним, внутренним делом, порождало само по себе возбуждение.

— Ловко продернули! — говорили в толпе, читая свежий, только что подобранный листок.

Читали его теперь уже громко, т. е. публично, чаще всего те же рабочие, которые дали для него материал и распространяли его.

Приходя в кружок, пропагандист теперь не выискивал наиболее развитых, интеллигентных рабочих, способных усвоить теорию прибавочной стоимости. Он искал живых, деятельных, развитых товарищей, которые способны были бы стать агитаторами, улавливать настроения, подмечать важные факты. «Агитация» так захватила нас, что скоро нам просто некогда стало заниматься кружковой работой, тем более что и полицейское наблюдение за нами усилилось.

Заветным нашим желанием было внести в массовое движение сознательную политическую идею, идею борьбы за низвержение самодержавия, за политическую свободу. Но из опасения сделать преждевременный, такти-

чески ошибочный шаг мы бессознательно скатывались к «экономизму», который через два-три года и развился пышно в «Рабочей мысли».

Этот элемент «хвостизма», эта тенденция обслуживать движение, а не руководить им замечается во всех наших листках и заявлениях 1896 г. Она объясняется недостаточной нашей теоретической подготовленностью к той серьезной роли, в которой мы с арестом Владимира Ильича оказались, — к роли руководителей движения.

Мне вспоминается, как в начале моего знакомства с Владимиром Ильичем в минуты тяжелых раздумий я приходил к нему и он ободрял меня:

— Вы увидите, мы скоро вырастем в настоящую партию. Революция придет, и мы выйдем на свет как коммунистическая партия, готовая выполнить свою задачу.

Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. 1.
М., Госполитиздат, 1956,
стр. 122—136.

М. А. СИЛЬВИН

МОИ ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ

Интимно близким с Лениным я никогда не был. Несмотря на незначительную разницу лет, всего на пять лет он был старше меня (мне было девятнадцать, а ему двадцать четыре года, когда мы с ним познакомились)*, несмотря на частые наши встречи и на некоторую близость, которая обычно бывает при совместной работе в тесном кружке, внутренний, интимный мир его никогда передо мной не раскрывался. Слишком велика была разница в духовном облике каждого из нас. Его обширный ум, его знания, его сильный характер слишком imponировали мне. Я всегда смотрел на Владимира Ильича снизу вверх. В его отношении ко мне было что-то патронирующее. Я видел в нем вождя, огромную одухотворяющую силу для того дела, которому я хотел отдать свою жизнь, и я был ему предан всецело. Он знал это и ценил мою преданность, платил мне за нее доверием в революционных делах и дружеской снисходительностью ко многим моим большим и малым слабостям.

* В. И. Ленин был старше М. А. Сильвина на четыре года семь месяцев.

Человек он был удивительно деликатный, любезный собеседник, верный товарищ, простой и ясный в личных отношениях, непринужденно веселый, когда товарищи собирались повеселиться. Раза два в Петербурге и несколько раз у него дома в ссылке я видел его в такой интимной, дружеской, частной обстановке. Помню, однажды в Петербурге на масленице — вероятно, это было в 1894 году* — мы устроили катанье на вейках. Малченко, организатор увеселений, когда они случались в нашем кружке, повез нас куда-то в Лесной, где в ярко освещенном зале мы за маленьким столиком пили вино и танцевали вместе с другими гостями этого заведения. Кажется, были с нами и наши дамы. Владимир Ильич также танцевал и был непринужденно весел.

Совершенно иной он был как политик: сосредоточен, неуступчив, суров до жестокости, чужд сантиментов. «Революция не игра в бирюльки, — говаривал он, — в ней нет места обывательским соображениям».

Как я уже сказал, мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашей главой. Это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычайной трудоспособности, на его умственном превосходстве, — он имел для нас и огромный моральный авторитет, притом двоякого рода. Мы видели, мы постоянно чувствовали в нем необычайную силу убеждений, глубокую идейность; мы видели, что во всех своих рассуждениях, чего бы они ни касались, он исходил из одной только идеи, из идеи борьбы русского рабочего класса за революцию, за социализм; и этой идее он отдавал себя всецело; для него не было других

* Здесь автор ошибается: вечеринка в Лесном была не в 1894, а в 1895 г. См. «Ленин в Петербурге». Лениздат, 1957, стр. 41.

интересов, кроме тех, которые были связаны с ней, другой жизни, кроме той, которая была всецело отдана им этой идее. С другой стороны, он импонировал нам также своим моральным величием, нам казалось, он был совершенно свободен от тех мелких слабостей, которые можно найти в каждом.

Однажды, зайдя к нему на пасхе, я увидел на краю стола кулич, пасху и крашеные яйца. На мой вопрос, что это такое, Владимир Ильич с кислой улыбкой заметил: «хозяйкино угощеньице». Этот бесконечно деликатный человек не решился обидеть добрую женщину отказом от ее пасхального угощения, которое она предложила, жалеючи скромного, одинокого жильца, заброшенного на чужбину. Деликатность, нежелание обидеть, быть грубым я не раз наблюдал у Владимира Ильича по отношению ко многим назойливым людям и также по отношению к себе лично, чувствуя иногда, что мешаю ему заниматься или надоедаю вопросами, отвечать на которые ему было скучно или досадно из-за их элементарности.

Только раз он действительно сердито сделал мне выговор, зачем я пригласил попа на похороны Ванеева.

— На кой, собственно, черт это ему нужно, — ворчал он. Но большей частью мои ошибки в суждениях, наивные вопросы невежды или тактические промахи только заставляли его широко открыть глаза или блеснуть ими с несравненной, незабываемой усмешкой. Однажды я спросил его, в чем, собственно, состояло деяние его брата, Александра Ильича, казненного правительством Александра III.

— Неужели вы не знаете? — удивился Владимир Ильич. — Они решили убить царя, вышли на Невский проспект с бомбами, имевшими форму книг, биноклей и тому подобного, ожидая царского выезда, но их про-

сlediли, царя предупредили,— и он в тот день не выежал, а их схватили, судили и повесили.

Он рассказывал это эпически спокойно и как-то подчеркнуто сжато.

Владимир Ильич всегда поражал нас своей необычайной работоспособностью. Революционная кухня, все мелочи подпольной организации, вся ее сложная техника работы, которой Владимир Ильич никогда не избегал,— брала массу времени и требовала напряженного внимания. Верным помощником и другом в этих случаях ему всегда была Надежда Константиновна, но и лично ему приходилось с этим возиться. Помню, как приходилось склеивать и расклеивать письма и статьи для отправки за границу Плеханову, маскируя их в переплетах книг и т. п. Кроме того, Ленин всегда очень много работал теоретически, писал книги, статьи в журналы и находил время для того, чтобы просто быть хорошим товарищем или другом.

В январе 1895 года, приехав из Нижнего, я, должно быть, простудился в дороге и больным поселился в каких-то меблированных комнатах по Гороховой улице в доме, кажется, № 34 (на углу Садовой); Владимир Ильич, узнав о моем беспомощном положении, пришел навестить меня, вызвал ко мне врача, всячески хотел помочь мне. Когда спустя восемь или девять месяцев после его ареста, я, в свою очередь, оказался в доме предварительного заключения, то получил от него, сидевшего там же, ласковое письмо тем способом (точками в книгах тюремной библиотеки), каким заключенные переписывались обыкновенно в тюрьме. Когда его старший товарищ по Самаре, Лалаянц, был освобожден из «Крестов» после отсидки, Владимир Ильич повидался с ним и даже проводил его до Москвы*. В ссылке, где публика пребывала большей частью в постоянной

праздности и склонна была надоедать друг другу постоянными посещениями, Владимир Ильич имел настолько выдержки, что никогда не чуждался ссыльных товарищей и в особенности рабочей публики. Его поместительный дом в Шушенском часто посещался местными и приезжими из окрестностей товарищами. В Швейцарии всякого приезжавшего к нему эмигранта-друга он, при всей ограниченности материальных средств, всегда встречал ласково и радушно, никто не уходил голодным из его дома.

В личных отношениях Владимир Ильич был чуток, внимателен к другим, деликатен.

Он был человек простых привычек, ел столько, сколько необходимо для нормального существования организма, избегал всего острого и жирного, никогда не посещал ресторанов без крайней необходимости, не имел ненужных и вредных привычек. Он не курил. Из напитков охотно пил только легкое пиво, — никогда не пил водки и вообще крепких напитков; вино пил иногда с нами при каком-нибудь особом случае, например, когда мы были у него в гостях в Шуше, но пил мало, и, видимо, без всякой охоты.

В Петербурге в 90-х годах жил он очень скромно. В Казачьем Большом переулке (теперь переулок Ильича) можно видеть комнату, которую он занимал в квартире какой-то простой женщины. Небольшая комнатенка, в третьем этаже невысокого дома; ход в нее из подворотни по мрачной, грязноватой лестнице с какими-то старинными маршами, напоминающими угрюмые переходы в Трубецком бастионе Петропавловской крепос-

* Подробней о том, как В. И. Ленин с Лалаянцем ехали из Петербурга в Москву см. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., Госполитиздат, 1956, стр. 109—110.

ти. В левом углу у окна стол, кажется, единственный в комнате, за которым Владимир Ильич занимался. Тут же, на краю стола, ставился чайный прибор и тарелка с хлебом, когда требовалось. На столе было опрятно, книг и бумаг сравнительно немного, для книг между кроватью и комодом стояла невысокая простая этажерка; на столе была керосиновая бедного вида лампа, электрического освещения в те времена не было. Слева вдоль стены стояла кушетка или, может быть, диван, довольно убогий, старый, помятый, без всякой накидки на нем. Приходя к Владимиру Ильичу, на этот диван я и усаживался. На него же садились обычно и другие посетители.

В комнате было два-три стула, простая железная кровать, покрытая байковым одеялом. Одеяло было, видимо, недостаточно теплое, потому что, когда Владимир Ильич заболел как-то и лежал в постели, он накрывался сверх одеяла еще и своим пальто. Ближе к двери у окна, выходявшего на двор, стояла вешалка для платья и рядом с ней фаянсовый таз для умывания на железной трехногой подставке и такой же кувшин при нем. Никаких семейных или гимназических фотографий на комод, которые стоят там теперь, я не помню либо я, приходя обыкновенно по вечерам, их не замечал. На стенах никаких фотографий и вообще ничего развешано не было. Бытовые условия жизни Владимира Ильича не отличались от наших, студенческих. Иные из нас жили, пожалуй, даже лучше, комфортабельнее, чем он.

Одевался он также очень просто; темного цвета пиджак, отложной воротничок с черным галстуком, ленточка часов болталась из жилетного кармана, суконное на вате пальто в зимнее время и темная фетровая шляпа, коричневые замшевые перчатки. Только однажды,

когда он приезжал ко мне в Ригу весной 1900 г., перед отъездом за границу, он был в котелке и с тросточкой. Как-то зимой я встретил его на улице в меховой шапке. По улицам он предпочитал ходить пешком или ехать в конке, трамваев тогда еще не было; никогда я не видел, встречая его в городе, чтобы он ехал на извозчике.

О скромности жизни Владимира Ильича в ту пору имеется неоспоримое свидетельство — его письмо Марии Александровне от 5 октября 1893 г. Мы в нем читаем:

« Попрошу прислать деньжонок: мои подходят к концу*... Мне обещают здесь место в одном юрисконсульстве, но когда именно это дело устроится (и устроится ли), не знаю...

Нынче первый раз в С.-Петербурге вел приходно-расходную книгу, чтобы посмотреть, сколько я в действительности проживаю. Оказалось, что за месяц с 28/VIII по 27/IX израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.) и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.), которое, может быть, буду вести. Правда, из этих 54 р. часть расхода такого, который не каждый месяц повторится (калоши, платье, книги, счета и т. п.), но и за вычетом его (16 р.) все-таки получается расход чрезмерный — 38 р. в месяц. Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, истратил в месяц 1 р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду**.

В этом письме, очевидно, имея в виду возможную его перлюстрацию политической полицией, Владимир

* Придется платить около 10 р. при зачислении в помощники, что «должно быть вскоре» (Прим. В. И. Ленина).

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 55, стр. 1—2.

Ильич хотел показать себя невинным гражданином, погруженным в устройство своих материальных дел. В действительности он очень мало думал в это время о судебных делах, юрисконсульстве и т. п. Он занят был развертывающейся агитацией в рабочих массах, упрочением связей с группой «Освобождение труда», подбором статей для женевского «Работника»* и пересылкой их, подготовкой «Рабочего дела» — печатного органа нашей группы и в то же время планированием своей капитальной работы «Развитие капитализма в России».

Он, можно сказать, не знал праздности. Отдыхом для него была только перемена предмета занятий. И для того, чтобы эти занятия были возможно более продуктивными, он укладывал свой рабочий день в строго размеренные рамки.

Этого же строгого режима он придерживался и сидя в тюрьме в петербургском доме предварительного заключения. В письме от 19 мая 1901 года к Марии Ильичне, содержащейся в то время в московской Таганской тюрьме, он дает ей советы рационального поведения в заключении:

«Из одного твоего письма, пересланного сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже наладить некоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить еще незаметнее. Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их:

* «Работник» — непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший за границей в 1896—1899 гг. под редакцией Г. Плеханова, П. Аксельрода и В. Засулич. Вышло всего 6 номеров в трех книгах.

я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения — довольно-таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами. После обеда, вечером для отдыха я, помню, *regelmässig** брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме. А главное — не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделывать по несколько десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно**.

Как в теоретических занятиях, так и в работе по организации партии Ленин обычно связывал себя определенным планом. Это не значит, что он был сухой, футлярный человек. Он знал и прелесть остроумной дружеской беседы, и радость физического отдыха и спорта, охоты, шахмат, катанья на коньках или прогулки в горах, как это было в дни эмиграции в Швейцарии. Вместе с тем было ясно, что Ленин ни на минуту не забывал о раз поставленной себе великой цели. И только под углом зрения достижения этой цели он рассчитывал все свои действия, все усилия своего мощного ума.

Большой ученый, выдающийся писатель, Владимир Ильич не замыкался в себе, а всегда искал соприкосновения с действительностью, с живой жизнью, всегда проверяя практикой жизни свои теоретические предположения. В этом отношении он был полной противоположностью Плеханову, который являлся больше кабинетным

* Регулярно (нем.).

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 55, стр. 209.

ученым, чем вождем политической партии. В эмиграции это было особенно заметно. Бывало приедет в Женеву кто-нибудь из партийных работников с места, — откуда-нибудь из Иванова, из Кинешмы или Саратова — и, конечно, стремится переговорить со всеми лидерами. Плеханов относился к таким посетителям с изысканной вежливостью, но не без скептицизма, даже с некоторой иронией, как будто он не совсем верил их рассказам, как будто они досаждали ему мелочами партийной жизни. Владимир Ильич, напротив, старался не упустить такого визитера, не выжав из него максимума сведений, как бы ни казались они маловажными, если только они касались вопросов организации, участия в ней рабочих и отношения рабочих членов организации как к партийной жизни, так и к различным, особенно вновь возникающим, течениям революционной мысли.

В 90-х годах рабочий день Владимира Ильича обычно был такой: вставал в семь-восемь часов, работал дома, часам к одиннадцати шел в читальню газеты «Новости»*. Читальня эта помещалась в доме № 33 по Морской Большой (ныне улица Герцена) в довольно просторной, сравнительно комфортабельной комнате, где на столах были разложены всевозможные русские газеты, получавшиеся редакцией, очевидно, в обмен, как это было тогда принято.

Обычай требовал, чтобы при входе посетитель купил свежий номер «Новостей», тут же продававшийся, стоил он 5 копеек. Газета была бесцветная, скучная и пустая, маловлиятельная.

Из экономии Владимир Ильич никакой газеты на дом не получал. В читальне он подбирал из газет мате-

* «Новости» — ежедневная газета, отражавшая интересы крупной буржуазии, издавалась в Петербурге с 1872 г.

риал для своих работ, главным образом касательно общественной жизни провинции, деревни, фабрично-заводской и вообще экономической статистики, сообщения о новых книгах. Именно Ленин указал нам эту читальню, и я иной раз также заглядывал туда. Редко, лишь в самых неотложных случаях, мы пользовались читальней для конспиративных свиданий, потому что помещение было небольшое и гораздо удобнее было использовать для таких встреч залы Публичной библиотеки.

Обедал он у своих личных знакомых, — кажется, еще по Самаре, — Чеботаревых, всегда в определенный час. Вечером, если не было назначено с кем-нибудь свидания по литературным или политическим делам, он сидел у себя дома за книгами, но эти занятия нередко прерывались посещениями или кем-нибудь из нашего кружка, или рабочими, с которыми он занимался, или литераторами из группы легальных марксистов. Я часто заходил к Владимиру Ильичу, и если случалось застать конец беседы, он после ухода гостя делился со мной впечатлениями от нее. Иногда он бывал возбужден только что закончившимся разговором и быстро ходил из угла в угол по своей маленькой комнате, заложив большой палец правой руки в пройму жилета, и с горячностью продолжал или, может быть, повторял мне еще не остывшие от внутреннего пыла аргументы. В особенности это бывало после ухода Струве.

Однажды после спора со Струве, очевидно, на философские темы, Владимир Ильич сказал:

— Он рисует кружок, заштриховав почти всю площадь, оставляет чистым только маленький сектор и говорит: заштрихованное — это познанное; эта часть круга непрерывно увеличивается по мере прогресса науки и техники, и она всегда будет увеличиваться; но навсегда останется, пусть маленький, незаштрихованный сек-

тор; это непознанное и непознаваемое, то что никогда не будет познано вследствие несовершенства и ограниченности наших органов познания, — и он, по существу, зовет назад к Канту.

Струве переживал, по-видимому, в это время начало той своей духовной эволюции, которая привела его к роковому концу. Владимир Ильич правильно видел в нем только буржуазного демократа, для которого разрыв с народничеством означал переход от мещанского или крестьянского социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму. Характерно названа им его первая статья против Струве: «Отражение марксизма в буржуазной литературе».

Чего искал Владимир Ильич, сближаясь с кружком легальных марксистов, общественное значение которых ему было ясно с самого начала? С самого начала он подходил к ним как революционный социалист к буржуазным демократам. Но Ленин, во-первых, нашел в них, в лице Струве, Потресова, Классона, Калмыковой, Туган-Барановского, Булгакова и др., людей с большими знаниями, с высоко развитыми общественными интересами, с навыками научного мышления. На собраниях у Калмыковой, у Классона и Потресова велись споры не только на политические темы, не только об основных принципах марксовой теории, но и на темы отвлеченные. Владимир Ильич склонен был к чистому мышлению, любил его как гимнастику ума. Позже, в эмиграции, он давал этой склонности простор в своих философских работах. В период «Искры»*, загруженный

* «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 г. 11 декабря 1900 г. вышел первый номер. Газета издавалась в Лейпциге, Мюнхене, Лондоне. С 52-го номера (ноябрь 1903 г.) меньшевики захватили газету, превратив «Искру» в свой орган.

практической работой по организации партии и политико-публицистическим творчеством, он, вздыхая, говорил иногда:

— Как хорошо бы на время отвлечься от всего этого, поспорить хотя бы о теории стоимости. Дебаты у Калмыковой (Струве был ее приемным сыном и жил у нее) давали ему возможность «скрестить шпаги» с противниками теоретически сильными — удовольствие, которого он не мог испытывать в нашем кружке «практиков». Старков и Радченко, сопровождавшие Владимира Ильича в этих вылазках в лагерь буржуазной интеллигенции, стояли при нем как бы в качестве молчаливых свидетелей, посланцев революционной группы, стоявшей за спиной Владимира Ильича. Старков говорит об этих прениях:

«Споры доходили до самых глубин исторических и экономических проблем и в конечном счете велись почти исключительно между Струве и Владимиром Ильичем, причем Струве был не меньше нас поражен глубиной и всесторонностью познаний Владимира Ильича. А между тем Владимиру Ильичу было в это время всего двадцать два — двадцать три года... При этих диспутах Владимир Ильич поразил нас всех своей исключительной трудоспособностью. Бывало не раз так, что Струве оперировал при спорах каким-либо литературным материалом, обычно иностранным, неизвестным Владимиру Ильичу. В таких случаях Владимир Ильич забирал тома материалов у Струве или находил их в Публичной библиотеке и на следующее заседание, всего лишь через один или два дня, являлся во всеоружии, вполне владея этим материалом и давая нам блестящий и глубокий анализ его.

... Расхождение касалось, главным образом, методов работы. Мы настаивали на необходимости и неизбежно-

сти борьбы чисто революционными методами, отводя подчиненную роль легальной литературной работе. Наши противники, наоборот, старались доказать нам, что революционная работа при данных условиях является не только невозможной, но и вредной, впредь до основательной обработки общественного мнения путем легальной литературы*.

Владимир Ильич не упускал из виду практических выгод от сближения с легальными марксистами для того дела, которому он себя отдал. Для этого дела нужны были новые силы, в особенности литературные, и более обширные, чем наши, общественные связи и технические средства, потому что только при этом открывались возможности широкой пропаганды марксизма посредством газет и журналов. Именно усилиями легальных марксистов были изданы «Критические заметки» Струве, книги Бельтова и Волгина (псевдонимы Плеханова), было почти осуществлено издание сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» с участием Владимира Ильича, выходили журналы «Новое слово»** и «Начало»***.

* В. Старков. Воспоминания о В. И. Ленине. — «Красная новь», 1925, № 8, стр. 110.

** «Новое слово» — ежемесячный научно-литературный и политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1894—1897 гг. вначале либеральными народниками, а с весны 1897 г. — «легальными марксистами». Революционные марксисты использовали страницы журнала для пропаганды своих взглядов и борьбы с народничеством. В «Новом слове» публиковали свои работы В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и другие революционные марксисты.

*** «Начало» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал «легальных марксистов», выходил в Петербурге в первой половине 1899 г. Страницы журнала использовались революционными марксистами для пропаганды своих взглядов. В журнале печатали свои статьи В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич. В июне 1899 г. журнал был закрыт, вышло всего 5 номеров в четырех книгах.

Владимир Ильич был физически крепким человеком. Он был прекрасно сложен, строен и ловок в движениях. Только раз в Петербурге в 1895 г. он заболел воспалением легких. Я пригласил к нему доктора Кноха, ординатора Мариинской больницы, и вызвал из Москвы по его просьбе Марию Александровну, мать Владимира Ильича, которая пригласила профессора Кальяна.

— Слово в слово повторил Кноха, — говорил мне Владимир Ильич о почтенном профессоре. В ссылке он ни разу серьезно не болел, но принимал иногда ремень.

К своим идейным врагам Владимир Ильич относился непримиримо, иногда жестоко и беспощадно. Действовал он всегда решительно и прямо. Плеханов говорил мне о нем: «не политический ум». Однако Ленин умел вести сложнейшую политическую борьбу с огромной выдержкой и настойчивостью, проявляя изворотливость и гибкость, умея вовремя уступить, даже пойти на компромисс, если обстоятельства того требовали, если это вело к цели. Он не проявлял слепого упорства, не прочь был иногда заключить временные союзы, например в 90-х годах с группой Струве или с группой народovolьцев, печатавших его произведения в своей тайной типографии. Раз поставив себе задачу, он добивался ее разрешения.

Он умел подбирать людей и ставить их на то место, где они могли быть особенно полезны... В Петербурге он записался в сословие присяжных поверенных, но работал в нем мало, хотя некоторое время он, очевидно, интересовался юридической практикой и посещал консультации на окраинах города. В отчете совета присяжных поверенных за 1894/95 г. упоминается и его имя в числе прочих, представивших отчет о своей деятельности. Но когда я как-то спросил Владимира Ильича, как идет его

юридическая работа, он сообщил мне, что работы, в сущности, никакой нет, что за год, если не считать обязательных выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов на ведение дел. Об адвокатской работе он скоро вовсе перестал думать.

М. А. С и л ь в и н.
Ленин в период зарождения партии.
Лениздат, 1958,
стр. 58—69.

З. П. НЕВЗОРОВА
(КРЖИЖАНОВСКАЯ)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В 1891—1894 гг. я училась на химическом отделении Высших женских курсов (б. Бестужевские) и уже в это время узнала о существовании в Нижнем группы молодых социал-демократов. Это были гимназисты (Сильвин), реалисты (Ванеев и Гольденберг), несколько позднее семинаристы (Владимирский, Десницкий) и др. Сначала среди них организовались кружки самообразования радикальной молодежи, а затем под влиянием находившихся в то время в Нижнем марксистов (Скворцов, Румянцев) юноши эти принялись за изучение Маркса. В Питер они приехали уже определенными марксистами и немедленно связались с социал-демократическими кружками (студенческими).

До окончания курсов я лишь изредка наезжала в Нижний на летние и, редко, на рождественские каникулы, привозила иногда литературу (нелегальную), знала свою (с.-д.) публику, но виделась с ними урывками. Близко познакомилась и вошла в с.-д. организацию лишь в 1894 г., когда, не найдя работы в Питере, вынуждена была уехать на родину, где жила вся моя семья (отец, мать, сестры и брат).

Не помню точно, в конце ли мая, а скорее в начале июня 1894 г. приехал в Нижний, проездом из Питера в Самару, Владимир Ильич. Он знал мой нижегородский адрес и зашел к нам: он хотел познакомиться и, если можно, завязать сношения с нижегородской группой социал-демократов и для этого нужно было организовать ночевку и устроить его свидание с ними.

Мы жили тогда на Кизеветерской улице в доме Б. Нечаева. И в нашем распоряжении была еще квартира замужней моей сестры Ольги Голубцовой, муж которой был преподавателем Аракчеевского кадетского корпуса и человеком архиблагонамеренным. Вся их семья на лето обычно уезжала на родину мужа в Вологодскую губернию, а ключи от квартиры передавались моей матери для наблюдения и ухода за цветами, большими любителями которых были зять и мать.

Вот эту-то пустую и во всех смыслах благонадежную квартиру, находившуюся, кстати, очень близко от нас (Б. Печерка, дом б. Мейера), мы решили использовать для остановки в ней Владимира Ильича. Ключи от квартиры были в его распоряжении, и он мог приходить и уходить, когда угодно. Только утром я прибежала напоить его чаем.

Никаких собраний в этой квартире не было. Насколько помнится, он провел там две ночи всего.

Собрание для знакомства его с нашей организацией было в комнате Анны Егоровны Кугушевой, бывшей слушательницы Надеждинских курсов в Питере и за какую-то провинность оттуда высланной (кажется, по студенческому делу). Комната ее находилась на бывшей Б. Покровке, в мезонине дома, где-то очень близко от немецкой кирки. Номер этого дома не помню. На этом собрании присутствовали Кугушева, П. Н. Скворцов, А. С. Розанов, Кулябко и я. Был ли кто-нибудь из

рабочих — не помню, кажется, никого не было. Народников никаких не было. Мы обсуждали исключительно дела нашей с.-д. организации и, главным образом, новые методы работы в массах.

Эти новые методы вызвали возражения только со стороны Скворцова.

Позднее, уже при Советской власти, я пыталась восстановить в памяти более подробно это совещание и с этой целью побывала у Скворцова. Он был уже слепой старик и жил в Москве в Доме инвалидов революции на Шабаловке. Но он не мог или просто не хотел ничего вспоминать. Мне даже показалось, что он с каким-то особенным раздражением отнекивался от всех моих расспросов, особенно о его разногласиях с Владимиром Ильичем.

После отъезда Ильича мы решили и дальше использовать квартиру Голубцовых в своих целях. На этот раз это было печатание листовок. В них была острая необходимость ввиду новых приемов агитации для вовлечения широких масс в революционную работу. Общими усилиями соорудили гектограф, добывали маленькими порциями гектографические чернила и целыми днями печатали листовки. Их распространяли по фабрикам и заводам через отдельных рабочих-кружковцев. Связь у нас была с заводами Сормова, б. Доброва и Набголец, б. Курбатова и с типографиями. Вся эта работа сошла благополучно, хотя слежка за всеми нами, как оказалось впоследствии, была сильная.

С осени 1894 г. я, по предложению А. М. Щегловой, сочувствовавшей очень социал-демократам и открывшей воскресную школу для рабочих, взялась за чтение там лекций. Темы их шли от мироздания к земле, к человеку, к человеческому обществу. Такое построение занятий, как мы убедились по питерскому опыту, было удачно,

потому что постепенно подготавливало головы для материалистического понимания всего окружающего мира и разрушало поповские бредни о непоколебимости всего сущего.

Слушатели мои были в старшей группе. Слушали с большим интересом. Но удалось мне провести лишь 4 занятия и до вопроса о возникновении человеческого общества я не успела добраться. На последнем занятии группа моих слушателей предупредила меня, чтобы я была осторожней, так как они уверены, что к нам затесался охранник. А через пару дней ко мне пришла очень взволнованная заведующая школой А. М. Щеглова и рассказала, что ее только что вызывал тогдашний губернатор Баранов, очень грубо ее принял, заявив, что он немедленно закроет ее школу, если она в 24 часа не уволит такую преподавательницу, как Невзорова. Я, конечно, немедленно подала ей заявление об уходе. Но часть моих слушателей рабочих ушла из школы и организовала нелегальный кружок, где мы изучали уже теорию прибавочной стоимости, борьбу классов, причины неизбежности гибели капитализма и прочее, и прочее.

В Нижнем в это время жили Анненский и Короленко. Около них группировались народники всех оттенков. Главной базой их было статистическое Отделение губернской земской управы, во главе которого стоял Анненский. Группа народников была очень многочисленна, нас же, социал-демократов, было немного. Припоминаю следующих членов нашего кружка: А. С. Розанов, Кулябко, П. П. Румянцев с женой, сестры Рукавишниковы и я. Осенью приехал Г. М. Кржижановский, он работал в качестве инженера по кустарным промыслам, много разъезжал поэтому по Нижегородской губернии, по разным глухим ее углам, но все же сильно подкрепил нашу группу.

Из рабочих вспоминаю Яшу Пятибрatова (слесарь или токарь завода Курбатова), Мишу Громова и др., имена которых уже стерлись в памяти. Через этих рабочих и шли наши связи с заводами. Через них распространялись листовки и нелегальная литература, организовывались кружки и пр.

Целым событием было появление книги Бельтова «К развитию монистического взгляда на историю». Она давала сильное орудие в борьбе с народниками. Ленинские тетрадки «Что такое «друзья народа» были к тому времени нами уж, конечно, проштудированы и использованы еще в Питере.

Но вскоре наша работа в Нижнем прервалась, хотя она только-только начала налаживаться. Г. М. Кржижановский получил из своего Технологического института приглашение занять место ассистента по органической химии в этом институте на оклад 50 руб. в месяц. И почти одновременно с этим приехал к нему его ближайший товарищ по институту и по революционной работе В. В. Старков и привез ему письмо от Владимира Ильича, в котором тот всячески настаивал, чтобы Г. Кржижановский принял предложение института и возвращался в Питер, где работа сильно развилась и уже чувствовался недостаток в руководящих силах.

И, несмотря на то, что Кржижановским к тому времени был приготовлен уже большой доклад для губернского собрания о положении кустарей и реорганизации их работы, несмотря на все уговоры председателя губернского земства остаться на службе в земстве, причем он предлагал ему в пять раз больший оклад, чем давал Технологический институт, Кржижановский передал свой доклад для прочтения его на собрании, а сам в конце января 1895 г. уехал в Питер.

В феврале того же 1895 г. уехала в Питер из Нижнего и я, куда всячески тянули меня все мои друзья. Крошечную базу для жизни в виде урока за 8 руб. в месяц и обед я получала от своего товарища по курсам и революционной работе А. А. Якубовой. Надеялась к тому найти еще кое-какую работенку и просуществовать как-нибудь. Очень уж тянуло меня в этот город. Вскоре получила работу на Урало-Рязанской ж. д., где я и оставалась до июня 1896 г.

После ареста в декабре 1895 г. нашей центральной группы (Владимир Ильич, Кржижановский, Старков, Мартов, Запорожец, Ванеев) оставшихся на воле удалось все же сплотить и продолжать работу.

Но после знаменитой стачки питерских ткачей, во время которой нашей организации пришлось всемерно напрягать силы, — я была арестована, содержалась в Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости и после 10 месяцев заключения, после страшной смерти Петровой в Петропавловской крепости была выдана на поруки матери и выслана под гласный надзор на родину в Нижний впредь до окончания следствия.

Я и сестра моя Софья, высланная по тому же делу тоже под гласный надзор полиции до окончания следствия за 3 месяца раньше меня, жили в квартире матери на Полевой улице в доме Пятова.

В том же 1896 г. была разгромлена жандармами и Нижегородская организация с.-д. Кроме того, оставшиеся рабочие были дезорганизованы и подавлены как самим провалом, так и предательством некоторых из арестованных, не выдержавших жандармского допроса и выложивших откровенно все, что они знали.

Приходилось начинать все заново и понемногу, осторожно склеивать и сплачивать уцелевшую рабочую

молодежь, остатки интеллигенции, организовать кружки, восстанавливать связи с заводами.

В этот период, пожалуй, главную роль играл Петр Заломов, молодой еще парень, медлительный и осторожный, но фанатически преданный делу рабочего класса. С его помощью были сформированы кружки рабочих, устраивались собрания, была проведена маевка за Волгой, установлена связь с главным рабочим центром Нижнего — с Сормовом.

Из старой интеллигенции не осталось никого. Появились новые силы — сестры Иваницкие (Мария и Ольга), очень славные девушки, целиком преданные делу революции...

Как я уже сказала, обе мы, т. е. я и сестра Софья, находились под гласным надзором полиции. Была установлена слежка за нашим домом, за нашими посетителями и за нашими отлучками из дома. И, кроме того, чуть не каждый день появлялся некий гнусный тип, околоточный надзиратель, и осведомлялся, находимся ли мы в наличии. При таких условиях сношения с рабочими были, конечно, очень затруднены. Приходилось прибегать ко всяким хитростям, чтобы заметать следы, не привести с собой «хвоста» и т. д.

Поздней осенью пришел приговор по делу сестры: 3 месяца тюремного заключения и 3 года гласного надзора полиции. Заключение она отбывала в арестантских ротах. Там же в это время отбывали наказание по нижегородскому делу целый ряд товарищей: Анна Рукавишникова, Нина Рукавишникова, А. Е. Сучкова (впоследствии по мужу Замошникова) и др.

Понятно, что при всех этих условиях налаживать революционную работу было очень и очень трудно. Но все же начало было положено, и с.-д. организация мало-помалу возродилась, связи с заводами расширились,

наладилось получение нелегальной литературы и велись занятия в рабочих, правда, еще не многочисленных кружках...

После отбытия трехгодичной ссылки я с мужем Г. М. Кржижановским поселилась в Самаре в 1901 г. Нам было запрещено жительство в 37 городах. В Самаре организовали искровский центр. Была установлена связь со всеми волжскими городами, между прочим, с Нижним, с Северным Союзом, с Харьковом, с Екатеринославом, с Одессой и пр. Из Самары рассылались особые агенты «Искры» с целью объединения всех существовавших уже тогда комитетов около газеты «Искра», долженствовавшей, по мысли Ильича, быть лесами для строящейся партийной организации...

Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине.
Горьковское книжн. изд., 1960,
стр. 74—83.

А. И. ПИСКУНОВ

ЛЕНИН И НИЖЕГОРОДСКИЕ ИСКРОВЦЫ

В 1900 г., когда мы с женой начали вести социал-демократическую пропаганду среди рабочих в Нижнем, там не было какой-либо правильной организации, по крайней мере, в самом городе: сохранялись связи с отдельными рабочими у отдельных лиц из интеллигенции, но какого-либо объединения и общей работы не было.

В Нижнем был большой погром в 1896 г., когда многочисленными арестами и высылками ведшаяся до того времени социал-демократическая работа была в корень подорвана, и правильная организация долго не могла наладиться. Нам пришлось положить немало труда, чтобы завязать связи с рабочими, пока не разыскали нитей, по которым установили связь с Курбатовским заводом, и к весне 1900 г. у нас был кружок молодежи с этого завода. Впоследствии он явился основным ядром организации с.-д. в городе. Мы с женой в это время были пропагандистами-кустарями, без связей с другими работниками, работавшими в то же время в Сормове, и без связей с Центром. Наши взгляды по вопросам тактики не отличались особой оформленностью.

Установлению связей с Центром помог случай.

Весной 1900 г. в Нижнем был проездом В. И. Ульянов, который по дороге не упускал случая завязывать связи на местах. В Уфе, где в то время жила в ссылке Н. К. Крупская и сестра моей жены О. И. Чачина, Владимиру Ильичу указали на меня, как на человека, ведущего социал-демократическую работу в Нижнем. Поэтому Владимир Ильич зашел ко мне. Так как я его раньше не знал, никаких паролей у него не было, то я отнесся к нему сначала довольно недоверчиво, но потом, втянутый в беседу, стал излагать свои взгляды. Владимир же Ильич с большой силой обрушился на меня за их неправильность и непоследовательность.

В результате полуторачасовой беседы я был сильно сбит со своих позиций. Окончательное обращение мое и моей жены было завершено этим же летом в Уфе, куда мы с женой уехали на лето и где мы через О. И. Чачину познакомились с Н. К. Ульяновой (Крупской); туда же приехал Владимир Ильич. Встреча с ними закончила наше идейное обращение и сделала нас их верными последователями на все последующее время. При этом была установлена и организационная связь с ними, которая сохранялась все время до высылки моей из Нижнего в 1904 г. Сношения были налажены так правильно и регулярно, что Нижний был постоянно в сфере влияния возникшей в дальнейшем «Искры», правильно снабжался литературой и своевременно информировался из Центра (из-за границы) через Н. К. Ульянову. Благодаря этому Нижегородская организация, по крайней мере ее большинство, все время в своей тактике сохраняла большевистский характер.

Надо сказать, что эта уфимская встреча не только была решающей в смысле идейном, но и дала сильный толчок к дальнейшей работе; весьма возможно, что

наши кустарнические усилия в дальнейшем ослабели бы, если бы не установилась связь с В. И. Лениным.

Зимой 1900-1901 г. нами продолжается пропагандистская работа с уже возникшими кружками и завязываются новые связи — с заводом Доброва и Набгольц, котельным заводом на Моховых Горах, с городскими ремесленниками.

Большим умением в деле связей отличался Григорий Яковлевич Козин, котельщик с Курбатовского завода. Он был прикосновенен к с.-д. работе еще с 1896 г.

В Нижнем и окрестностях у него было много знакомства на заводах и старых связей. Медлительный в речи и движениях, он обладал большим умением разбираться в людях и с большой ловкостью привлекал новичков. Первыми наиболее усердными учениками нашими были Григорий Иванович Рыбаков и Михаил Алексеевич Комин, в то время еще почти мальчики, оба курбатовские рабочие. В то время как другие ограничивались посещением кружковых занятий и чтением популярных брошюр, эти двое просили вести с ними серьезные занятия отдельно. Эти занятия вела с ними жена и основательно проходила с ними политическую экономию, давала им читать более серьезные книги, а не только брошюры, вела беседы о прочитанном. Впоследствии тот и другой эмигрировали в Америку: Рыбаков в Северную и Комин в Аргентину. Последний вернулся в Россию в 1920 г. как делегат на конгресс Коминтерна под новой фамилией Александровский; Г. И. Рыбаков же приехал в Россию в 1917 г. в числе той группы русских эмигрантов рабочих, которые основали и в настоящее время составляют основное ядро образцового русско-американского инструментального завода в Москве, являющегося блестящим образцом постановки дела самих рабочих.

Описание этого завода и рабочей коммуны неоднократно были в московских газетах («Экономическая жизнь», «Известия ВЦИК»).

Только весной 1901 г. наконец устанавливается у нас связь с товарищами, работавшими в Сормове, — Десницким и Ладыжниковым (из интеллигенции) и рабочими бр. Заломовыми, Самылиным, Гариновым, бр. Барановыми и др. Хорошо памятно мне первое, как бы организационное собрание в Сормовском лесу. Оно было обставлено очень конспиративно. По плану И. П. Ладыжникова, который был великим конспиратором, мы должны были выйти из дому в 5 час. утра, затем путь наш должен был лежать не по мосту, а на лодке через Оку на Сибирскую пристань; дальше берегом Волги; это огромный крюк. Идти мы должны были, конечно, порознь. Придя на место, мы нашли там спящего прямо в траве Самылина. Со смехом его подняли и поставили на ноги. Накануне он загулял слишком поздно на ярмарке, но помнил, что ему нужно прийти на собрание, и пробрался в лес на место сходки, где и заночевал.

На собрании была установлена организационная связь на дальнейшее время и распределена работа, причем нам по-прежнему была поручена работа в городе, а Ладыжников и А. Ф. Войткевич, привлеченные также на это собрание, должны были сноситься с Сормовом. Был образован комитет, в который вошли: я, Ладыжников, Войткевич и Заломов старший (Петр Андреевич). Далее обсуждался вопрос об участии в выборе фабричных старост и об организации кооперативной лавки в Сормове, и решено в том и другом деле принять самое энергичное участие и провести своих людей, что в дальнейшем вполне удалось, и во главе правления лавки, в качестве председателя проведен был Г. И. Гаринов, оставшийся в этой должности до конца своей службы

в заводе (через несколько лет он был разбит параличом). В правление лавки прошли и некоторые другие товарищи. Затем обсуждались некоторые технические вопросы, как-то: об организации распространения прокламаций и литературы, об устройстве самодельного мимеографа и т. д.

Выборов фабричных старост как будто не состоялось совсем.

Между прочим, дальнейшие последствия этого решения показали, что проводить в легальную организацию наиболее деятельных товарищей не следовало, потому что они ушли с головой в эту работу и, таким образом, были потеряны для нелегальной работы.

Большую работу для нашей организации составляло в то время устройство печатания прокламаций. Пока приходилось довольствоваться гектографом, потом удалось товарищам рабочим сделать мимеограф, но поставить мимеографию долго не удавалось. Это сильно тормозило агитационную деятельность и приходилось, главным образом, работать в кружках, расширяя сферу влияния путем переброски связей в новые пункты и путем привлечения новых работников интеллигентов-пропагандистов. Так были образованы в зиму 1901-1902 г. ячейки на некоторых заводах в Канавине; особенно ценной была связь с большой мануфактурой в Молитовке.

Но, опять-таки, отсутствие типографии не давало возможности использовать эти связи для широкой агитации среди массы рабочих.

Таким образом, получалась широкая сеть связей с фабриками и заводами, которая перебрасывалась даже за пределы Нижнего, например, в Городец, Кулебаки и другие места губернии, но влиять можно было только теми скудными запасами литературы, которая получа-

лась в Нижнем, да редкими свиданиями с приезжавшими из этих пунктов товарищами. 1 мая 1902 г. было решено устроить демонстрацию в Сормове и этим всколыхнуть рабочие массы. Для Сормова это было вполне осуществимое дело, так как там была самая крепкая и многочисленная организация и, кроме того, в ее рядах были такие крупные работники, как Заломов, Барановы, Павлов и др. Что касается города, то по этому поводу голоса разделялись: старые члены организации, как мы, Ладыжников (Войткевич в это время был уже в ссылке), были против демонстрации в городе, так как не рассчитывали на большое число участников ввиду разбросанности рабочего населения, молодежь же, как А. И. Доброхотов, С. И. Моисеев (Илья), Лубоцкий (Загорский) и др. горячо стояли за устройство демонстрации и ни за что не хотели отказаться от этой мысли, несмотря на возражение большинства комитета. Хотя мысль о демонстрации возникла давно, но практически подготовка началась лишь весной. Зимой же велась пропагандистская работа в значительно расширившемся масштабе...

Отсутствие типографии по-прежнему тормозило работу. Осенью 1902 г. в Нижний приехал из Одессы партийный товарищ сапожник с женой наборщицей и решено было воспользоваться ими, чтобы поставить типографию. К этому времени товарищи типографы натаскали шрифта, немного, правда, но для прокламации достаточно, и был устроен очень примитивный типографский станок. По своей технической ценности он далеко уступал даже хорошему мимеографу, но для нас важно было выпускать именно печатанные прокламации, так как это очень импонировало широким рабочим массам. Но эта типография все же не могла удовлетворить: работа шла очень медленно, нечисто. Наконец, уже поздней

осенью при помощи А. М. Горького удалось достать настоящую типографию, богато оборудованную шрифтом.

Наша типография получила, между прочим, большой заказ на печатание первомайских прокламаций (перепечаток из «Искры»), чтобы обслужить Поволжье; заказано было изготовить 15 пудов. Типография интенсивно работала.

Материалы по истории
революционного движения. Т. 4.
Н. Новгород, 1922,
стр. 15—22.

С. П. НЕВЗОРОВА
(ШЕСТЕРНИНА)

СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНИЙ

В яркое морозное утро 26 октября 1893 г. я приехала в Питер. Наконец-то сбылось то, к чему я стремилась в течение многих лет. Я — в Питере, на Высших курсах. И это не сон. Сердце билось от радости, я прямо не верила своему громадному счастью... На вокзале меня весело встретила сестра Зина*. Поехали на Васильевский остров, на Малый проспект. Зина жила со своей однокурсницей — Аполлинарией Якубовой. Чудесный была человек Аполлинария. Умница, стойкая, решительная, необыкновенно правдивая. Неискренность была совершенно чужда ее кристально чистой натуре. Работала она страшно настойчиво и упорно. Она была одной из лучших учительниц в воскресной школе для рабочих за Невской заставой (вместе с Н. К. Крупской, Л. М. Книпович и др.). Она выбирала оттуда рабочих для кружков по революционной пропаганде. Позднее она же была одним из самых деятельных, преданных членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с его основания. Широкая в плечах,

* Зинаида Павловна Невзорова (Кржижановская). — *Ред.*

с крепко посаженной русой головой, с небольшими блестящими карими глазами и ярким румянцем, она казалась олицетворением здоровья. От нее так и пахло свежестью полевых трав. Мы звали ее «черноземной силой».

Умерла она безвременно от туберкулеза в мае 1913 года.

Хотя Аполлиария с моим приездом ушла жить на другую квартиру (комната у сестры была небольшая), но мы все трое были постоянно вместе. Вошла я на Высшие курсы, как в какое-то святилище, ожидая получить ответ на все те вопросы, которых так много было в голове. Но, конечно, все ценное и лучшее получила я не от курсов. Передо мной болезненно ярко выступили все недочеты в моих знаниях. Работать, читать, учиться целые дни — вот что я должна делать прежде всего. Я прекрасно видела, как далеко в своем развитии ушли от меня Зина и Аполлиария, которые были уже на последнем курсе. Три года питерской жизни очень развили их во всех отношениях. Я же все эти годы прожила в глухой провинции, где не было ни надлежащих книг, ни авторитетного руководства, и я чувствовала себя совершенно дичком.

В начале ноября, недели через две после моего приезда, Зина объявила мне, что в комнате у нас вечером будет интересное собрание. Придут знакомые технологи, о которых я слышала от сестры и Аполлиарии, а с некоторыми уж и познакомилась. С ними должен прийти и недавно приехавший из Самары В. И. Ульянов, очень умный, необыкновенно образованный человек. Так все тогда говорили о нем. Будут читать статью о рынках, написанную Германом Красиным. Вопрос о рынках очень интересовал тогда всех молодых марксистов в Питере.

С того вечера прошло уже 36 лет, но, как сейчас, помню нашу небольшую в одно окно длинную комнату с зеленым диваном и двумя кроватями. На этом диване за столом сидит этот новый, интересный человек. Владимиру Ильичу было тогда всего 23 года. Свет лампы освещает его большой, крутой лоб с кольцами рыжеватых волос вокруг значительной уже лысины, худощавое лицо с небольшой бородкой. Свои возражения по поводу статьи Германа Красина он читает по тетрадке. Напротив него на кровати, напряженный, как стрела, сидит Глеб Кржижановский, дальше кругом на стульях разместились остальные: всегда на вид спокойный, но горячий в спорах Старков, высокий красивый П. Запорожец, коренастый белокурый Ванеев, нервный и подвижный Сильвин. На кровати сидят Зина и Аполлинария, а у печки стоит, заложив руки за спину, высокий с большим лбом Герман Красин. В стороне на столике шумит самовар, стоят стаканы, хлеб, масло. Хозяйничая я. Владимир Ильич кончил читать. Начинается жаркий спор. Дает свои объяснения Г. Красин, горячится главным образом Кржижановский, возражают Старков, Ванеев и др. Владимир Ильич молчит, внимательно слушает, переводя свои острые, смеющиеся, пытливые глаза с одного на другого. Наконец, он берет слово, и сразу наступает тишина. Все с необыкновенным вниманием слушают, как Владимир Ильич опровергает Г. Красина и некоторых других, возражавших ему. Не помню сейчас его доводов, но осталось яркое впечатление неопровержимости их. Я видела тогда Владимира Ильича первый раз в жизни. И сразу он принес с собой что-то яркое, живое, новое, неотразимое. Я, дикая провинциалка, была прямо потрясена этим вечером. Целый вихрь мыслей кружился в голове. И так живо и ясно встает в памяти вся картина этого вечера. Как будто

вчера, а не 36 лет назад стоял Владимир Ильич в нашей комнате в своем черном с мерлушковым воротником пальто. Слегка сгорбившись и надвигая поглубже мерлушковую шапку на уши, он так заразительно молодо смеялся и шутил, уходя одним из последних из нашей комнаты.

Воспоминания встают отдельными яркими картинами...

Второй год моей жизни и занятий на курсах — 1894-1895 г. В этот год, как и всегда, денег у меня было очень мало, поэтому я поселилась с одной своей однокурсницей в бесплатной маленькой комнате Анненского отделения в громадном доме*, в одной из Измайловских рот.

Это было очень далеко от Васильевского острова. Приходилось тратить массу времени и сил на переход пешком на курсы. Поэтому я в эту осень главным образом работала в Публичной библиотеке, которая была гораздо ближе от меня. Сидела я в библиотеке обыкновенно целыми днями, вплоть до ее закрытия. Уходила с тяжелой, усталой головой, голодная, но очень довольная и удовлетворенная: первый раз в жизни я так много работала для себя. Очень часто видела я здесь Владимира Ильича, который, окружив себя целой горой книг, много и усердно читал и главным образом писал. Из-за груды книг, бывало, виднелась только его голова с большим прекрасным лбом. Иногда мы с ним вместе возвращались из библиотеки: нам было по пути, он жил на Казачьем переулке, недалеко от Измайловских рот.

* Это был громадный дом, занятый сплошь всевозможными благотворительными учреждениями. В одном из этажей часть комнат были отданы под бесплатное общежитие курсисткам из всех учебных заведений Питера, главным образом слушательницам акушерских и фельдшерских курсов. — С. Н. (Ш).

Помню, раз мы бежим быстро по Невскому, мимо Аничкова дворца. Это было в начале декабря. Он прищурил свои острые, блестящие глаза, посмотрел на дворец, и, весело, шутливо смеясь, говорит: «Вот бы сюда хороший апельсинчик бросить!»

Подходили рождественские каникулы. Я с Ванеевым (кличка его была «Минин») собиралась ехать на целый месяц в Нижний. Перед самым отъездом я себя чувствовала не совсем хорошо, наш курсовой врач прописал мне аспирин. В аптеке, очевидно, перепутали лекарство: вместо аспирина мне отпустили атропин. Ничего не подозревая, я приняла порошок, и со мной сделалось скверно. Напугала я очень всех живущих со мной курсисток, которые притащили ко мне нескольких врачей, постановивших немедленно отправить меня на длительный отдых плюс усиленное питание. И вот на другой день после посещения врачей сижу я в своей маленькой комнате, завернувшись в теплый платок. Сил совсем еще мало. Вдруг отворяется дверь, и входит Владимир Ильич — я была прямо поражена. А он берет стул, садится рядом со мной и так хорошо и тепло расспрашивает меня о моем здоровье, о моем самочувствии, о моей поездке в Нижний. До сих пор так ясно помню его милое, ласковое лицо. Глубоко тронуло меня его товарищеское внимание. Он тогда много работал, был очень занят и все-таки нашел минутку забежать к больному товарищу.

Воспоминания бегут дальше... Так как кружок наш работал нелегально, то из конспиративных соображений группами не сходились, но решено было хоть разок собраться вместе и молодо, весело провести вечер. Едем в Лесной институт. Там были ледяные горы и маленький трактирчик, где можно было остановиться, попить и поесть. Были предприняты всевозможные

предосторожности. Выехали с различных вокзалов и различными путями. Но тем не менее об этой поездке стало известно в жандармском управлении, и впоследствии многих из нас допрашивали о ней. В большой отдельной комнате трактира веселой гурьбой пили чай, закусывали. До упоения накатавшись с высоких ледяных гор, вернулись опять в комнату, пели, плясали русскую и казачка. Особенно мастерски плясал Петр Запорожец, а около него меланхолично, но старательно выплясывал Михаил Названов. Владимир Ильич был очень весел, шутил, смеялся, принимал самое живое участие в хоровом пении и катании с гор. На вейках и по железной дороге небольшими группами вернулись мы все обратно в Питер. Было морозно, снежно, небо усыпано звездами. Молодо и бодро чувствовали мы себя все тогда!

Вскоре после этой нашей веселой поездки, а именно в марте месяце, Владимир Ильич захворал воспалением легких в тяжелой форме. За ним (пока не приехала его мать Мария Александровна) некому было ухаживать. И вот мы по очереди забегали к нему и делали все нужное: меняли компрессы, поили чаем, бегали за лекарствами и т. д. И все спешили сделать ему что-нибудь приятное. За полтора года, которые он прожил в Питере, все так искренне полюбили и ценили его. Да иначе и быть не могло.

Едва поправившись, еще сидя в кровати, он ни одной минуты не терял даром: все время читал и писал. Мне помнится, он тогда читал 3-й том К. Маркса.

Ко всем этим крохотным отрывкам хочется прибавить еще один, наиболее ярко сохранившийся в памяти момент. Конец мая 1900 г. Владимир Ильич кончил срок своей ссылки в Сибири, вернулся в Россию и некоторое время жил под Москвой в Подольске со своей

семьей. Я в это время жила под гласным надзором в Боброве — глухом скверном городишке Воронежской губернии. Я только что встала с постели: перенесла жестокую родильную горячку после второго ребенка. И вот получаю телеграмму от Владимира Ильича с приглашением приехать поскорее в Подольск. Я с мужем тотчас собрались и в первых числах июня были уже в Подольске, в небольшом домике, в котором тогда жила Мария Александровна с дочерьми Анной и Марией.

Владимир Ильич встретил нас бодрый, жизнерадостный, полный планов. Пробыли мы в Подольске полтора дня. Весь первый день прошел в жарком споре по поводу «Рабочего дела». Рабочедельцы тогда очень энергично снабжали своей литературой главным образом провинцию, и мы, находясь в центре такой черноземной крестьянской губернии, как Воронежская, за неимением другой литературы широко пользовались ею. Владимир Ильич жестоко разбил уклонения и ошибки рабочедельцев. Расстались дружески. Решено было принять участие в органе, который предполагал организовать Владимир Ильич. Для этой будущей большой работы он и стягивал к себе со всех концов России прежних своих товарищей*.

Как сейчас помню наше прощание. Чудный жаркий июньский день. Владимир Ильич и муж только что купались в реке. Мы стоим в маленьком садике перед домом. Владимир Ильич, заложив руки в карманы и пронизывая своими зоркими глазами нас обоих, дает нам свои поручения в Нижний. Дело в том, что из Подольска я с мужем решили ехать в Нижний повидаться с моей

* Об этом нашем свидании с Владимиром Ильичем в Подольске упоминала как-то Анна Ильинична в одном из своих воспоминаний о Владимире Ильиче.

матерью, а Владимир Ильич должен был ехать по Волге и дальше, кажется, для свидания с Надеждой Константиновной, которая, не окончив еще срока своей ссылки, жила в это время в Уфе. Владимир Ильич просил нас до его приезда в Нижний повидать по возможности всех проживавших там товарищей и устроить ему свидание с ними. Через несколько дней после нашего отъезда из Подольска приехал в Нижний и Владимир Ильич вместе с Анной Ильиничной. Собрание с нижегородцами состоялось в квартире моей матери на Полевой улице, в доме Пятова. И нижегородцы впоследствии были одни из первых аккуратных и постоянных сотрудников «Искры».

В своих воспоминаниях я не описываю социал-демократическую работу Владимира Ильича в Питере в 90-х гг. Об этом за последнее время* много ценного написано и сказано другими товарищами.

Моя страничка воспоминаний — только маленькая деталь к чудесному образу этого великого человека, необыкновенно дорогого для всех, кто его знал.

* Воспоминания написаны в 1930 г. — *Ред.*

Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. 1.
М., Госполитиздат, 1956,
стр. 141—145.

С. П. ШЕСТЕРНИН

МОЯ ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С В. И. ЛЕНИНЫМ

...В 1900 г. я имел счастье вторично повидаться с В. И. Лениным.

В начале июня мы с женой получили телеграмму от А. И. Ульяновой с приглашением приехать в Подольск по указанному адресу. Значит, Владимир Ильич в Подольске — решили мы — и тотчас же выехали из Боброва.

Шесть лет прошло со дня моей первой встречи с Лениным. За это время Владимир Ильич возмужал, стал шире в плечах. Он был жизнерадостен, оживлен и полон планов объединения представителей революционного марксизма. Владимир Ильич много говорил об издании за границей общероссийского партийного органа и приглашал нас с женой сотрудничать в этом органе.

Мы с женой пробыли два дня в семье Владимира Ильича.

С ним была тогда его мать, милая Мария Александровна, сестры — Мария Ильинична и Анна Ильинична со своим мужем М. Т. Елизаровым и брат врач Дмитрий Ильич.

Как сейчас, вижу Марию Александровну с ее нежной прелестной улыбкой и чудесными глазами. Она умела каждого окружить теплотой своего сердца, и всем около нее было как-то особенно хорошо и приятно. Удивительно большая душевная сила таилась в этой маленькой, хрупкой фигуре, которая вынесла так много горя и страданий в связи с казнью старшего сына и многократными арестами остальных детей. В радостной встрече с друзьями и в задушевных разговорах время протекало необыкновенно быстро. Погода стояла превосходная, солнце светило ярко. Мы с Владимиром Ильичем уходили на реку Пахру купаться, плавали, ныряли, любовались бриллиантами брызг, причудливо сверкавшими на солнце. Мы вели себя как пятнадцатилетние юноши, хотя Владимиру Ильичу было тогда уже тридцать лет. Он с каким-то особенным воодушевлением и страстью отдавался этому приятному удовольствию.

Вспоминается наш разговор о «Рабочем деле». Узнав, что нам, практическим работникам на местах, приходится поневоле пользоваться некоторыми брошюрами «Рабочего дела», хотя мы и не разделяли «экономизма», Владимир Ильич слегка пожурил нас. Анна Ильинична стала защищать, говоря, что другой литературы нет, поэтому и приходится довольствоваться некоторыми изданиями «Рабочего дела».

На второй день вечером мы с женой поехали в Нижний Новгород, куда через день прибыли и Владимир Ильич с Анной Ильиничной. Жена, как нижегородка, созвала местных партийцев, перед которыми Владимир Ильич развивал свои организационные планы объединения сил и издания заграничного партийного органа. Собрание проходило в квартире матери моей жены на Полевой улице в доме Пятова.

Так мы провели с Владимиром Ильичем еще один день, памятный на всю жизнь.

Мы с женой некоторое время пробыли в Нижнем, а Владимир Ильич с Анной Ильиничной направились на пароходе в Уфу к Надежде Константиновне, которой предстояло пробыть в ссылке еще один год...

С. П. Шестернин.
Пережитое.
М.—Л., 1940,
стр. 178—182.

В. А. ДЕСНИЦКИЙ

**В. И. ЛЕНИН
И М. ГОРЬКИЙ**

...Когда перед III съездом партии, перед отъездом в Лондон, куда направились другие делегаты, я заехал на несколько дней в Женеву, Владимир Ильич жадно расспрашивал меня о России. Ему, уставшему от меньшевистского заграничного «засилья», от той эмигрантской склоки, которая царила в русской женевской колонии, хотелось от человека, только что приехавшего из России, от своего человека, слышать о том, что там происходит. В наших деловых беседах — со мной и А. А. Богдановым, который в эти дни также был в Женеве, — Владимир Ильич ожил, повеселел. «Повоюем, черт возьми, повоюем!» — возбужденно и весело повторял он, слушая наши сообщения о положении дел в России...

Деловые разговоры завершались часами отдыха, дружеской шутилой беседой. И в отдыхе и в шутилой беседе Владимир Ильич оставался верен себе: каждую «ситуацию» он доводил до конца, всякое «недоумение» считал нужным немедленно разрешить.

Помню, каким дружным хохотом наградили мы Владимира Ильича за одно из таких стремительных раз-

решений недоумения, «тут же, в момент и на месте его возникновения».

Надежда Константиновна Крупская и Наталья Богдановна, жена А. А. Богданова, рассматривали очередной номер мюнхенского юмористического журнала «Simplicissimus». Их внимание остановила подпись под одним рисунком. На нем был изображен Николай II в виде громадного поганого гриба-дождевика. Маленький японец — микадо — проткнул гриб саблей, и гриб сморщился, испустив из себя облако смрадной серой пыли. Под рисунком подпись — «Bovist». Дамы в недоумении: «Кто знает, что значит «Bovist»?.. Оказывается, никто не знает. Владимир Ильич взглянул на рисунок, задумался, но только на секунду. «А мы сейчас же разрешим недоумение», — и стремительно схватил немецко-русский словарь Павловского, быстро нашел нужное слово и четко, во всеуслышание объявил его «первое» значение. Владимир Ильич сконфуженно втянул голову в плечи, когда в первое мгновение желанное слово было встречено общим загадочным молчанием. Он пытался исправить последствия своей стремительности: «Ну, тут указаны еще и другие значения — дождевик, чертова перечница...» Но затем сдался и присоединился к общему смеху. Желающие могут справиться в словаре Павловского, какое слово сконфузило Владимира Ильича. Нужно только добавить, что в спешке Владимир Ильич и без того сильную словесную народную характеристику русского царя еще более усилил, заменив первую букву слова «в» буквой «б» и перенес ударение с конца слова на его начало.

Проходили наши беседы по вечерам и за кружкой пива, в одной из женевских пивных, в которой не бывали члены русской колонии. Владимира Ильича интересовали не только внутрипартийные организационные

отношения на местах, перипетии борьбы большевиков с меньшевиками, не только сообщения о жизни нижегородско-сормовской и других организаций, которые были мне более близко знакомы. Он, видимо, отдыхал, слушая мои повествования о нарастании революции, о революционном настроении в городах, об условиях подпольной работы, о «явочной» реализации свободы собраний, свободы слова в заводских и фабричных районах. Он расспрашивал о мелочах бытового порядка — изменениях в бытовом укладе рабочих, интеллигенции. Его волновали рассказы о рабочих-комитетчиках: ему нужны были фамилии, портреты, описание манеры их речи, способа мышления, отношения к интеллигентам-комитетчикам и пропагандистам. Мои деревенские впечатления, сообщения о пропагандистской и агитационной работе сормовичей по деревням его особенно радовали.

— Это очень важно и это очень хорошо, что рабочие идут в деревню для агитации. А с эсерами справляются? — с некоторой тревогой спрашивал он. И удовлетворенно кивал головой, когда я рассказывал о победах и одолениях, одерживаемых рабочими над эсеровскими гастролерами.

Ленина, умученного бледной, тоскливой лексикой женевских дискуссий, на которых успешно подвизались перед интеллигентской аудиторией меньшевистские златоусты, волновал даже язык моих сообщений. Он нередко улыбался, услышав не совсем обычное выражение в характеристике того или иного меньшевистского деятеля, хранителя комитетской печати, или неожиданное, по словесной формулировке, описание наших местных фракционных состязаний. Ильич неоднократно принимался хохотать во время рассказа о моем посещении, под охраной нескольких бравых большевиков, важ-

ного меньшевистского собрания в Женеве, на котором Мартов должен был делать доклад о предстоящем партийном съезде.

Меня поразила торжественность поцелуйного обряда, который перед лицом всей благоговейной аудитории публично совершали П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Мартынов, Мартов. «Весь иконостас, всех святых подняли против безбожных большевиков», — недоумевал я по поводу этой церемонии. Особенно позабавило его описание той тревоги, которую вызвала в почтенном собрании моя скромная особа. При виде моей обширной тогда бороды и моих решительных спутников в президиуме зашептали, зашушукали. Мартынов, жалостно потирая вспотевшую лысину, от чего-то упорно отнекивался, но неумолимый Дан, пламенный Мартов что-то убедительно ему втолковывали, осторожно кося глазами в наш зараженный угол.

Бедный Мартынов с явной неохотой подчинился, и аудитории в довольно невразумительных выражениях было сообщено, что доклада о партийном съезде не будет, но что тов. Мартынов прочтет доклад по аграрному вопросу. Аудитория встретила сообщение без малейшего признака восторга, на многих лицах промелькнуло даже выражение мучительной тоски, раздалось кое-где робкое шиканье, послышались вопросы: как? почему? Мартынов?.. Но шустрые девицы пробежали по рядам и быстро успокоили бунтовщиков, не желавших учиться аграрной мудрости у Мартынова. Мартынов долго и мучительно мыслил вслух, не сводя концов с концами своей путаной речи. А огорченные слушатели злобно смотрели в нашу сторону.

— Это они вас, нового человека, испугались! — разъяснил мое комическое недоумение Ильич. — Приехал, видимо, из России новый человек, явный больше-

вик, никому неведомый. Ну, смутить может нетвердых, вот и принесли в жертву Мартынова...

— Откуда у вас такой язык? — допрашивал Ильич, когда я рассказал ему о своем огорчении по поводу неудавшегося покушения на деньги толсторожего фламандского торговца скотом.

В вагоне, уже в Швейцарии, я нашел в уборной бумажник этого купца и отдал ему. После этого завязался общий разговор в нашем купе. Швейцарские мещане расспрашивали о России, о русском царе, о войне. И вот я надумал обратиться к лошадятнику с просьбой помочь делу русской революции, хотя бы в награду за мою услугу. Но пока я в уме сочинял на немецком языке нужные мне фразы, фламандец исчез, сойдя на небольшой станции. Владимир Ильич весело разъяснил мне глубину моей наивности, всю безнадежность моего, к счастью, несостоявшегося покушения на кошелек честного европейского буржуа.

Мне и до сих пор приятно вспомнить, что я доставил своей бесхитростной речью вчерашнего бурсака, выросшего в деревне и напитавшегося воздухом рабочего Сормова, кратковременный отдых Владимиру Ильичу, задыхавшемуся в ту пору в обстановке эмиграции.

Одним из первых вопросов Ильича был вопрос о Горьком: «Что делает? Какое отношение к партии? Участвует ли в литературной деятельности местных организаций». Говорил, что нужно беречь его, не расходовать на частные, мелкие местные дела, что не нужно, в частности, привлекать к писанию прокламаций, так как стиль Горького, стиль большого художника, обратит на него подозрение любого грамотного жандарма. Если уж привлекать к работе по литературной линии, то только, говорил Владимир Ильич, для документов общепартийного характера.

— Это очень, очень хорошо,— неоднократно повторял Ильич, — что Горький с нами. Горький — настоящий революционный писатель, у него громадный талант, он не ноет, не любит интеллигентской слякоти, и это хорошо.

Рассказывал ему я о внимании Горького к членам организации, к их нуждам, о том глубочайшем интересе, который проявляет писатель к росту сознания рабочих, к их культурным запросам, к сдвигам в быту. Ильич морщился, когда я упоминал, что Горький иногда увлекается «героизмом» бомбометателей социалистов-революционеров, умеющих красочно повествовать о своей приключенческой подпольной жизни и деятельности.

— Ну, это художник в нем говорит. И это не страшно,— правда? Нужно, чтобы он поближе узнал рабочих. В нашей повседневной борьбе больше подлинного героизма, чем в шумихе эсеров. Вы понимаете, как это важно, — настойчиво разъяснял Владимир Ильич, — к нам, к делу революции, к рабочему классу идет, пришел большой художник. И нельзя к нему относиться, как к любому члену организации,— неоднократно подчеркивал он. Ленин одобрительно кивал головой — «вот, вот!», — когда я передавал ему воспоминания Алексея Максимовича о народнических попытках его политического и культурного воспитания, оставивших в сознании Горького тяжелый осадок.

Характерно, что вопрос о денежных отношениях, связанных с именем Горького, интересовал Ленина в меньшей степени. Ильич внимательно слушал мой рассказ о встречах и беседах Горького с Саввой Морозовым, Бугровым, Сироткиным, о том, как он умело и успешно извлекал из них деньги на «студентов», на «конституцию». Одобрил мое поведение в деловых встречах с Морозовым, Сироткиным, удовлетворенно

встретил сообщение, что Никитич (Л. Б. Красин) в курсе всех этих «связей», что меньшевики не имеют к ним никаких отношений.

— А напишет Горький об этих своих «друзьях»? — спрашивал Ленин. — Ну, конечно, — сам отвечал он, — напишет, и напишет хорошо...

Первая встреча Горького с Лениным состоялась в конце ноября 1905 г. (по старому стилю), вскоре после приезда Владимира Ильича в Россию, накануне дней московского декабрьского восстания.

В самом конце ноября, а по любезно сообщенной мне автором записи в дневнике К. П. Пятницкого*, единственного, кроме меня, оставшегося в живых свидетеля этой встречи, 27 ноября, мы с Алексеем Максимовичем явились на общую петербургскую квартиру Горького и Пятницкого (на Знаменской улице).

Горький только что оправился от болезни; я останавливался у него проездом из Нижнего в Питер, и выехали мы из Москвы вместе. Горький был весь пропитан московскими впечатлениями, настроениями кануна декабрьских дней. Горький собирал деньги на оружие, оружие волокли в его квартиру и уносили из нее; одна из студенческих боевых дружин, кавказская, в целях «охраны» писателя, дневала и ночевала в его квартире, пугая своей веселой «учебной» стрельбой благонамеренных буржуазных соседей Горького...

Мне предложили устроить заседание на квартире у Горького; там оно и состоялось. Присутствовали Владимир Ильич, А. А. Богданов, Л. Б. Красин, П. П. Румянцев. Из нечленов ЦК были М. Горький и я, в то

* В настоящее время и его уже нет в живых; К. П. Пятницкий умер, к сожалению, не оставив подробных записок о всем им виденном и слышанном.

время кандидат в члены ЦК. За обедом и за чаем после заседания присутствовал и К. П. Пятницкий, заботливо организовавший кормежку гостей.

Горький много рассказывал о московских событиях и настроениях, о похоронах Баумана, о черной сотне, о вооружении рабочих и студентов, о настроении интеллигенции, картинно описывал уличные сцены. Владимир Ильич слушал с неослабным вниманием. Его особенно, как и всегда, интересовали те мелочи, конкретные детали, факты, слова, которые давали свежее, непосредственное впечатление действительности. Здесь впервые узнал он Горького как рассказчика и с первого же раза оценил громадное значение его наблюдений и заключений о людях и событиях.

— Учиться у него нужно, как смотреть и слушать! — нередко говорил о Горьком Владимир Ильич и постоянно жаловался на бедность фактического содержания, на худосочие речей и корреспонденций многих партийцев, в общих фразах которых исчезало все своеобразие конкретного момента, данной ситуации.

Время, в которое происходило заседание, было тревожное, ответственное. Приближались решающие дни декабря. Владимир Ильич взвешивал каждый факт, каждое слово. Вопрос о вооруженном восстании, которому так много внимания было посвящено на III съезде, подготовкой к которому все лето и осень были заняты большевистские организации, из стадии обсуждения переходил в порядок завтрашнего дня. Мои сообщения о создании в Нижнем Новгороде гражданской милиции, о боевых сормовских дружинах, о вооруженном отпоре черной сотне, об учебной летней стрельбе сормовских рабочих в Дарьинской роще, о широкой агитации сормовичей по деревням, об охране ораторов на городских митингах воспринимались Владимиром Ильичем с пол-

ным одобрением. Алексей Максимович жил революцией, и его сообщения о Москве, о вооружении рабочих шли в том же направлении. И уезжали мы в Москву после заседания с отчетливым сознанием неизбежности дальнейшего хода событий и нашей работы в направлении к вооруженному восстанию.

Ставились на заседании вопросы литературного порядка, к которым прямое и непосредственное отношение имел Алексей Максимович. Прежде всего Владимиром Ильичем был резко поставлен вопрос о ликвидации поэта Минского как члена редакции «Новой жизни».

— «Новая жизнь» — партийный орган, и в нем не место, тем более в руководящем центре, людям, не имеющим к партии никакого отношения.

Владимир Ильич предлагал идти на всякие жертвы денежного порядка, вытекающие из договорных отношений возникновения газеты как органа легальной печати. «Теперь такое положение нетерпимо...» Горький с полным одобрением отнесся к предложению Ленина...

Я не знаю, встречались ли Ленин и Горький в России после того ноябрьского заседания 1905 года, о котором я говорил выше. Думаю, что нет. В Москве не было Горького, когда приезжал туда в начале 1906 года Ленин. Не приходилось слышать и о том, чтобы виделись они в Финляндии, когда Владимир Ильич жил в Куоккале. Тесные дружеские отношения между Лениным и Горьким установились действительно только уже в дни перед V съездом и на самом съезде. Но для Владимира Ильича, начиная с 1905 года, Горький был вполне своим человеком, близким и дорогим партии. И во время «осадного положения», созданного для партии победой меньшевиков на IV, Стокгольмском, съез-

де, для всех партийцев не подлежало сомнению, что М. Горький примыкает к партии как большевик.

Не помню, от кого, — возможно и от меня, — шла инициатива приглашения М. Горького на съезд. Но со стороны Владимира Ильича эта мысль встретила самое горячее одобрение. В большевистском центре, продолжавшем свое существование и в промежуток между объединительным и V съездом, решение о приглашении Горького на съезд было принято без всяких возражений. Проведено оно было и через ЦК партии, большинство в котором принадлежало меньшевикам; большевиков в его составе было только трое: Л. Б. Красин, А. А. Богданов и я; большевиком Ф. Э. Дзержинским была представлена польская социал-демократическая партия, к большевикам в большинстве случаев примыкал и представитель латышской социал-демократической партии. Едва ли кто-либо из меньшевиков, членов ЦК, возражал против приглашения писателя, крепко связавшего себя с пролетариатом и пользовавшегося громадной популярностью среди рабочих-партийцев, независимо от принадлежности их к той или другой фракции. Разумеется, меньшевикам было вполне ясно, что Горький на съезде будет гостем большевиков. Его большевистские симпатии и связи были хорошо известны меньшевикам. Недаром Г. В. Плеханов на съезде в Лондоне попросил меня познакомить его с Горьким в следующей недвусмысленной форме: «Познакомьте же меня наконец с *вашим* Горьким», причем слово «вашим» Георгием Валентиновичем было резко подчеркнуто.

Мне было предложено товарищами проехать на Капри, где тогда жил Алексей Максимович, пригласить его на съезд и приехать с ним вместе в Копенгаген. Алексей Максимович так и решил — ехать немедленно,

но он заболел, а мне необходимо было торопиться в Копенгаген к приему товарищей, уже выехавших из разных концов России на съезд.

Как известно, съезд состоялся не в Копенгагене, а в Лондоне. В Копенгаген съехались уже почти все делегаты. Приехал в Копенгаген и Владимир Ильич, приехал Плеханов. На другой день предполагалось открытие. Владимир Ильич договорился со мной идти вместе в музей.

— Только уйдем потихоньку, чтобы нас не заметили, — на ухо ставил он условие. — А в какой музей, это уже ваше дело...

Почему Владимир Ильич считал меня таким знатоком искусства Дании и ее музеев, для меня осталось тайной.

Но не удалось Ильичу посмотреть работы Торвальдсена. Представитель датской социал-демократической партии Ганзен сообщил нам, что делегаты должны немедленно покинуть Данию, так как датское правительство не может разрешить съезд на территории королевства. Отказ от гостеприимства, которое заблаговременно было согласовано социал-демократией Дании с ее властями, последовал под давлением царского правительства. В случае неподчинения распоряжению о немедленном выезде из страны датское правительство, любезно разъяснил нам Ганзен, немедленно вышлет делегатов съезда на родину, в Россию. Когда мы указали, что у Дании нет общей с Россией сухопутной границы, нам напомнили, что мы забываем о Балтийском море. Решили перебраться в Лондон. Г. В. Плеханов настаивал на Париже, ссылаясь на свои парижские «связи». Но, очевидно, его телеграфные сношения с французскими буржуазными радикалами и социалистами, «друзьями» царской России, дали отрицательные результаты.

И громадному по количеству участников съезду пришлось с значительными, не предвиденными ранее денежными издержками переехать в Лондон. Вот тогда-то, между прочим, впервые русские социал-демократы путешествовали по Западной Европе в «пломбированных вагонах», так как датское правительство потребовало, чтобы делегаты до того портового города, где должна была иметь место посадка на пароход, ехали в запертых вагонах, чтобы у них не было общения с местным населением.

Мы с Владимиром Ильичем, вдвоем, поехали в Берлин, хотя проезд делегатов через Германию датским правительством был категорически воспрещен, возможно, в результате соответственного дружеского сообщения из столицы Пруссии. М. Горький вместе с М. Ф. Андреевой к этому времени уже приехал в Берлин. Несколько дней, проведенных в Берлине, очень сблизили Горького и Ленина. Неоднократно встречались они по вечерам. Вместе были в Тиргартене, ходили по театрам. В одном из театров, — не помню, в каком, попали мы на спектакль, в состав которого входили и балетные номера. Сидели мы в первых рядах партера. На громадной сцене выстроился целый батальон девиц, которые под музыку раскрывали цветные зонтики, тыкали ими в направлении зрительного зала и не очень стройно задирали ноги выше головы. Девиц было больше сотни, красотой особой они не отличались; их танец больше похож был на упражнение прусских новобранцев в гусиной шагистике, чем на служение высокому искусству. Владимир Ильич заметил:

— Казармой прусской пахнет: русские цари это дело куда лучше понимают, да и денег мужицких не жалеют... Дворянская монархия щедрее на искусство, чем буржуазная...

После спектакля мы поняли, почему несчастные балерины действовали на зрителей только своей численностью да головокружительным задирием ног, а не мастерством. Едва ли не все «балерины», в костюмах показной и крикливой жалкой роскоши, выйдя из театра после своего номера, длинной цепью выстроились на тротуаре, робко прижимались к стене зданий и упорно ждали клиентов. Оказалось, что балерины были набраны на сдельную работу преимущественно из приказчиц магазинов Вертгейма. Здесь, на панели, они продавали себя, так как нищенское жалование, получаемое ими в магазине, вместе и с дополнительным заработком в театре не давало им возможности прокормиться и прилично одеваться, как того требовали условия работы в магазине. Выступления жалких балерин на сцене за дешевую плату были для них прежде всего, да, пожалуй, и только, рекламой, ставившей их на какую-то большую высоту по сравнению с уличными проститутками.

Помню также наше совместное свидание с Каутским в летнем саду при каком-то ресторане. Свидание организовала Роза Люксембург, которую мы с Владимиром Ильичем посетили предварительно. Свидание с Каутским Владимир Ильич считал необходимым и полезным, так как Каутский в это время проявил некоторую способность к правильному пониманию движущих сил русской революции. Владимир Ильич и пытался закрепить Каутского в его настроениях, ослабив тем позиции меньшевиков в западноевропейской социал-демократии.

Разговор шел через переводчицу. Владимир Ильич, хотя и свободно владел немецким языком, не считал нужным для себя отказаться от услуг переводчицы. Переводчица была М. Ф. Андреева; пыталась выступить

в этой роли и Роза Люксембург, но у нее это совсем не выходило. Она не столько переводила, сколько комментировала сказанное кем-либо из собеседников, и часто, вместо того чтобы точно передать смысл речи Каутского, она вступала с ним в оживленный шуточный спор. Своеобразное выполнение функций переводчика Розой Люксембург нередко вызывало дружный смех и вносило оживление в довольно сдержанное общество в первый раз встретившихся людей.

Владимир Ильич четко формулировал каждую свою мысль и внимательно следил за точностью перевода. Но Мария Федоровна, свободно владевшая рядом европейских языков, была великолепной переводчицей и затруднялась только тогда, когда собеседники употребляли те или иные специальные научные термины, тогда ей дружно помогали.

Предполагалась новая встреча с Каутским, но она не состоялась, потому что и первая носила слишком «семейный» характер и по своим результатам не представляла для Владимира Ильича особой ценности. Каутский, похожий тогда по внешности, да и по манере речи, на русского интеллигента, либерального земца или профессора, внимательно присматривался к Ленину и по существу уклонялся от серьезного разговора на политические темы. Он явился на свидание вместе с женой, и они больше обращали внимание на Горького и Марию Федоровну, на знаменитого писателя и талантливую артистку, чем на товарищей из родственной, но все же не своей социал-демократической партии.

Для выхолащенных бюрократов-чиновников из ЦК германской социал-демократической партии русская революция была совсем далеким и прежде всего беспоконным делом. Для них на первом плане стоял подсчет

голосов на выборах в рейхстаг да рост партийной кассы и фондов профессиональных союзов. От своих русских «товарищей» они прежде всего ожидали покушения на эти драгоценные фонды и всячески старались застраховаться от них. И при свиданиях с русскими товарищами они были корректны и лояльны до неприличия, до прусской грубости. Каутский был неизмеримо культурнее их. Но и Каутский в беседе с нами оставался прежде всего «европейцем». Роза Люксембург прекрасно понимала это. Она не щадила своего друга «Карла» и громко расхохоталась, когда Владимир Ильич выразил ей свое недоумение по поводу того, что Каутский при прощании обратил такое серьезное внимание на формы обмена визитами и на возможности повторения такой беседы. «Плохо еще вы знаете наших европейских товарищей», — поспешила она разъяснить нам свой неожиданный смех.

В Лондон мы ехали вместе, вчетвером в одном вагоне и на одном пароходе через Ламанш. Владимир Ильич не отрывался от окна, когда проезжали промышленные районы Германии. «Немецкому пролетариату нужна более революционная партия, чем нынешняя германская социал-демократия с ее Vorstand'ом (ЦК партии) чиновников», — говорил он, показывая на сплошные линии огней фабрик и заводов.

Берлинские встречи, общение в пути сильно сблизили Владимира Ильича и Алексея Максимовича. Обучили даже доброй Владимира Ильича карточной игре в «тетку», за которой на Капри нередко отдыхал Горький. Эта игра — винт наизнанку, в которой нужно не набирать взятки, а, наоборот, брать их как можно меньше, — забавляла Владимира Ильича. Он весело потирал руки, шутил, награждая Алексея Максимовича и его партнера взятками, ворчал при неудаче на своего парт-

нера, а Алексей Максимович, относящийся весьма серьезно ко всякой игре, даже в «подкидные дураки», — с комической деловитостью отмалчивался.

В Лондоне М. Горький жил особняком от остальных участников съезда, в большой гостинице в центре города; остальные делегаты разместились на окраинах, поблизости от той церкви, в которой происходили заседания. Алексей Максимович хотел устроиться поближе к съезду, но Ленин настоял, чтобы Горький жил в хороших квартирных условиях. Мы втроем занимали в гостинице две смежные комнаты — одну большую, в которой жили Алексей Максимович и Мария Федоровна, и маленькую, мою, которая в то же время была и нашей столовой и приемной. Владимир Ильич проявлял большое внимание к устройству Горького, заботился о его здоровье. Прямо с вокзала он вместе с нами отправился искать помещение для Горького. Алексей Максимович рассказывает, что Владимир Ильич даже простыни его постели осматривал. И это верно, только делал это Владимир Ильич не однократно, а в ряде гостиниц, которые мы обошли. «Может быть, они сырое белье положили?..» Его особенно поразило то, что в одной из окраинных гостиниц мы даже клопов в постели усмотрели. «Клопы в культурнейшей Англии?» — недоумевал, и даже как бы с некоторым злорадством, Владимир Ильич.

В. И. Ленин неоднократно говорил мне: «Не нужно, чтобы Горький все время торчал на съезде. Устанет он, не выдержит нашей дискуссии!.. Пусть побольше в кулуарах побудет, с рабочими поближе познакомится. Ему полезно это. И воздух в зале скверный...»

А воздух в церкви иногда был действительно тяжелый. На одном из заседаний что-то случилось неладное с трубами газового освещения. Воздух был отравлен,

два-три делегата — почему-то все меньшевики — даже потеряли сознание и были извлечены из зала. А заседание все же продолжалось. И Горький искренне недоумевал: «Дохнут, дьяволы, а спорят...»

М. Горький был исправнейшим посетителем почти всех длительных и утомительных заседаний съезда. Каждый день утром везла нас неуклюжая закрытая карета по улицам Лондона к окраинной церкви. Горькому, по состоянию его легких, тяжело было опускаться и подниматься в люки подземки и ехать особенно по тем ее участкам, где подземный туннель был забит удушающим угольным дымом паровиков: не на всех еще линиях применялась электрическая энергия. Первое время архаическая, диккенсовских времен, карета производила сильное впечатление на делегатов, особенно на меньшевиков, но потом к ней привыкли.

Часами Горький простаивал в церкви, прислонившись к колонне.

Внимательно присматривался к необычной и для него публике, своим пребыванием превратившей скромную церковь лондонского захолустья в историческое здание. Съезд был многолюдный. На нем был собран цвет интеллектуальных и организаторских сил революционного пролетариата России. Здесь была представлена вся страна, пролетариат многочисленных ее национальностей. Большевицкая фракция по своему составу резко отличалась от меньшевицкой: в громадном большинстве своем она была рабочей. Для Горького это было особенно убедительно и важно. Он видел, чувствовал, что рабочий класс России гигантски вырос, в свои руки взял дело своего освобождения, что ему не страшны неизбежные еще потери, тяжелые поражения. Вместе с товарищами по фракции он верил, что окончательная победа рабочего класса — только вопрос

времени, видел, что под руководством железной большевистской когорты он решительно стал на тот путь, который приведет к конечной победе пролетариата во всем мире.

Рабочие делегаты с Урала, из Иваново-Вознесенского района, с Кавказа, из Питера и Москвы, с юга России и из Сибири давали Горькому как художнику богатейший материал для наблюдений. Во время перерывов, во время холодных завтраков и обедов в помещении съезда он завязал знакомства, превратившиеся потом в дружеские отношения. С рядом рабочих эти отношения закрепились и во время лекций по русской литературе, которые в воскресные дни Горький читал для желающих съездовцев в Гайд-парке.

На Горького и на Владимира Ильича сильное впечатление произвело мое сообщение, что в первую ночь по приезде в Лондон несколько делегатов, рабочие, оказались переночевать в тех помещениях, куда впопыхах пытались засунуть их бундовцы, взявшие на себя обязанность размещения товарищей. В частности, целую ночь пробродили по улицам Лондона несколько человек из той группы делегатов, которым был отведен ночлег на конвейерных койках рабочего ночлежного дома, предоставленного к услугам съезда муниципальным управлением одного из округов Лондона. Я только что вернулся из этого ночлежного дома, куда меня вытребовали товарищи. Рабочих смутили пятнистые, грубые простыни на двухэтажных нарах, не смененные после ряда ночлежников, сложные, не особенно приятные запахи, грязь на полу, на длинных невымытых столах.

— А это здорово, — говорил, потирая руки, Владимир Ильич. — Выросли культурные потребности... Вот вам Европа, — встретили варваров товарищи англичане: привыкли русские к грязи, для них все хорошо... — Ему

сочувственно вторил Горький. — А всех этих бродяг собрали, не растерялись они, шатаясь ночью по улицам незнакомого города? — вдруг забеспокоился Владимир Ильич.

От напряженных страстных дискуссий на съезде у Горького нередко голова кругом шла. Не во всем он разбирался, пытались меньшевики и его втянуть в распри фракционного, склочного порядка, делая «ехидные» запросы о судьбе тех или иных денежных сумм, которые от него или через него якобы должны были поступить в «единую» кассу единой партии, а оказывались на самом деле в распоряжении несменяемого финансиста большевиков — Никитича (Л. Б. Красина).

Не удивительно, что Горький к Лондонскому съезду отнес начало своего сближения с Лениным. Именно здесь он увидел Ленина как пламенного революционера, блестящего и глубокого мыслителя, любимого вождя партии, прекрасного оратора. Изумительное самообладание Владимира Ильича, его манера речи, обращение с товарищами произвели сильное впечатление на Горького. Его поражало умение Ленина в самое короткое время, ему предоставленное, полно и ясно развить свою мысль.

В обстановке непрерывной дискуссии на съезде часто предлагалось сокращение времени для выступления по поводу порядка голосования или других формальных вопросов. Сплошь и рядом та или иная постановка формального вопроса в известной мере влияла и на решение вопроса принципиального, давая дискуссии направление, желательное только для одной стороны. Владимир Ильич в редких случаях протестовал против сокращения времени для подобных выступлений. За пять минут в своей неторопливой как будто речи он успевал сказать все то, что было нужно. Мало того, — погляды-

вая на часы, он нередко заканчивал свое выступление в точно отведенное ему время такой фразой, которая выводила из равновесия Мартова и других меньшевистских лидеров.

Волнуясь, подбегал к кафедре Мартов, начинал пламенным, путанным выступлением, в котором обещал раскрыть всю «гнусность» большевистской постановки вопроса, изгибался на кафедре, почти ложился на нее и с детским недоумением воспринимал звонок председателя и предупреждение: ваше время истекает, в вашем распоряжении одна минута... «Но я же ничего еще не сказал!.. Председатель пожимал плечами, и бедный Мартов возмущенно сходил с кафедры, не закончив речи, или же пытался шумно не подчиняться распоряжению председателя. Не умели использовать время и другие меньшевистские лидеры, кроме Плеханова. Даже Ф. Дан, величайший мастер на мелкие каверзы, единственный из видных социал-демократов, бравший в 1905 году уроки адвокатского, ораторского красноречия, — готовился, бедняга, к парламентской карьере, — даже и он в свои пять минут успевал только по законам формальной логики расщепить объем и содержание вопроса и наметить план своего изложения. Но для этого красноречивого изложения и у него обычно не оставалось времени.

Алексея Максимовича да и всех нас, большевиков, сковывала сдержанная страстность, величайшая волевая напряженность речи Ильича. Неумолимая логичность его мысли прямыми путями вела к намеченной цели, и длительную речь Ильича по принципиальному вопросу, речь простую по построению и изложению, без всяких словесных украшений, без приемов искусственного возбуждения внимания, мы воспринимали как законченное художественное произведение.

В речах Ленина выковывался стиль великой революции. Стиль речи простой и ясной, стиль мощной, внешне сдержанной революционной страстности, величайшей насыщенности мыслью, стиль речи беспощадной ко всякой лжи, к полуистине, к революционной фразе. И никакой ораторской позы, никакой игры голосом. Редкий властный, призывный выпад правой рукой, устремление всем корпусом к аудитории. Всегда уверенность в каждом слове, всегда четкое чтение фразы, — и негромкая картавящая речь металлическим звоном вся, до последнего звука, входила в уши сидящих в самом дальнем углу аудитории. Простота и ясность изложения, богатство мысли, спокойная властность тона речей Ильича захватывали внимание и меньшевиков-рабочих, даже в случаях выступления его по наиболее спорным вопросам.

И лидерам меньшевиков приходилось потом на фракционных заседаниях наставлять на путь истины дрогнувших делегатов.

В сравнении с речью Ильича речь Мартова, в минуты подъема великолепного оратора, была гораздо эмоциональнее, дышала возбуждением и страстью. Он вызывал в аудитории бурю возмущения и восторгов. Его речи сопровождалась криками одобрения и протеста. Под крики еще более возбуждался Мартов, возвышался до пафоса, но в патетических фразах тухла логика, изложение дробилось на мелочи, уводило аудиторию в сторону от основной темы. Голос у Мартова нередко срывался. Мартов мучительно жестикулировал, нащупывая нужные выражения, и часто кончал свою речь истерически, нелепой формулировкой неожиданного обвинения, оскорбления противника. Его истерика не всегда была вразумительна даже для единомышленников; потеря равновесия часто давала благоприятный ма-

териал для принципиальной полемики с ним по существу вопроса.

Ленин на кафедре — народный трибун, политический вождь и учитель масс, настойчивый, внимательный и терпеливый, ибо эти массы он призывал к великому делу, к революции. Мартов — превосходный клубный оратор, избалованный своей аудиторией; он любил ключие реплики, любил возбужденную, шумную атмосферу собраний, которые проходили на нервах ораторов и слушателей и не требовали делового завершения. Мартову на съезде неоднократно бешено аплодировали, иронически аплодировали и противники, иногда даже Ильич, высоко ценивший прежнего, революционного Мартова. Но у многих нередко после его речи возникал вопрос: а что же, собственно, хотел он сказать?..

Революция 1905 года выработала суровый, полный мощного пафоса стиль ораторской речи. Этот стиль был стилем с ведущим значением содержания. Революционный пафос слова шел от фактов действительности, от напряженности борьбы, от спокойного героизма масс. Приемы внешней искусственной красоты речи воспринимались участниками революции как ненужные, даже оскорбительные для дела революции, которой люди отдавали свою жизнь.

Школа большевистского ораторского искусства шла от простоты и железной логики речей Ленина, от его нестигаемой революционной воли; в ленинской школе получили выучку и ораторы партии, деятели революции 1917 года, строители социализма в наши дни...

В. Десницкий.
А. М. Горький.
М., Госполитиздат, 1959,
стр. 183—207.

И. Д. ЧУГУРИН

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

В 1911 г. в мае месяце я был отправлен Сормовской партийной организацией в школу, которая была создана Центральным Комитетом РСДРП (Ленинская) во Франции в местечке Лонжюмо. Я знал заранее, что преподавать будет мне товарищ Ленин. Чувство радости обуяло меня и в то же время вкралась тревога. Под силу ли мне будет освоить, что будут преподавать в школе? Подготовлен ли я к восприятию? Не зря ли будут затрачены средства на мою поездку? Сомнения мои росли, когда я подъезжал к границе. В школе преподавать будет Ильич. Ильич — вождь передового авангарда рабочего класса. Он знает, что нужно сделать рабочему классу, чтобы освободиться от гнета капитала.

Прибыв по явке в Париж, я тут же стал расспрашивать товарища, когда я увижу Ильича, где он живет, какой он — строгий, как он примет. Товарищ меня успокаивал, что Ильич очень внимательный товарищ и все мои страхи рассеются, как только я встречу его. На другой день я отправился на квартиру к Ильичу. Со страхом переступил я порог. Встретила нас Надежда Константиновна. Я сказал, что приехал из России учить-

сы в школе. Ильич только что встал и умывался. Не выдержав, пока он умоется, Надежда Константиновна воскликнула: «Ильич! Гость есть из России». Он ответил, что сейчас выйдет, и я уже по его мягкому голосу почувствовал, что бояться нечего, и волнения мои постепенно улеглись. Я стал осматривать квартиру: маленькую кухню с газовой плитой, где едва могут поместиться два человека, и несколько большую столовую. В столовой было четыре стула. На столе лежали газеты: французские, английские и немецкие; шкаф, наполненный книгами, и небольшая этажерка, а дальше спальня. Вся скромная обстановка импонировала мне. Ильич, выйдя с перевешенным полотенцем на шее, сказал мне немного картавя: «Здравствуйте, товарищ. Откуда вы, как приехали? Какие приключения были в дороге?». Все эти вопросы сразу расположили меня к Ильичу. Дальше он расспрашивал меня, когда я вступил в партию, сколько просидел в тюрьмах, а сам незаметно подвигал мне чай, хлеб и предложил покушать. За чаем мы продолжали разговор. Я незаметно рассказал все, что хотел рассказать о жизни России, на много вопросов ответил Ильичу. Его интересовало, как ведут себя легалисты и меньшевики в клубах и в просветительных обществах. Какой приток рабочих на учебу, и как эти общества использовались для вербовки рабочих в партию и распространения идей революционного марксизма. Ильич предложил мне обязательно написать все это в рабочую газету, отметив, что это очень важно, и тут же сказал Надежде Константиновне: «Отбери этот материал, он очень ценный, мы покажем им, меньшевикам, как они предают интересы рабочего класса».

Закончив разговор, он сказал, что сегодня в два часа приедет в наше общежитие, что там он проведет предварительное занятие, и предложил моему товарищу на-

править меня в общежитие. Выйдя из квартиры, я тут же поделился с товарищем своим впечатлением о том, какой Ильич и как легко с ним разговаривать. Я думал, что Ильич высокий, полный и очень на вид серьезный, а он по виду совсем простой человек.

Владимир Ильич приехал в школу с прибывшими товарищами и разбирал «Коммунистический Манифест» К. Маркса. Мы быстро все уселись вокруг него. Он стал читать и, прочитав несколько строк, задавал вопросы. По ответу одного спрашивал другого — верно ли ответил товарищ и, внося те или другие поправки, продолжал занятия дальше. Занимался он с нами не больше двух часов. По окончании занятий он справлялся, как мы провели день, куда ходили, давал нам советы, куда следует еще сходить, чтобы лучше использовать день, и тут же уезжал, говоря, что он сильно занят.

Прибыло несколько новых товарищей, и нас перевели в Лонжюмо, где начались наши регулярные занятия. Ильич к нам переехал жить в Лонжюмо. Он ежедневно приходил в 10 часов утра в школу, где мы его все ждали (это был сарай во дворе одного французского крестьянина, у которого мы и столовались вместе с Ильичем). Садясь за небольшой стол, он брал «Капитал» и по нему вел занятия. Читая, разбирал прочитанные цитаты, рассказывал все так кратко, ясно и понятно, лучше и не расскажешь. Поэтому такой метод занятий он считал самым экономным по времени. На занятия он являлся аккуратно. Время его работы у него было рассчитано. В 12 часов все мы обедали, и он уходил домой. По «Капиталу» он прочитал нам 29 лекций*. Ве-

* В. И. Ленин прочитал в школе курс лекций по политической экономии (30 лекций), по аграрному вопросу (10 лекций), по теории и практике социализма (5 лекций). — *Ред.*

чером в 7 часов все вместе ужинали, а после ужина Ильич шел с нами купаться или же, выбирая кого-либо из нас, уходил на прогулку. Мы стали получать письма из России. Ильич, узнавая новости, всегда просил прочесть ему эти места и если он узнавал какие-либо неприятности, полученные товарищами, всегда старался успокоить и ободрить. В воскресные дни иногда мы делали прогулки по Лонжюмо вместе с Ильичем. Вместе с ним ездили на Сену купаться. Выкупавшись, собирались в леске позавтракать, после этого запевали русские песни. Он очень любил «Утес Стеньки Разина» и другие волжские песни. Мы на это все обратили внимание. В этих песнях — ширь, задор и мощь. Эти песни были ему по душе. А петь мы умели. Собравшись вокруг нас, французы слушали наши песни с большим вниманием. Ильич объяснял французам содержание наших песен. Сам петь он не умел, но хорошо управлял хором.

В школе мы занимались с большим вниманием. Ильич был нашим любимцем из всех преподавателей. Он очень ясно излагал темы своих бесед, знал, у кого из нас какие имеются знания в учебе, как мы усваиваем излагаемые темы.

Большинство учеников все усваивали и учились хорошо. Это его радовало, и он очень тяжело переживал за одного ученика-текстильщика, который был совершенно малограмотен и слабо развит.

Он сам и Надежда Константиновна очень много времени уделяли ему, но результаты были небольшие. На уроках Ильич любил иногда подшутить над нами. Любил он слушать, когда среди учеников поднимался спор по проходимой теме.

Горячим и вспыльчивым спорщиком был товарищ Орджоникидзе. Во время таких споров все так увлека-

лись, что нам приходилось напоминать Ильичу, что можно приступить к дальнейшей теме урока.

По окончании учебы был устроен прощальный вечер. Сидели все в школе и вели разговоры, как возвратимся опять на работу, где и когда встретимся, в далекой ли ссылке или в тюрьме, а может быть, и на каторге. Каждый брал слово, говорил, что школа дала ему многое, что он полученные знания отдаст на борьбу за дело рабочего класса, за освобождение от ига царского правительства и капитала. Ильич взял слово последним. Говорил он долго, предвещая, что революция в России будет в скором времени. Если в 1905 г. крестьянство поддержало нас слабо, то в будущем оно будет с нами, так как ни царское правительство, ни Дума крестьянского вопроса не разрешили и они разрешить его не могут, а разрешить его может только русская революция, во главе которой пойдет рабочий класс под руководством нашей партии.

Во второй раз я встретился с Ильичем в 1917 г. на Финляндском вокзале, когда он приехал в Россию, где я его встречал как секретарь Выборгского района. Прошло шесть лет, как мы с ним не встречались. Он сразу меня узнал, крепко пожал руку, обняв, спросил: «Выставленный караул наш?» Я ответил: «Все вооруженные наши, а за вокзалом и броневик наш». Он быстро зашагал вперед, войдя в вестибюль. Навстречу ему двинулись меньшевики — Чхеидзе, Церетели и другие. Он прошел мимо них. На улице ожидающий народ подхватил его на руки и поднял на броневик, откуда он произнес речь, заявив, что рабочий класс должен вести борьбу за социалистическую революцию, за союз с крестьянством и направить острие своей борьбы с предателями интересов рабочего класса и углублять революцию.

Работая в Выборгском районе, я очень часто встречался с Владимиром Ильичем. Он всегда интересовался, как идет работа в районе, и всегда давал указания, что делать в ближайшие дни и как следует набирать темпы революции.

В 1918 г. Ильич написал письмо нам в район, предлагая, чтобы под моим руководством выехал отряд по обмену товаров на хлеб у крестьян. Быстро организовав 50 человек, мы выехали в Москву. В Москве Владимир Ильич в вестибюле гостиницы «Метрополь» созвал нас. Туда же пришел Яков Михайлович Свердлов, и здесь было решено, чтобы мы выехали в Казань, где мы среди крестьян должны были производить обмен товаров на хлеб.

Пробыв в Казани два дня, нашему отряду пришлось отступить, так как Казань захватил чехословацкий легион.

Вернувшись в Москву, я рассказал о всех предательствах командного состава армии и о разложении, которое вносили засевшие и скрывающиеся среди населения эсеры и кадеты. Выслушав меня, Владимир Ильич позвонил по телефону председателю Моссовета, предложив созвать на следующий день Московский Совет для моего выступления с информацией о положении на Восточном фронте.

Через два дня, вызвав меня вновь, Ильич сказал, что я должен со своим отрядом ехать в Свияжск, под Казань, в армию и заняться политработой в армии, а товарищей расставить комиссарами в ротах и полках. (Я был назначен начальником политотдела V армии).

После взятия нами Уфы у белых, я срочно выехал в Петроград с продовольственным поездом. По приезде в Москву зашел в Кремль к Владимиру Ильичу, изложил положение на фронте и рассказал, как члены

Учредительного собрания вели переговоры с нами о переводе своих войск из армии Колчака к нам и наши разногласия по этому вопросу. Владимир Ильич сказал, что я и другие товарищи заняли правильную линию. Кто отходил от Колчака в данный момент, тот ослаблял силы Колчака и создавал возможность нам скорее разбить его.

Сопроводив продовольственный поезд в Петроград и вернувшись обратно, я встретился с Владимиром Ильичем на квартире Свердлова, где Яков Михайлович уже лежал на смертном одре.

Обменявшись несколькими словами, Ильич спросил меня: «Едешь на фронт?» — «Не знаю, что скажет ЦК — посмотрим». Через два дня меня назначили членом Коллегии ВЧК.

На дежурстве в одно из воскресений мне сообщили, что Владимир Ильич едет на собрание. Я немедленно поехал в Кремль и стал ожидать Ильича. Когда он вышел, то спросил, занят ли я чем-нибудь. Я ответил, что нет. «Поедем со мной», — сказал он. Я поехал с ним в полк, который мы отправляли на фронт.

Мы вошли с Ильичем в казарму. Я доложил дежурному, что прибыл Председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин. Дежурный дал команду и рапорт товарищу Ленину. Ильич обратился к дежурному, прося созвать красноармейцев, так как он хочет с ними побеседовать. Пока производился сбор красноармейцев, мы зашли в их клуб, сели на одну из скамеек, на которой сидели два красноармейца. Владимир Ильич спросил их о службе в Красной Армии и об их жизни в деревне. Как только собрались красноармейцы — открылся митинг.

Владимир Ильич говорил о международном положении, о защите Советской власти, о борьбе со всеми вра-

гами, которые нападают на Советскую власть, разъясняя, что такое Советская власть, кому она нужна и кто ее враги.

Владимир Ильич был великий ученый, теоретик марксизма, один из крупнейших теоретиков современной науки и в то же время пламенный борец, блестящий организатор и руководитель широчайших масс трудящихся.

Он великолепно знал законы общественного развития, мастерски владел диалектикой и способностью научного предвидения. На основе учения Маркса и Ленина рабочий класс, крестьянство и весь советский народ под руководством Коммунистической партии идет по пути и к целям, которые были указаны товарищем Лениным.

Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине.
Горьковское книжн. изд., 1960,
стр. 105—114.

М. Г. ПАВЛОВА

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

За несколько дней до Октябрьского вооруженного восстания Владимир Ильич Ленин дважды посетил нашу квартиру в Петрограде по Сердобольской улице, дом 35. Еще с осени 1915 года одна из комнат в квартире находилась в распоряжении Русского бюро ЦК РСДРП(б).

По указанию Владимира Ильича, необходимо было восстановить его после полицейского разгрома, и А. М. Горький рекомендовал посланцу Ленина из-за границы нашу квартиру.

Однажды Владимир Ильич пришел в наше отсутствие к нам в дом. Впустили его дети. Дмитрий Александрович Павлов работал модельщиком под Петроградом, в Колпине, на Ижорском заводе, я — на общественных началах — в домовом распределителе. Вернулась домой с товарищем по работе — Цветковым. Прошли в кухню. Дмитрий Александрович уже приехал из Колпина. Смотрю, сидит за столом незнакомый человек, спиной к двери. Никто не обратил внимания на наш приход, я удивилась. Быстро решили наши деловые вопросы, Цветков ушел.

Дмитрий Александрович встал и, взяв под руку старика, подвел ко мне:

— Узнаешь?

Смотрю.

— Не узнаете?

— Нет.

Дмитрий Александрович настаивает: «Смотри внимательно».

Видя мое смущение, «незнакомец» улыбнулся так, что я сразу узнала Владимира Ильича по сходству с его сестрой Марией Ильиничной Ульяновой, которая неоднократно бывала у нас по делам Русского бюро ЦК. Владимир Ильич был в парике, на лице — темные очки.

— Трудитесь? — спрашивает.

Отвечаю: «Да».

— Как справляетесь с работой?

— Справляюсь, да затирает отчетность.

Все мы, организаторы домового распределителя, были не особенно грамотны.

Смеясь, Владимир Ильич говорит:

— А если мы в помощь вам Рябушинского дадим?

— Хорошо, — отвечаю, тоже смеясь. — Только на счетную работу.

Рябушинский — крупный текстильный фабрикант, на демократическом совещании грозил тогда костлявой рукой голода задушить революцию.

Владимир Ильич и Дмитрий Александрович перешли из кухни в столовую. Я занялась приготовлением чая. На стол поставила мед и масло (привезены из деревни), а из городских продуктов была только конина. Мед Владимир Ильич брал, а от конины отказался, говоря, что сыт. Я просила его есть конину, к тому же она приготовлена хорошо, говорила, что семья поддерживается кониной неплохо.

И вот тут-то нам и стало известно о больших материальных затруднениях Владимира Ильича. Он сказал, что ему и Надежде Константиновне приходилось есть конину и в ссылке (это в богатой-то скотом Сибири!), и в Париже, когда у них было совсем мало денег. Владимир Ильич и Надежда Константиновна готовы были перенести любые лишения, если этого требовали интересы революции, интересы народа.

За столом же Владимир Ильич показал нам удостоверение на имя Константина Петровича Иванова. Продолжалась хорошая, дружеская беседа.

Мы делились с Ильичем своими впечатлениями о Февральской революции, вспомнили свое участие в ней, а также отдельные эпизоды из деятельности Дмитрия Александровича и моей при Русском бюро ЦК РСДРП(б).

В этот вечер Владимир Ильич пробыл у нас довольно долго, явка не состоялась, а, может быть, надо было проверить квартиру, осмотреть выходы: партия доверила нам жизнь вождя.

Уходя, Владимир Ильич пытался надеть шляпу с полями так, чтобы на лицо падала тень, спрашивал меня:

— Хорошо ли?

Дмитрий Александрович в это время вышел на улицу посмотреть, все ли благополучно.

Опасное было время...

Контрразведка Керенского в дикой злобе металась, пытаясь взять Ленина живым или мертвым.

Дмитрий Александрович повел Владимира Ильича огородами — здесь было безопасней, да и места эти менее были доступны шпиикам.

Второй раз Владимир Ильич пришел в наш дом 17—18 октября (ст. стиль), на этот раз в мое отсутствие. Вскоре из Колпина приехал Дмитрий Александрович,

здороваясь с Владимиром Ильичем, сказал, смеясь: «Вы же арестованы или пойманы — не помню, или в Териоках (теперь Зеленогорск), или в Куоккала (Репино)», — и подал газету, где об этом сообщалось.

Думаю, что в то время это было, может быть, и полезное сообщение, поскольку оно могло ослабить рвение шпииков.

Явка в тот вечер состоялась. Присутствовали: Н. И. Подвойский, В. И. Невский, В. А. Антонов-Овсеенко и, кажется, Э. Рахья. Присутствовал и Дмитрий Александрович.

Огромное историческое значение этого совещания широко известно теперь и по воспоминаниям его участников, и по опубликованным исследованиям историков.

В дни работы VIII съезда партии я находилась в Москве по елецким делам.

На съезде мне дали гостевой билет с правом находиться в зале с делегатами.

Дмитрий Александрович пригласил меня на заседание деревенской секции (он был делегатом VIII съезда). Когда мы пришли, Владимир Ильич уже был там. Мое появление вызвало среди членов секции недоумение. Владимир Ильич поздоровался со мной с особой, присущей ему, приветливостью, успокоил делегатов, сказав, что товарищ, мол, работает в деревне. К сожалению, память не сохранила подробностей этой беседы.

Присутствовала на докладах Ленина, слушала отчетный доклад ЦК, доклад о работе в деревне. На закрытие съезда опоздала, нашла группу делегатов-ельчан, уговаривалась с ними о возвращении в Елец. В это время подошла ко мне М. М. Кастиловская и говорит: «Вас требует Ильич». Пока я собиралась пойти, Влади-

мир Ильич подошел сам, поздоровался. Я растерялась, а Владимир Ильич, видимо, желая ободрить меня, тепло спросил: «Помните Сердобольскую улицу?» Ответила: «Помню!..»

Он крепко пожал руку и быстро ушел.

Эта встреча, так же, как и предыдущие, осталась у меня в памяти на всю жизнь. Потом уже, когда умер на фронте Дмитрий Александрович, Мария Ильинична неоднократно справлялась, как я живу. И я глубоко уверена, что Владимир Ильич причастен к этим заботам обо мне.

«Горьковский рабочий»,
1968, 26 февраля.

С победой Великой Октябрьской
социалистической революции
начался новый период
в жизни и деятельности
Владимира Ильича Ленина.
Став у руля
пролетарского государства,
он возглавил борьбу
большевистской партии
и советского народа
за решение исторических задач
диктатуры рабочего класса,
за построение социализма.

В. И. Ленин, Биография.

С. Ф. АВДЕЕВ

ТРИ ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

На заседании Совета Народных Комиссаров

В декабре 1917 г. наш пассажирский пароход «Владимир Радьков-Рожнов» акционерного общества «Самолет» зимовал в затоне Доскино. Я был на нем помощником механика. Нелегко найти слова для того, чтобы рассказать о трудностях, которые пережили тогда речники и их семьи. Два месяца мы не получали заработной платы, есть было нечего. «Правители» акционерного общества саботировали ремонт судов, не отпускали материалов и средств.

Решено было заслушать на общем собрании доклад председателя затонского профсоюзного комитета о том, как быть дальше. Такое собрание состоялось в первых числах января 1918 г. Решение было единодушным: «Просить правительство национализировать все речные суда, пристани, судоремонтные заводы!» На этом же собрании меня избрали председателем затонского комитета, бывшего военного моряка Николая Андреева, помощника механика, — заместителем, второго помощника

капитана Сергея Изабурова — казначеем. По поручению водников я повез выработанный наказ о национализации речного флота в Нижегородский райкомвод.

— Вы, товарищи, не спешите с этим делом, — сказали мне в райкомводе. — Надо посоветоваться с «Центроволгой» (так тогда назывался профессиональный союз рабочих речного транспорта, объединявший речников Волги).

— Как же не спешить, если суда не ремонтируются, если народ голодает? — возражал я.

В общем, по нашему требованию руководители «Центроволги» связались с Петроградом, высказали наше мнение. Оттуда ответили: «Посылайте делегацию с наказом». В числе делегатов был и я.

В середине января мы были у наркома труда Шляпникова, выступавшего не раз против ленинской линии нашей партии. Не очень ласково встретил он нас и выставил против национализации флота десятки возражений.

Мы решили не отступить, и по решению ЦК профсоюза моряков и речников наше предложение и проект решения правительства были представлены на рассмотрение Совета Народных Комиссаров.

С большим волнением ожидали мы этого заседания, тем более что надеялись увидеть там Владимира Ильича Ленина. Заседание было назначено что-то часов на десять утра 17 (30) января. Мы, конечно, приехали в Смольный раньше.

Секретарь Ленина — Лидия Александровна Фотиева — любезно предложила нам присесть, дала свежие газеты, а сама пошла в зал заседаний и сообщила Владимиру Ильичу о нашем приходе. В приемной перед залом заседаний мы уже перестали говорить о своих делах и с нетерпением ждали приглашения.

В. И. Ленин в рабочем кабинете. 1918 г.

Вот выходит в приемную управляющий делами Совета Народных Комиссаров Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич и приглашает нас в зал. Я уже с трудом припоминаю обстановку этого зала. Помню только большой стол, за которым сидели члены правительства, родной и близкий каждому из нас — Владимир Ильич.

Коротким и взволнованным был доклад члена ЦК профсоюза моряков и речников, бывшего моряка Игната Сергеева.

Я не отрывал взгляда от Владимира Ильича. Вот он внимательно посмотрел на Сергеева, как бы изучая его лицо, стараясь проникнуть в душу этого человека, ходатая за десятки тысяч моряков и речников. Затем Ильич, слегка наклонив голову, карандашом делает пометки в лежащем перед ним блокноте.

После доклада Сергеева выступил Шляпников. Он категорически возражал против национализации флота. Его доводы сводились к тому, что, мол, имеется масса судов, по одному, по два принадлежащих частникам, которые умеют их разумно эксплуатировать, и что, если флот национализировать, то мы не справимся с этим сложным хозяйством. Шляпников предлагал укрупнить акционерные общества, создать пароходства, поставив во главе их бывших судовладельцев и политических комиссаров, обязать пароходства давать государству прибыль.

— А как вы думаете, товарищи? — обращается к нам Владимир Ильич.

Я попросил слова и рассказал правительству о наших нуждах, о том, как акционерные общества голодом хотят задушить речников, как суда буквально гибнут из-за того, что нет материалов для их ремонта.

Владимир Ильич заявил тогда, что он согласен с мнениями и предложениями с мест о национализации флота.

Это предложение высказывали речники Камы, Астрахани, Костромы, Херсона и других крупных приречных городов и затонов. На этом памятном заседании по предложению Ленина была принята резолюция о необходимости срочного проведения национализации флота. На этом же заседании Владимир Ильич затронул и такой немаловажный вопрос, как объединение водников в профессиональные союзы. Дело в том, что тогда существовало много обособленных друг от друга профессиональных организаций речников и моряков.

— А не объединиться ли вам? — как бы задавая вопрос и в то же время советуя, спрашивает Ленин.

— Очень правильный совет даете вы, Владимир Ильич, — сказал кто-то из нашей делегации.

В резолюцию был включен пункт о необходимости в ближайшее время произвести объединение различных профсоюзов водников.

Уходили мы из Смольного окрыленные поддержкой вождя. Всю дорогу только и говорили об Ильиче.

Сила большевиков в связи с народом

Дня через два после принятия декрета о национализации флота меня пригласили в ВСНХ, и там я получил назначение комиссаром акционерного общества «Самолет». В ВСНХ мне сказали, что встретят меня служащие судоходной организации, конечно, не с распростертыми объятиями, но надо быть твердым.

С плетеной корзиночкой, в которую жена положила пару белья да сухарей, во френче, сшитом из флотской шинели, я пошел в управление общества «Самолет», находившееся в красивом особняке на Невском, недалеко от Московского вокзала.

Я, видимо, не произвел впечатления на швейцара, одетого в пальто с золотыми позументами.

Попросил доложить, что хочу видеть правителя дел общества (ему из ВСНХ уже сообщили о моем назначении).

— Когда они выйдут из кабинета, тогда и доложу, — заявил швейцар.

В это время мимо проходил Павлов, и швейцар кивком показал мне его.

— Я Авдеев, товарищ Павлов, — негромко сказал я.

— Здравствуйте, товарищ комиссар, — обрадованно произнес Павлов.

Надо было видеть, с каким проворством бросился после слов Павлова ко мне швейцар!

Николай Николаевич Павлов пригласил меня в кабинет и тут же составил проект приказа о моем назначении на должность комиссара. Затем он провел меня по комнатам и познакомил со служащими. Нет, не видел я дружелюбных взглядов.

На следующий день на работу вышло пять-шесть человек, включая меня и Павлова. Оказывается, в день обнародования декрета о национализации флота один из директоров общества — князь Радьков-Рожнов — заявил служащим:

— Как вы думаете, сколько продержатся большевики? Не больше месяца. Получайте жалованье за три месяца вперед и не выходите на работу, пока большевики не полетят вверх тормашками.

В феврале на съезде профсоюза водников, делегатом которого был и я, в перерыв в столовой я познакомился с Марком Тимофеевичем Елизаровым, занимавшимся тогда в Совнаркоме транспортными делами, и с комиссаром по делам печати, пропаганды и агитации Моисеем Марковичем Володарским.

Я показал им письма с Волги, в которых наши речники жаловались на саботаж бывших судовладельцев.

В Н. Новгороде, например, судовладельцы и их припешники подожгли канавинские склады с хлопком, утопили у Сибирской пристани баржу с железом, спрятали и расхитили необходимые для судоремонта материалы.

В Самаре, Саратове, Астрахани рабочим судоремонтных предприятий не выплачивали зарплату. Нужны были деньги.

— А вы бы, товарищ Авдеев, обратились за помощью к Ленину, — посоветовал мне Марк Тимофеевич Елизаров. — Я, пожалуй, похлопочу, чтобы вас принял Владимир Ильич. Позвоните завтра товарищу Бонч-Бруевичу.

На следующий день я позвонил управляющему делами, и мне сказали, что пропуск заказан и Владимир Ильич меня примет. В приемной Ильича я сидел немного. Из кабинета Ленина вышел военный, и Лидия Александровна Фотиева пригласила меня пройти.

Понятно, с каким волнением переступил я порог кабинета Ильича.

Из-за небольшого стола встает Владимир Ильич и, протягивая на ходу руку, направляется ко мне.

— Здравствуйте, товарищ Авдеев, — говорит Ленин.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, — отвечаю я, а сам чувствую, что от волнения и радости краска заливает лицо.

И я рассказал Ленину о наших нелегких водницких делах, о срыве судоремонта, о голодающих рабочих и их детях, о Радькове-Рожнове и о многом другом.

— Так вы говорите, что князь дает нам срок продержаться у власти не больше месяца? — как-то по-озорному, с лукавинкой в глазах спрашивает Ильич. — Просчитается этот князь, товарищ Авдеев.

Владимир Ильич встал из-за стола, привычным жестом вложил большие пальцы за жилет и, прохаживаясь по кабинету, очень просто и очень убедительно рассказал мне о той большой силе, которая держит большевиков у власти, — о народе.

— Владимир Ильич, очень плохо у нас с деньгами, — говорю я.

— А ваше акционерное общество богатое? — спрашивает Ильич.

— Да что-то около двух миллионов рублей у него в банке, — отвечаю я.

— Ну, а сколько нужно речникам Саратова и Нижнего Новгорода?

— Мы подсчитали, и выходит, что на первый случай нужно 285 тысяч рублей.

— Эту сумму, пожалуй, можно вам выделить.

Владимир Ильич нажал кнопку звонка, и в кабинет вошла Лидия Александровна.

— Пока мы тут с товарищем Авдеевым беседуем, передайте, пожалуйста Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, чтобы он подготовил за моей подписью распоряжение наркому финансов о выдаче товарищу Авдееву 285 тысяч рублей.

— Хорошо, Владимир Ильич, — ответила Лидия Александровна.

— Не забудьте, товарищ Авдеев, прежде всего выдать деньги рабочим и побольше тем, у кого много ребятшек. Дети не должны голодать.

— Обязательно, Владимир Ильич, так обязательно и сделаем.

— Я дам указание товарищу Елизарову, чтобы он оказывал вам помощь. Во что бы то ни стало к весне флот должен быть отремонтирован и суда должны выйти в плавание. Вы ведь знаете, как разрушен у нас

железнодорожный транспорт, и поэтому речникам предстоит большая работа.

К концу нашего разговора распоряжение наркому финансов было готово. Владимир Ильич подписал его и вручил мне.

Прощаясь, Владимир Ильич пожелал здоровья и успеха в работе.

— Какие будут трудности, — не стесняйтесь, звоните, заходите, — сказал на прощание Ильич, встал из-за стола и проводил меня до дверей.

Учиться управлять хозяйством

В конце декабря 1919 г. я приехал в Москву на пленум ЦК профсоюза водников. После одного из заседаний коммунистов — членов ЦК профсоюза — пригласили в отдельную комнату и сказали, что их просят прийти на очередное заседание Центрального Комитета партии.

Это заседание состоялось в Кремле. Я, как и другие, очень хотел видеть Ильича, посмотреть, как он выглядит после ранения и тяжелой болезни.

В зале заседаний, на той половине, где сидели члены ЦК партии, Ленина не было. Минуты за три-четыре до начала заседания вошел Владимир Ильич и сел на табурете с красноармейцем, стоявшим у небольшой двери, через которую проходили члены ЦК к своим местам.

— Ильич, Ильич пришел, — слышался кругом тихий шепот.

Мы глаз не отводили от Ильича. Вид у него был усталый, видимо, сказалась болезнь.

Обсуждались вопросы о единоначалии, об использовании буржуазных специалистов и др. Владимир Ильич

внимательно слушал выступающих, что-то записывал в блокнот, который держал на коленях. Иногда он вставлял реплики, задавал вопросы и всегда при этом просил извинения у выступающего. На очень убедительных примерах Ильич показал, что мы еще не научились хозяйствовать, что надо умело использовать буржуазных специалистов, учиться у них ведению хозяйственных дел.

Обращаясь к нам, Владимир Ильич просил, чтобы мы у себя на местах разъясняли смысл решения партии об укреплении единоначалия, бережно относились к специалистам, которые работают на Советскую власть.

Его выступление на заседании походило на душевный разговор. Ильич своей ясной речью и железной логикой захватывал слушателей. Доводы его были убедительны и понятны.

Как живой, встает перед глазами Ильич, такой родной, такой близкий...

«Водный транспорт»,
1957, 20 апреля.

В. И. МАЛЫГИН

СОРМОВИЧИ У ЛЕНИНА

Дело было весной 1918 г. Мне пришлось присутствовать на промышленной конференции в Москве. Я тогда работал секретарем райсоюза в Сормове.

После обсуждения ряда вопросов нам сообщили, что в 12 часов дня приедет Ленин и сделает доклад. Помню, время подходило близко к 12 часам. Каждый ощущал какое-то радостное волнение и подъем. Ровно в 12 часов появился Владимир Ильич Ленин.

Его речь настолько была проста, ясна и убедительна, что глубоко проникла в сознание каждого. Вопрос был ясен: на саботаж предпринимателей мы должны ответить национализацией фабрик и заводов. Взять управление предприятиями в свои руки, в руки рабочего класса.

На другой день мы, сормовичи, были приняты Владимиром Ильичем. Вспоминаю: небольшой кабинет скромно обставлен мебелью, посередине большой стол, стулья. Как только мы переступили порог, Ильич тепло встретил нас, пожал каждому руку, пригласил сесть. Мы, в количестве девяти человек, расселись вокруг стола.

Когда мы изложили свои мнения о том, что надо национализировать предприятия, Владимир Ильич, слушавший с большим вниманием наши высказывания, с минуту подумав, твердо и решительно сказал:

— Заводы ваши национализируем, и вы сами будете руководить ими.

Уходя, мы чувствовали твердость, уверенность в себе, в правоте нашего общего дела.

Эта встреча с Ильичем для меня незабываема. Меня больше всего поражала его простота в обращении с рабочими. Чувствуешь, как будто ты беседуешь с самым близким другом-товарищем.

Таков был великий гений человечества Владимир Ильич Ленин.

Рабочие и крестьяне России о В. И. Ленине.
М., «Советская Россия», 1958,
стр. 140.

В. М. ДУЛИН

О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬЧЕ ЛЕНИНЕ

Воспоминания делегата
IV Чрезвычайного
Всероссийского съезда Советов.
Март 1918 г.

Наступил боевой и вместе с тем крайне тяжелый 1918 г. Наша Родина оказалась перед лицом смертельной опасности. Народ голодал, страна переживала хозяйственные трудности, оставшиеся нам в наследство после хозяйничания царя и Временного правительства. Старая армия, рабочий класс, крестьянские массы были измучены первой империалистической войной. Армия не могла оказать отпора наступающим немецким войскам.

Коренным вопросом было: или заключить мир с немецкими империалистами на условиях, которые они нам предъявили, и выиграть время — передышку, или вести с ними войну.

Вся буржуазия, а за ней меньшевики, эсеры, троцкисты выступали против мирных переговоров с Германией. «Левые коммунисты», прикрываясь «левой» фразой, настаивали на том, чтобы не заключать мира с немцами, а продолжать с ними войну. И здесь, как на всех исторических поворотах, В. И. Ленин показал свою гениальную дальновидность, настойчивость и революционную страстность в оценке сложившейся обстановки,

в борьбе за выход из войны, за спасение Советской страны от грозившей ей гибели.

В середине марта 1918 г. был созван IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. Я был избран делегатом на этот съезд от Ардатовского уезда Нижегородской губернии. В состав уезда входили крупные рабочие районы — Выкса, Кулебаки и другие.

Ехал я тогда на тормозе товарного вагона. Воодушевленный мыслью, что мне предстоит встреча с гениальным Лениным, я не хотел опаздывать. Не дождавшись пассажирского поезда, я прыгнул на ходу на тормоз товарного вагона и так доехал до Москвы.

Как на фракции большевиков, так и на съезде по вопросу о заключении Брестского мира и по другим вопросам выступал несколько раз В. И. Ленин.

Сбылись мои мечты увидеть и услышать великого Ленина.

На заседание фракции я пришел рано и занял одно из передних мест, против стола президиума. За столом президиума стоял высокий, худощавый человек в очках — это был В. Володарский. Он с большим вниманием отнесся к нам и, стоя, вел до открытия фракции непринужденный с нами разговор по самым разнообразным вопросам.

Иногда делегаты поодиночке просто подходили к столу президиума и о чем-то кратко говорили с В. Володарским. Подошел к нему и я. Несколько перегнувшись через стол наискосок, спросил В. Володарского, будет ли Ленин и как скоро. Он ответил утвердительно и поинтересовался, откуда я прибыл. Узнав, что я из Выксы, В. Володарский оживился и задал мне вопрос: «Какое настроение у выксунских рабочих?» Я ответил: «Выксунские рабочие и трудящиеся уезда стоят за Ленина». В это время откуда-то сбоку мерной, уверенной

походкой проходил сзади стола президиума в пальто и шапке плечистый человек среднего роста. Он отчетливо слышал мою фразу и сделал нам знак приветствия. Несколько картавя, вслух произнес: «Так мы и говорили — рабочие, солдаты, беднота будут за мир». Это вызвало у меня чувство восхищения, осмелев, я полюбопытствовал: «А кто этот товарищ? И за что он стоит?» Мой вопрос был услышан, на что человек быстро сделал полуоборот, показал свои рыжеватые усы и четко ответил: «Я тоже за мир и притом немедленно!» Последнее слово как-то особо было подчеркнуто.

Когда я взглянул на В. Володарского, он добродушно засмеялся и тут же быстро сказал: «Садись, садись! Сейчас увидишь, кто с тобой говорил». Я быстро сел, несколько смущенный, а на сердце у меня поднималась волна радости. В зале стоял легкий гул, — это делегаты говорили между собой.

Владимира Ильича мы ждали с глубоким нетерпением и все время следили, как и где он пойдет, но раскрыть нам этого не удалось. Ленин оказался сразу перед нами без пальто, с распахнутым пиджаком, в жилете, заложив левую руку в карман брюк. Встретили мы Ильича бурными аплодисментами, радостными возгласами, но ему уже сразу предоставили слово. И каково же было мое удивление, когда Ильич заговорил. Я сразу узнал и по голосу и по фигуре того самого человека, который только что со мной говорил. Вот, думаю, промазал, но ругать себя было некогда. Ленин уже говорил.

Никогда не забыть той сердечной, приветливой улыбки Ильича, с которой он встретил нас, рабочих-большевиков, — делегатов съезда. С первого своего слова Ленин захватил нашу аудиторию целиком. Мы слушали Ильича с глубоким душевным волнением. Все наши взоры, все мысли, все внимание было обращено

к нему. Наше внимание целиком было поглощено Лениным и его речью. В своем знаменитом докладе о войне и мире он живо, просто и без прикрас объяснил нам, делегатам съезда, внутреннее положение нашей страны и показал настоятельную необходимость заключения Брестского мира, хотя условия его были очень тяжелыми.

Анализируя существо наших побед, Ильич глубоко обосновал, что Октябрьская революция была плодом назревшим, поэтому до сего времени мы сравнительно легко одерживали победы с вражескими классами внутри страны; что, несмотря на активное сопротивление эксплуататорских классов и их прихвостней — меньшевиков и эсеров, все, что было в народе честного, «способного становилось на сторону советской власти»*. Это было триумфальное шествие Советской власти. Но теперь историческая обстановка резко изменилась. Мы встретились с международным империализмом, с врагом, вооруженным военной техникой и знанием ведения войны. А у нас армия и рабочие измотаны империалистической войной и экономической разрухой. Мы ничего пока не потеряли, так как не потеряна Советская власть, но нам нужен мир, нужна «передышка».

Ленин терпеливо разъяснял, что как бы ни был короток, тяжел и унизителен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам, позволяет использовать передышку для накопления сил, для упрочения Советской власти.

На фракции большевиков оппозицией был поставлен вопрос о якобы неминуемом расколе партии коммунистов. Ленин страстно и убедительно, как вождь партии, защищал единство и монолитную сплоченность партии,

* Ленинский сборник, XI, стр. 60.

Ленин нас учил, что в единстве нашей партии непобедимая сила и залог всех наших побед.

Ленин говорил, что партия останется монолитно-сплоченной и «кризис будет изжит нашей партией без всякого раскола»*.

Говорил Ильич очень просто, убедительно и доходчиво, в каждом его слове чувствовалась глубокая забота о единстве и величии партии коммунистов как вдохновителе и организаторе наших побед и безграничная любовь к нашей великой советской Родине. Так мог говорить только вождь партии, которую он создал.

И вот я сижу в первом ряду, ловлю каждое слово гения социалистической революции — великого Ленина, слежу за его бесконечно богатой мимикой. Все у Ильича делается в такт, все поразительно цельно, гармонично и покоряюще. После его речи мы сразу почувствовали необыкновенный прилив большевистской энергии, веры и мужества. На фракции большевиков от имени оппозиции в качестве содокладчика выступал Бухарин (он выступал два раза). Он наговорил кучу «левых», «революционных» фраз, в частности снова заострил вопрос о том, что будто бы раскол партии произошел и навсегда. А смысл его речи сводился к тому, что необходимо отвергнуть все условия мира и объявить немцам войну, независимо от того, победит в этой войне наша Советская страна или погибнет.

В своем заключительном слове на фракции большевиков Владимир Ильич гениально раскрыл до конца смысл «левых» фраз всех оппозиционеров и воочию показал их антиреволюционную сущность. Особенно резко он критиковал бухаринские речи. Ильич заявил, что ни один честный революционер не может ставить под

* Ленинский сборник, XI, стр. 68.

сомнение существование социалистического отечества и решать вопрос независимо от его существования. Наоборот, мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку Советского государства, начать этим новую эпоху всемирной истории. И кто ставит вопрос иначе, тот «не революционер».

Владимир Ильич разбил в пух и прах «левых» коммунистов и по всем остальным вопросам. В частности, в заключительном слове он снова заявил, что желаемого бухаринцами раскола партии не будет. Партия останется единой и сплоченной. Говорил Ильич с силой глубочайшего и неотразимого убеждения. После его речей сразу становилось светло и ясно.

На съезде Совета после информационного сообщения Чичерина основной доклад о ратификации Брестского мира сделал Ленин. Председательствовал на съезде Я. М. Свердлов, который исполнял эту обязанность очень талантливо.

Дело в том, что хотя на съезде Советов большинство делегатов были члены большевистской партии, но в то же время в составе делегатов немало было меньшевиков и эсеров, которые активно боролись сообща против заключения Брестского мира. Съезд в общем проходил бурно...

Владимира Ильича мы снова встретили на съезде бурными горячими и долго не смолкающими аплодисментами, в которых чувствовалось что-то душевно-искреннее и непринужденное.

Речь Ленина на съезде была также убедительной, захватывающей и покоряющей. Все слушали его с глубоким вниманием, даже со стороны эсеров и меньшевиков почти не замечалось никакого шума, хотя Ильич критиковал лидеров эсеров и меньшевиков в резкой форме. Ленин не допускал, например, ругательства или вы-

зывающих необоснованных оскорблений, как это делали лидеры меньшевиков и эсеров. А критиковал обоснованно, убедительно, а главное, правдиво и потому резко. Несмотря на острую критику, во время его речи было всего несколько случаев, когда со стороны эсеров и меньшевиков были брошены короткие реплики. Владимир Ильич мгновенно схватывал эти реплики и, необыкновенно быстро ориентируясь, тут же отвечал. Он говорил, что буржуазия нас тянет в западню, когда кричит вместе с меньшевиками и эсерами «о революционной войне», а страницы своих газет заполняет «контрреволюционными писаниями».

Мы восхищались ленинским остроумием, торжествовали и от души аплодировали Ильичу, а наши противники из-за боязни, чтобы не быть сконфуженными ленинскими остроумными ответами, быстро умолкали.

В своей речи на съезде Ленин не скрывал тяжелых условий Брестского мира. Вместе с этим он ясно доказал, что в настоящее время мы не можем объявлять немецким империалистам войну, т. е. вступать с вооруженным до зубов международным империализмом в открытую вооруженную борьбу без армии в условиях глубокого истощения нашей страны империалистической войной... Прекрасно понимая трудности, переживаемые молодым Советским государством, зная, что дело мира волнует самые широкие массы, Ленин в заключение своей речи заявил: «Вот почему я говорю вам, товарищи, я глубоко убежден в том, что решение, вынесенное девятью десятыми нашей большевистской фракции, будет вынесено девятью десятыми всех сознательных трудящихся рабочих и крестьян России»*.

Так оно и было, как сказал Ленин.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, стр. 120.

Я отчетливо запомнил еще одну характерную черту В. И. Ленина — это его гигантскую силу воли, которую он проявлял как на фракции большевиков, так и на съезде Советов в борьбе с противниками. Эту непреклонную волю он проявлял и в борьбе с колоссальными трудностями, стоящими в то время на пути строительства нашего Советского государства.

Наряду с этим ленинская воля сочеталась с величайшей человечностью и простотой в отношении к трудящемуся человеку.

Ленин также обладал поразительной разносторонностью знаний. Например, на наших глазах на съезде Советов Ленин давал, как говорится, уроки истории эсерам по вопросу о прошлых войнах в Испании, Германии и др.

По предложению В. И. Ленина съезд Советов утвердил мирный договор с Германией и признал «...правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир...»*.

Вот и теперь вспоминаешь боевое прошлое. Перед тобой стоит живой, незабываемый образ великого вождя Ленина — любимого Ильича. Великий Ленин оставил нам свое бессмертное, всепобеждающее учение — ленинизм.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, стр. 122.

Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине.
Горьковское книжн. изд., 1960,
стр. 138—148.

А. КОРКУНОВ

**КРЕСТЬЯНЕ
У В. И. ЛЕНИНА**

То, о чем я хочу рассказать, произошло полгода спустя после Октябрьской социалистической революции. Наша молодая Советская республика переживала тяжелый 1918 г. Свирепствовали повсюду разруха, голод, эпидемии. Крестьяне нашей деревни и соседних деревень, разоренные мировой войной, к весне доедали уже последние запасы и с надеждой ждали лета, ждали нового урожая. Однако их надежды были напрасными: озимые посевы уничтожило наводнение.

Чтобы засеять опустошенные стихией поля, требовались семена, но где их взять? Долго мы думали, как выйти из затруднительного положения. И вот на одном из общих волостных собраний после продолжительных споров кто-то внес предложение: «В Москву надо ехать. К Ленину. Он поможет». Тут же избрали трех делегатов, в числе их оказался и я.

Мы поехали. Помню, с каким волнением я и мои товарищи проходили в кремлевские ворота.

Мы вошли в кабинет. Ленин поднялся нам навстречу. Его приветливый взгляд как-то сразу уничтожил нашу

робость. Хотелось все рассказать ему, вылить всю душу. Спросив о целях нашего посещения, Владимир Ильич сказал: «Ну, расскажите, товарищи, как вы живете», — и начал нас подробно выпрашивать. Нас удивляло то, как Ленин глубоко знал жизнь деревни, с каким вниманием он слушал наши рассказы.

Потом товарищ Ленин заговорил о задачах, которые стоят перед крестьянством. Его простую и мудрую речь я помню до сих пор. Он говорил о том, что мы, крестьяне, должны кооперироваться — тогда с любой трудностью бороться будет легче. Особенно он подчеркивал необходимость объединения бедноты и борьбы с кулачеством.

После я и мои товарищи поражались тем, как этот человек, у которого столько важных государственных дел, нашел время беседовать с нами в продолжение целого часа. В заключение он написал записку к народному комиссару земледелия с указанием удовлетворить нашу просьбу о семенах.

Рабочие и крестьяне России о Ленине.
М., «Советская Россия», 1958,
стр. 109.

И. И. ПЛЕСКОВ

В СМОЛЬНОМ

Поезд отошел от Нижегородского вокзала. В вагонах, доотказа заполненных красногвардейцами, от махорки и копоти светильника стоял полумрак.

— Скорей бы к цели! В Питер, в Смольный,— говорили бойцы.

Не спалось и мне в это памятное утро 1918 г. Еще бы! Все было таким необычным. Рабочий вчера, я сегодня сжимал оружие, думал о новой жизни...

...На исходе вторых суток приехали в Питер. Неуютные коридоры Смольного наполнились вновь прибывшими.

Группами располагались на полу и скамейках, рассказывали о недавних тяжелых годах работы.

— Эх, братки, конец плохому житью пришел! — воскликнул кто-то из собравшихся.

— Правильно, товарищи! — приближаясь к нам, говорил невысокого роста мужчина.

— А вы откуда все? — щуря глаза, продолжал спрашивать подошедший.

Беседа продолжалась минут десять, и странно — в коридоре вдруг стало совсем тихо.

«Вот бы Ленина посмотреть. Какой он?» — промелькнуло в голове.

Вскоре нас попросили в кабинет. Молодой, аккуратно подтянутый красногвардеец отметил в тетради: «Из Сормова, Нижегородской губернии», и спокойно проговорил:

— А теперь к товарищу Ленину.

С чувством безграничной радости мы вошли в кабинет. Встав со стула, Владимир Ильич приветливо сказал:

— Что, узнали старого знакомого? Проходите, проходите.

Помню, как мы окружили его тесным кольцом, приготовились слушать. Но Ленин сам начал задавать вопросы нам о том, как мы работаем на заводе, о настроении старых рабочих. С особенной теплотой он расспрашивал о молодежи.

г. Горький, газ. «Ленинская смена».
1940, 22 января.

М. И. САНАЕВ

**ЗАПИСКА
В. И. ЛЕНИНА**

В 1918 г. я работал в Сергачском уезде Нижегородской губернии. Уезд чисто крестьянский, один из хлебобороднейших в Нижегородской губернии. Сильна была власть кулачества, крепкую организацию имела партия с.-р. (эсеров). Нам пришлось преодолевать невероятнейшие трудности по уничтожению засилья кулачества, по созданию организаций бедноты и партийной коммунистической организации. К тому же Сергач являлся центром не только своего уезда, но и прилегающих местностей других уездов: Арзамасского, Княгининского, Васильсурского (Нижегородской губ.), Курмышского и Ардатовского (Симбирской губ.). Кулаки нашего уезда связывались с кулаками соседних уездов, и это увеличивало наши трудности, т. к. зачастую эсеровский центр действовал из соседних уездов или, разбитый у нас, скрывался в ближайшие селения соседнего уезда. Вот почему нам часто приходилось подавлять кулацкие восстания не только в своем уезде, но и переходить границы соседних уездов, подавляя кулацкие и белогвардейские восстания там (Васильсурский уезд — (воскресенское и андреевское восстание; в Курмыше

и Басурманах; в Ардатовском уезде — восстание Невского).

В конце концов к сентябрю 1918 г. мы в основном уничтожили кулацкие гнезда, создали комитеты бедноты, крепкие при них боевые дружины, наладили партийную организацию и провели даже уездную конференцию нашей партии (первые из всех уездов нашей губернии).

Но, конечно, борьба с кулачеством продолжалась. Усугублялась она еще тем, что чехословацкие войска подходили к Алатырю (100 верст от нас); с другой стороны, Сергач лежит на железной дороге Арзамас — Шихраны — Казань, т. е. на той железной дороге, которая была у нас тогда единственной для связи с фронтом под Казанью. Штаб Восточного фронта помещался в Арзамасе. К перерыву сообщений по этой железной дороге были направлены усилия белогвардейцев. Особенно нужно было охранять железнодорожные мосты через Суру (группа ВЧК Лациса находилась одно время в Пильне, на границе нашего уезда с Курмышским, который тогда входил в Симбирскую губернию). Нам же нужно было разорять кулацкие и белогвардейские гнезда вокруг этой железной дороги.

15 сентября 1918 года созывалась партийная конференция Московской центрально-промышленной области (это была последняя областная конференция, после нее Московского областного комитета не стало, а на конференции было избрано лишь бюро).

Уездной конференцией нашей организации делегатом на эту областную партконференцию был избран я.

И вот в связи с моей поездкой в Москву мне было поручено сделать доклад о положении в уезде Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.

На областной партконференции Яков Михайлович делал доклад по организационному вопросу. Голос его гулко разносился по залу:

— Когда ЦК находился в Петрограде, там был ликвидирован Областной комитет. Теперь ЦК находится в Москве, существование Московского областного комитета излишне.

— Нам нужно создать опорные пункты в каждой деревне.

В конце заседания я подошел к Якову Михайловичу:

— Я командирован из уезда, чтобы сделать Вам доклад. Когда можно прийти к Вам?

— Да когда угодно, — ответил Яков Михайлович, — я сижу с 10 часов утра до часу ночи, приходите лучше от 10 до 12 утра, я буду ждать.

Яков Михайлович смотрел приветливо, сквозь стекла пенсне, и улыбался.

Делегаты партконференции окружили нас, слышали ответ Якова Михайловича о времени его занятий, начали шутить, смеяться: «Что, достается, Яков Михайлович?»

Свердлов отшучивался:

— Приходится, ничего не поделаешь.

На другой день я отправился в Президиум ВЦИК, в комнату 37 здания 6. Судебных установлений. Приемная была забита посетителями. Медленно проходил по комнате высокий Аванесов, в пенсне, с блокнотом в руках. По пути выслушивал заявления посетителей, оставался, что-то записывал и медленно шел дальше.

Меня почти немедленно провели в кабинет Якова Михайловича.

Яков Михайлович сидел за небольшим письменным столом, по углам комнаты сидели машинистки. Яков Михайлович им что-то диктовал и передавал для раз-

множения бумаги. Прошла через кабинет тов. Новгородцева, также с пачкой бумаг в руке.

Мой доклад длился около часа. Яков Михайлович очень им интересовался, что-то все записывал в небольшую книжечку. Сказал:

— Сейчас мы выработываем инструкцию о превращении комитетов бедноты в Советы. Комитеты бедноты свое дело сделали, а основная форма у нас — Советы. Вот вам теперь на местах придется проводить эту работу.

Мы начали обсуждать, как построить Советы через комитеты бедноты. Комитеты бедноты своей деятельностью вытеснили Советы, которые потеряли тогда свое значение. Надо было Советы укрепить, но через использование комитетов бедноты (впоследствии такой закон был издан). Коснулись во время разговора снабжения беднейшего крестьянства хлебом и товарами. Я передал Якову Михайловичу докладную записку председателя нашего уездного Совета т. Родионова, который излагал, как это устроить.

— Хорошо, я эту записку прочту,— сказал Яков Михайлович.

(Он ее прочитал, она ему понравилась. Когда потом, в начале 1919 г. или в конце 1918 г., Яков Михайлович был в Нижнем, в губкоме, он говорил обо мне и Родионове, дав хорошую характеристику. Об этом мне передавал тов. Сергушев, бывший тогда секретарем Нижегородского губкома. Но это — между прочим).

Доклад мой кончился, Яков Михайлович задумался. Я решил:

— Яков Михайлович, а нельзя мне увидеть тов. Ленина?

— Вот об этом я как раз и думал. Владимир Ильич очень любит такие доклады, непосредственный голос

с мест. Вот все мы что-нибудь можем упустить, а Владимир Ильич использует все как нужно. Особый дар у него на это. Нам что-нибудь покажется мелочью, а Владимир Ильич и ухватится как раз за эту мелочь. Да вот только может ли он принять, лишь вчера приступил к работе. Мы его сейчас спросим.

Яков Михайлович позвонил по телефону.

— Владимир Ильич? Приехал товарищ из самой гущи деревенской работы. Рассказывает очень много важного. Можете принять?

Потом мне:

— Пойдемте, зовет.

Мы пошли по внутренним переходам. Яков Михайлович отпирал ключом попадавшие двери.

Перед кабинетом Владимира Ильича сидел красноармеец. Мы вошли в кабинет. Я не видел до того Владимира Ильича. Представлял его по портретам того времени: монгольский тип, с остро напряженными глазами. А тут ходит по кабинету среднего роста человек, крепкий, пропорциональный. Лицо симпатичное, благодушное. Глаза смотрят спокойно и никакого напряжения во взгляде, как изображалось на портретах. Одет в костюм синевато-черного цвета, не первой свежести. Право, простой человек.

Все это мелькнуло у меня мгновенно. И все-таки я волновался.

Рукопожатие Владимира Ильича крепкое, спокойное, рука мягко-упругая, теплая. Левая рука забинтована, согнута в повязке.

Владимир Ильич пригласил нас сесть. Я сел. Яков Михайлович ушел, пригласив меня потом зайти к нему.

Владимир Ильич продолжал ходить по кабинету.

Письменный стол стоял направо от входа. Владимир Ильич, когда занимался за ним, сидел спиной к двери.

Стены кабинета были увешаны большими географическими картами. На одном углу (левом) стола стоял телефон, на другом (правом) лежала кипа бумаг.

— Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич? — начал я.

— Теперь ничего. Скоро повязку с руки снимут. Только вот пуля внутри сидит, но врачи говорят, что со временем вынут.

Дальше я хотел сказать, какое впечатление на нас произвело покушение на Владимира Ильича, какие чувства мы к нему испытываем, но он осторожно отвел меня от этой темы, начав прямо расспрашивать, что делается в деревне.

Я понял, что Владимир Ильич не хочет выслушивать излияния чувств к нему. Приступил к деловому докладу. Владимир Ильич, ходя по кабинету, задавал мне вопросы: «Как организуется деревенская беднота? Как борется с кулачеством? Не проникают ли кулаки в комбеды? На основании чего мы устанавливаем разделение крестьян на кулаков, середняков и бедняков?»

Я изложил подробно всю нашу борьбу с кулачеством, привел факты, как задолго еще до издания декрета (11 июня 1918 г.) об организации комитетов бедноты стихийно возникали бедняцкие организации и давали себе название «комитеты бедноты», как кулаки убивали участников этих комитетов «всем сходом», «обществом». Привел такой случай: после убийства в селе Большом Андосове «обществом» организатора комитета бедноты т. Краснова уездная следственная комиссия повела следствие и дело об убийстве т. Краснова прекратила, организаторов же комитета бедноты постановила привлечь к ответственности за образование «незаконной организации погромного разбойничьего характера». Мы, конечно, разогнали эту следственную комиссию, а все

дело передали уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Владимиру Ильичу очень понравилось, что комитеты бедноты создавались самими бедняками еще до издания декрета от 11 июня 1918 года.

Проникают кулаки в комбеды? Да. Мы издали в уезде положение, что товары будут отпускаться только через комитеты бедноты. Это положение, кроме толчка к организации комбедов, породило ту ненормальность, что комитеты бедноты начали организовываться только для отвода глаз, формально, избирались на сходах, и в них входили те же кулаки, прикинувшиеся «беднотой». Но мы были готовы на борьбу с таким явлением, мы его предвидели. При помощи существующих, действительных комитетов бедноты мы наводили справки о каждом члене вновь возникшего комитета бедноты. Если комитет бедноты оказывался неправильным, мы его распускали и организовывали другой таким путем, что начинали с единиц, группы сознательных бедняков и распространяли вербовку далее. Мы производили раскол в селении, группы противопоставляли одна другой и утверждали комитет, возникший из группы бедняков. При таком способе организации получались крепкие комбеды, которые, выковавшись в борьбе с кулачеством и выступив открыто против него, уже не сходили с этого пути. Ведь сколько решимости надо было иметь бедняку, чтобы открыто стать на борьбу с кулачеством. В тогдашних условиях, под угрозой расправы кулачества, это было действительно революционное действие. И в комитеты бедноты шли крепкие, стойкие, революционные бедняки.

Как мы определяем кулаков? Мы, уездные работники, сами крестьян того или другого селения не знаем, конечно, подробно.

И тут мы пользуемся работниками партийных ячеек и комитетов бедноты. В деревне каждый знает друг друга до тонкости. А работники ячеек и комбедов — все местные люди. Вот через них мы и выявляем кулаков, тех крестьян, которые создавали свое хозяйство через закабаление других крестьян.

Торговцев, ростовщиков, мироедов, нанимателей работников все знают в деревне.

Вот через местных комбедовцев и партийцев мы этих лиц и выявляем.

— Не попадает ли от вас середнякам? — спросил Владимир Ильич.

Я признался, что иногда попадает, когда они замешиваются в восстание. Я начал рассказывать, где и какие были восстания.

Владимир Ильич подошел к карте, висевшей на передней стене, и начал отмечать пункты восстаний, расспрашивая подробно причины каждого восстания и способы его подавления.

Выслушав ответы, Владимир Ильич сказал:

— Тяжела борьба с кулаками, а надо довести ее до конца. К весне обязательно закончить. Зимой нас беспокоить особенно не будут, а с весны капиталисты и белогвардейцы двинутся со всех сторон. Они нас в кольцо возьмут, вот так.

И Владимир Ильич на карте начал показывать линии предполагаемого окружения Советской России. И замечательно, что эти линии почти совпали с теми путями, по которым белогвардейские полчища действительно двинулись весной 1919 г.

— Белое море откроется, — продолжал Владимир Ильич. — Белогвардейцы наплывут. Если кулаков к весне не уничтожим, у нас в тылу они такую бучу поднимут! Кончайте к весне с кулаками.

— Мы придавим их окончательно, Владимир Ильич,— ответил я.

Владимир Ильич отошел от карты и снова зашагал по кабинету. Я уже давно оправился от первоначального волнения. Любовно смотрел на двигавшуюся передо мной фигуру вождя. Так хорошо быть в комнате с Лениным, смотреть на него, говорить с ним, да так просто, как с близким, дорогим человеком. За все время в комнату никто не входил, не раздавалось и телефонного звонка. Видимо, оберегали Ильича, только что второй день вышедшего на занятия. Сколько времени я был у Ленина? Долго. Не меньше двух часов.

— Надо, чтобы ваш доклад был напечатан. Идите в «Правду» и там расскажите все, я сейчас дам вам записку.

Владимир Ильич сел к столу, пододвинул к себе бланк «Российская Федеративная Советская Республика — Председатель Совета Народных Комиссаров», положил забинтованную руку на стол, взял другой ручку и приготовился писать. В этот момент взгляд его изменился: спокойный до этого, взор его получил ту напряженность, что изображалась на портретах того времени.

Перо быстро забегало по бумаге.

— Как ваше имя и отчество?

Я сказал. Владимир Ильич не расслышал отчества, я увидел, что он писал «Николаевич» вместо «Иванович», но разве это имеет значение? Потому я ничего и не сказал Владимиру Ильичу по этому вопросу.

— Вот,— подал мне Владимир Ильич исписанный лист бумаги размером в пол-листа писчей.

Разгонистым почерком с сокращением слов, с подчеркиванием отдельных слов, с вбиранием в скобки, по старой орфографии, на одной странице было написано:

«В редакцию «Правды»

18. IX. 1918 г.

Податель тов. Михаил Николаевич Санаев, председатель Сергачского уездного комитета партии (и член исполкома), рассказывает очень интересный материал о классовой борьбе в деревне и комитетах бедноты.

Крайне важно, чтобы именно такой фактический материал с мест появился в газете (а то чересчур много «общих» рассуждений). Очень прошу записать со слов товарища и напечатать.

С товарищеским приветом *Ленин*».

Я попрощался с Владимиром Ильичем, пожелав ему скорейшего выздоровления.

С запиской я отправился в редакцию «Правды». Там кончились занятия, сотрудники уходили. Из редакции в это время не было никого, мне предложили зайти вечером. Но вышло так, что вечером я не смог, на другой день был у Я. М. Свердлова и Н. К. Крупской, когда же опять зашел в редакцию, снова никого не застал. Ждать больше не мог, т. к. не было хлеба. Кормили меня ряжанцы, а они уже уехали. Поэтому я поспешил на поезд домой. А записка Ильича так и осталась у меня.

«Вопросы истории КПСС»,
1967, № 10,
стр. 131—134.

А. М. СУХОВА

**ЛЕНИН
ПОЖЕЛАЛ НАМ УСПЕХА**

На мою долю выпало большое счастье лично видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

Незабываемая встреча состоялась в суровом 1919 г. в Москве — на курсах агитаторов и организаторов по охране материнства и младенчества.

8 марта мы пришли в Кремль и обратились к личному секретарю Ленина, чтобы он передал ему письмо, в котором мы просили Владимира Ильича приехать к нам на курсы. Через несколько минут нам дали ответ, что Владимир Ильич будет у нас сегодня в 7 часов вечера. Затем секретарь заявил, что если мы хотим попасть к нему на прием, то должны записаться в порядке очереди.

Без 20 минут в 7 часов вечера 85 курсантов, в том числе и я, вошли в аудиторию и сели за столы. Мне пришлось сесть за стол, к которому был поставлен стул для Владимира Ильича. В ожидании Ленина мы пели песни, декламировали. Ровно в 7 часов Ленин в сопровождении военного пришел к нам, приветствуя нас с доброй улыбкой.

— Здравствуйте, товарищи!

Когда он начал раздеваться, одна курсантка хотела помочь ему снять пальто. Ильич взял ее за плечи и сказал:

— Давайте не только с вами, но и со всеми условимся: услуги оказывать только нуждающимся в них, например, больным, старикам. Я вот лично в состоянии обслужить себя.

И он сейчас же приступил к расспросу о том, как мы себя чувствуем, не повлияло ли на наше здоровье неотапливаемое помещение и мизерный паек хлеба. Мы получали тогда в день четверть фунта хлеба и тарелку чечевицы.

Успокоив Владимира Ильича, мы сказали, что чувствуем себя хорошо, и даже заявили, что хотим поехать на фронт. Владимир Ильич улыбнулся и говорит:

— Разве вы не считаете вашу работу фронтом борьбы? Вам придется бороться теоретическим оружием, организационными и агитационными методами борьбы.

Долго длилась наша беседа с Лениным о работе в области охраны материнства и младенчества и по другим вопросам. Владимир Ильич дал много указаний: как работать, где работать, с какими учреждениями увязывать свою работу.

Очень много вопросов задавали курсанты Ленину. Мы спросили, например, можно ли ожидать его приезда в наши губернии. Владимир Ильич ответил:

— Плохие из нас будут руководители, если мы будем сидеть только в центре. Но сейчас военная обстановка, и обещать приехать в ближайшее время не могу.

В заключение Ленин пригласил нас на торжественный вечер в Большой театр. Потом, смотрим, Ленин взял блокнот, написал что-то и обратился к нам:

— Вот, товарищи, учитывая плохие ваши материальные условия и то, что вы на курсах учились хорошо, дис-

циплинированно, передайте эту записку по адресу и завтра устройте вечер, где отдохнете и повеселитесь.

Человек 12 курсантов решили проводить Владимира Ильича. Мы шли длинными коридорами Дворца Труда с тусклым освещением, все время беседуя с Владимиром Ильичем. У подъезда, где стояла машина, Ленин крепко пожал нам руки и крикнул:

— Желаю успеха, товарищи!

Никогда мне не забыть этой теплой встречи, дружеской беседы и рукопожатия Ильича.

Рабочие и крестьяне России о Ленине.
М., «Советская Россия», 1958,
стр. 149.

Г. С. ВАСИЛЬЦЕВ

Я СЛУШАЛ ИЛЬИЧА

В середине 1918 г. мне, солдату, только что прибывшему из армии, Муромская партийная ячейка поручила пост комиссара народного просвещения Муромского железнодорожного района. Название моей должности было громкое, а смысл работы заключался в том, чтобы заботиться об учебе железнодорожников и особенно их детей, ликвидировать неграмотность и создать общедоступные библиотеки.

Нелегко пришлось мне тогда. Не все учителя сочувствовали большевикам. Кое-кто из них даже посмеивался:

— Какой-то маляр, солдат, самоучка назначен комиссаром просвещения.

Я, действительно, был самоучкой, знаний у меня было весьма мало, но зато я очень хорошо знал, как трудно было во времена царизма детям рабочих и крестьян получить образование и как они нуждаются в нем.

От Муромы до Сергача и Нижнего Новгорода было всего две небольшие начальные школы, принадлежащие железной дороге. Тысячи ребятшек, проживающих на перегонах, были лишены возможности учиться.

Однако, как изменить положение, было неясно. К счастью, ответ на этот вопрос я получил от самого Владимира Ильича. А дело было так.

В начале 1919 г. меня послали в Москву — на Высшие железнодорожные курсы при Народном комиссариате путей сообщения. Там мы, вчерашние рабочие, ставшие комиссарами железнодорожного транспорта, усердно учились.

Первый раз мне довелось увидеть Владимира Ильича в 1919 г., когда он выступал на собрании Московского партийного актива. С огромным вниманием слушали мы Ильича. Речь его была преисполнена верой в победу нашего дела, открывала захватывающие перспективы строительства социализма.

Затем я слушал выступление Ленина на параде рабочих полков Всевобуча 25 мая 1919 г. на Красной площади. В этой речи Владимир Ильич говорил о нашей армии. Его выступление призывало быть готовым идти на смертный бой, защищать государство трудящихся. И вскоре действительно наши курсанты были брошены на подавление белогвардейского мятежа, который вспыхнул в форте Красная Горка под Петроградом.

Вернувшись в Москву, мы с новой силой взялись за учебу. Как-то в июле нарком путей сообщения Л. Б. Красин сообщил нам, что имеется возможность послушать в Свердловском университете лекцию Ленина о государстве. Курсанты с восторгом восприняли эту весть.

Задолго до приезда В. И. Ленина все мы собрались в университете. И вот родной Ильич появился на трибуне. Мы бурно аплодируем ему, а он, показывая на часы, просит нас ценить время.

Владимир Ильич в популярной форме рассказал нам о том, что такое государство, как оно возникло и как

Коммунистическая партия должна относиться к государству. В конце лекции он призвал нас крепче брать в свои руки государственную машину, чтобы подавить сопротивление капиталистов и уничтожить всякую эксплуатацию человека человеком.

Слушая Ленина, я невольно вспоминаю о тех задачах, которые вставляли тогда перед Муромским ревкомом. И тогда у меня родилась мысль — спросить у Ленина совета, как нужно поставить просвещение на транспорте. Волнуясь, пишу ему записку:

«Владимир Ильич, посоветуйте, как лучше организовать учебу детей железнодорожников, уделите мне несколько минут. Васильцев».

Когда закончилась лекция, Владимир Ильич стал отвечать на многочисленные вопросы слушателей. Затем курсанты, тесным кольцом окружив Ленина, стали задавать ему устные вопросы. Я уже потерял было надежду получить ответ на свою записку, как вдруг слышу: Ленин называет мою фамилию.

Товарищи расступаются, и вот я рядом с Владимиром Ильичем. У него в руках моя записка. Я представляюсь ему.

Трудно передать, какие чувства охватили меня в тот момент, когда я подошел к Ленину. Помню только, что я очень волновался.

— Это хорошо, что вы озабочены организацией учебы детей железнодорожников, — говорит Ленин. — Дело просвещения — первостепенное дело Советской власти. Что же именно вас волнует?

Я ответил, что на маленьких станциях и перегонах нет школьных зданий.

Быстро записывая что-то в блокнот, Ильич интересуется составом учителей, спрашивает, поедут ли они на линию.

— А почему бы не выделить в служебно-технических зданиях комнаты для организации занятий? — спрашивает Ленин. Не забыл он также осведомиться, можно ли останавливать поезда на маленьких станциях и разъездах для подвоза детей в школы и обратно.

— Действуйте решительнее, — сказал он, — помните, что Советская власть призвана дать всем детям трудящихся возможность учиться...

Вернувшись после курсов в Муром, я тотчас же начал подыскивать помещения для школ, вести переговоры с учителями, а когда увидел, что среди них мало желающих переехать на полевые станции, обратился в комсомольскую ячейку с просьбой подобрать из своего состава грамотных ребят.

В это время в Муром приехал председатель ВЦИКа М. И. Калинин. В одном из своих выступлений Михаил Иванович наряду с другими вопросами затронул вопрос и о школьном строительстве. Он сказал, что несмотря на гражданскую войну, несмотря на голод и разруху, Советское правительство уделяет самое серьезное внимание организации народного просвещения. Затем Калинин сказал, что Владимир Ильич особо поручил ему оказывать помощь в налаживании учебы детей железнодорожников.

Радости моей не было конца. Значит, Владимир Ильич помнил о нашем разговоре и дал Калинин укаание заботиться о наших школах.

Я доложил председателю ВЦИКа, что мы уже подготовились к открытию первой школы на линейной станции Степурино, где учительницей будет активная комсомолка Мария Леонович. Михаил Иванович тогда же предложил выделить для школ комнаты на других станциях. Вскоре начальные школы были открыты еще на пяти линейных станциях. Почин муромских железно-

дорожников был затем поддержан не только на нашей магистрали, но и на других дорогах сети.

...Много лет прошло с тех пор. Недавно мне довелось познакомиться с постановкой обучения детей железнодорожников на Горьковской дороге. До революции на этой магистрали было только две школы, в которых учились 120 ребят, а сейчас там 54 школы. В них получают образование около 24 тысяч детей железнодорожников. Отрадно, что школы созданы не только на узловых, но и на многих маленьких станциях.

В последний раз я видел и слышал В. И. Ленина в декабре 1921 г. на IX Всероссийском съезде Советов. Съезд проходил в Москве, в Большом театре.

На съезде Владимир Ильич говорил о необходимости укреплять обороноспособность страны, не забывая о том, что, несмотря на улучшение международного положения Советского государства, враги будут пытаться уничтожить революционные завоевания рабочих и крестьян. Ленин не только указал выход из хозяйственной разрухи, но и определил пути строительства в нашей стране.

Образ В. И. Ленина навсегда останется в моем сердце. Великий, простой, скромный, доступный человек, строгий к себе, чуткий и внимательный к окружающим — таким знают его все, кто работал с ним или просто встречался.

«Горьковский рабочий»,
1958, 22 апреля.

И. Г. ЗАЙЦЕВ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

В самый разгар гражданской войны я был курсантом Московских кремлевских пулеметных курсов командного состава при ВЦИКе. Нас в количестве 22 членов партии комиссар курсов т. Ильин назначил в охрану Совнаркома, ВЦИКа и вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Однажды, когда я стоял часовым у кабинета Ильича, он подошел ко мне, поздоровался и начал задавать вопросы: где я родился, кто мои родители... Закончив разговор, Ленин добавил: «Да, нам нужны для армии красные командиры, это костяк кадров».

Согласно установленным правилам мы, стоящие на постах часовыми, обязаны были проверять у всех проходящих через пост пропуска, в том числе и у товарища Ленина. Стоя у квартиры В. И. Ленина, я потребовал при входе его пропуск. Владимир Ильич спросил: «А разве вы меня не знаете?» Я ответил: «Я вас, товарищ Ленин, хорошо лично знаю, но пропуск предъявите, этого требует инструкция». Он предъявил пропуск и сказал: «Да, осторожность нужна». Утром товарищ Ленин регулярно выходил на прогулку с Е. Д. Стасовой или один по тропинке к Тайницким воротам. Стоя часовыми, мы

при его проходе подавали лично ему заявления от родных из деревни. В. И. Ленин брал заявления и тут же на словах назначал срок ответа по заявлению и точно в указанный им срок вызывал лично подателя жалоб, объявлял результат проверки, иногда давал наставления, чтобы курсант написал отцу.

Я стоял на посту у кабинета товарища Ленина. В кабинет вошел Владимир Ильич, поздоровался, отметил флажком на карте положение на фронтах. Смотрю, берет стул, ставит около меня и говорит: «Садитесь, наверно, тяжело стоять». Я заявил, что часовой по уставу должен стоять. Тогда он сказал: «Простите, я не военный человек, устав не твердо знаю».

В. И. Ленин находил время быть у нас и на партсобраниях и выступать с докладами, делая упор на то, что партия готовит нас, будущих красных командиров-коммунистов, и надеется что мы будем стойкими руководителями Красной Армии.

На первомайском субботнике в 1920 г. нам сообщил комиссар курсов т. Ильин, что с нами будет работать товарищ Ленин. Ровно в назначенное время выходит товарищ Ленин и становится в первую шеренгу курсантов. Убирали трехметровые бревна и дрова. Желая, чтобы каждый был в паре с Ильичем (носили бревна вдвоем), установили негласную очередь. Во время передышки кто-то предложил сфотографироваться. В. И. Ленин отказался. «Мы пришли, — сказал он, — работать, а не на парад».

Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине.
Горьковское книжн. изд., 1960,
стр. 149—151.

Е. К. МАЛИНОВСКАЯ

В. И. ЛЕНИН И ТЕАТРЫ

Впервые я встретила с Владимиром Ильичем в 1911 году в Париже. Под влиянием А. М. Горького, который в свое время вовлек меня в партийную работу, я примкнула к передовцам, помогала отправке слушателей-рабочих во передовскую школу в Болонье, а затем и сама отправилась туда же. Ожесточенная борьба между ленинцами и передовцами заставила меня критически отнестись к группе «Вперед». Запутавшись, я решила поехать в Париж, к Владимиру Ильичу. Несмотря на мое скромное положение в партии, он отнесся ко мне с присущим ему вниманием. В два мои посещения Владимир Ильич четко разъяснил мне положение дел в партии и убедил меня вернуться к большевикам. Эти беседы оставили во мне неизгладимый след: я больше никогда не уклонялась от ленинского партийного курса.

Интересная встреча с Владимиром Ильичем произошла у меня в 1918 году в Москве, в театре Московского Совета рабочих депутатов, членом правления которого я работала.

Однажды во время спектакля к окну кассы театра подошел Владимир Ильич и спросил, как ему пройти

в зрительный зал. На вопрос кассира, кто он, Владимир Ильич ответил:

— Ленин.

Кассир растерялся и в смятении бросился в комнату правления театра.

— Елена Константиновна, Ленин пришел! Он хочет пройти в зал.

— Где он?

— Там, у кассы.

Не поверив кассиру, я все же направилась в вестибюль и, к крайнему своему изумлению, нашла Владимира Ильича стоящим у окна кассы. Смеясь, он сказал мне:

— Раз кассир убежал, испугавшись меня, я вынужден был охранять кассу.

В 1920 году я управляла московскими государственными театрами, а по совместительству была назначена директором Большого театра. Этот театр отличался сложностью своего организма вследствие разнообразия состава труппы (опера, балет, оркестр и другие коллективы). На нем особенно сильно сказалось наследие «императорских театров» — казенщина, косность, рутинность, боязнь всяких новшеств и сопротивление им, аполитичность подавляющего большинства артистов и музыкантов, отсутствие элементарной общественности, борьба личных самолюбий.

В это время положение государственных театров все усложнялось. Дело в том, что принятый Советским правительством курс на сохранение бывших императорских театров встретил возражение некоторых представителей советской общественности. Они смотрели на эти театры как на нечто чужое, ненужное трудящимся. Многие тогда еще не усвоили тезиса Владимира Ильича Ленина о том, что только критически изучив и усвоив все тысячелетием накопленное наследство искусства и культуры,

пролетариат сможет создать социалистическую культуру.

Большой театр в этом отношении представлял собой одно из самых интересных явлений искусства, ибо он синтезировал различные его виды — от простейших до самых сложных. Вот почему необходимо было особенно бережно относиться к этому наследию старой, буржуазной классической музыкально-театральной культуры, а между тем больше всего нападок вызывал именно этот театр.

Одни ставили ему в вину отсутствие опер советских композиторов и то, что героями большинства опер являются цари, князья, аристократы («Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова, «Князь Игорь» Бородина, «Борис Годунов» Мусоргского, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского и т. д.). Другие просто предлагали закрыть его. Третьи, например, группа работников профсоюза Рабис, находившаяся под влиянием мелкобуржуазной стихии и неправильно понимавшая роль профсоюзов, хотели взять в свое ведение театры, в том числе и Большой театр. Относясь к нему отрицательно, работники Рабиса всячески тормозили его работу, создавали конфликт за конфликтом как внутри него, так и между театром и профсоюзом.

Зато эти театры имели и своих заступников, прежде всего в лице Владимира Ильича Ленина, наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, ряда старых большевиков, а также в лице отдельных видных деятелей искусства и лучших артистов Большого и других театров.

Надо вспомнить и обстановку того времени: гражданская война, экономическая разруха, топливный кризис, голод, сыпной тиф, растущая дороговизна и полная материальная необеспеченность как театров, так и его ра-

ботников. Театрам не хватало самых необходимых средств и материалов на декорации, костюмы, пачки, обувь и пр.

Трудности жизни вызвали еще в сезоне 1918/19 года массовое бегство артистов на юг (в «хлебные» места) и за границу. В следующем сезоне оно приняло катастрофический характер. Оставшиеся артисты и другие работники театра выбивались из сил. Вынужденные искать добавочный заработок, они увлекались «халтурой», оплачиваемой черным хлебом, пропускали из-за этого репетиции и спектакли. А профсоюз Рабис затягивал утверждение новых ставок, которые могли бы улучшить положение артистов и приостановить их уход из театров. В довершение всего пошли разговоры о закрытии театра из-за топливного кризиса. Вопрос об этом обсуждался в Малом Совнаркоме, он вызвал там споры и был перенесен на заседание Большого Совнаркома под председательством Владимира Ильича Ленина.

Докладчик — представитель Малого Совнаркома А. В. Галкин взволнованно, даже страстно, доказывал, что в условиях начавшейся эпидемии сыпного тифа гораздо важнее отдать предназначенное для государственных театров топливо баням, которые благодаря этому, может быть, спасут сотни рабочих от болезни и смерти. А государственные театры, по его мнению, были не нужны рабоче-крестьянской республике, так как они обслуживали эстетические вкусы буржуазии, щекотали нервы барынькам в бриллиантах да спекулянтам, а рабочим и красноармейцам ничего не давали.

— Лучше использовать подмостки Большого театра для агитации и пропаганды! — убеждал докладчик.

В красноречивом выступлении Галкина было немало демагогии. Дело в том, что к сезону 1919/20 года Управление московскими государственными театрами ликви-

дировало абонементы, раскупавшиеся главным образом буржуазными и мелкобуржуазными зрителями. Специальная комиссия распространяла все дешевые билеты только среди рабочих организаций, красноармейских частей и учебных заведений. Им же предоставлялось преимущественное право закупки и более дорогих билетов в течение первых двух дней после объявления репертуара. Благодаря такой системе театры были всегда переполнены трудящимися. Мало того, с осени 1918 года мы начали систематически обслуживать красноармейские части концертами, в которых участвовали лучшие артистические силы. Обо всем этом докладчик умолчал. Опровергнуть Галкина было некому, так как ни А. В. Луначарского, ни меня на заседании не было, а выступление нашего представителя не произвело никакого впечатления на членов Совнаркома.

П. Н. Лепешинский, присутствовавший на заседании, позднее рассказывал, что Владимир Ильич сразу поставил вопрос на голосование и лишь как бы мимоходом бросил перед голосованием две-три фразы:

— Мне только кажется,— сказал Ленин, сверкнув смеющимися глазами,— что товарищ Галкин имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра. Театр нужен не столько для пропаганды, сколько для отдыха работников от повседневной работы. И наследство буржуазного искусства нам рано еще сдавать в архив. Итак, кто за предложение товарища Галкина, прошу поднять руки.

Поднялись две-три руки. Театры были спасены!

Но кредиты на топливо были выданы с большим опозданием, лишь после моего обращения к Владимиру Ильичу. Я решила просить у него приема потому, что положение государственных театров казалось мне катастрофичным.

Опоздав на пять минут, я была встречена Лидией Александровной Фотиевой словами:

— Вы опаздываете. Владимир Ильич уже два раза справлялся о вас.

Очень смущенная этим обстоятельством, я торопливо рассказала ему о положении театров.

Владимир Ильич мгновенно схватил суть дела и наметил путь, каким надо пойти, чтобы пережить тяжелые годы и сохранить театры. Мало того, он предложил мне еженедельно сообщать ему о трудностях и обещал свою помощь в дальнейшем.

Я ушла окрыленная и, конечно, не решилась больше беспокоить его, тем более что после распоряжений Ленина положение резко изменилось и к театрам стали относиться гораздо внимательнее.

При этих условиях преодолевать трудности стало гораздо легче. Несколько улучшилось материальное положение работников театров, а главное, стал подниматься художественный уровень постановок.

Разительнее всего была перемена в Большом театре, наиболее рутинном. Важную роль в этом сыграло участие в его работе В. И. Немировича-Данченко — большого художника и смелого новатора. Он пришел в театр с новыми, повышенными требованиями и, несмотря на сопротивление труппы, влиял на нее и добивался улучшения качества спектаклей.

Особенно значительные успехи сделал Большой театр в музыкальной области. Его оркестр состоял из первоклассных музыкантов, но по старинке считался второстепенным, аккомпанирующим коллективом несмотря на то, что в опере самое главное — музыкальная сторона. Заведующий музыкальной частью виолончелист В. Л. Кубацкий стал энергично доказывать, что оркестр — крупная музыкальная величина — должен про-

явить себя самостоятельно. Он предложил организовать симфонические концерты. Сначала его начинанию сопротивлялись, но вскоре музыканты увлеклись симфоническим репертуаром, дававшим им возможность работать творчески и совершенствоваться. За один сезон было дано 22 концерта из лучших произведений русских и зарубежных классиков. Перед началом концертов неоднократно выступал с яркой речью А. В. Луначарский. Огромный успех концертов у публики превзошел все ожидания. Широкие массы трудящихся впервые получили возможность слушать лучшие образцы симфонической музыки в прекрасном исполнении.

Тот же Кубацкий предложил реквизировать уникальные струнные инструменты у тех лиц, которые не имели отношения к искусству и держали их под спудом как валютную ценность, тем более что эти инструменты, как и другая валюта, стали «уплывать» за границу. Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Ф. Э. Дзержинский поддержал наше предложение и выделил для этого чекиста Прокофьева, а В. Л. Кубацкого уполномочил быть экспертом по определению художественной ценности реквизируемых инструментов. Сначала были реквизированы инструменты в Центральной России, а затем — на территории юга России, Украины и Крыма, по мере их освобождения от белогвардейцев. Так была создана единственная в мире государственная коллекция старинных инструментов. Эти инструменты, лежавшие без пользы в домах богачей и аристократов, теша их тщеславие, зазвучали в народных аудиториях, так как многие из них были переданы лучшим советским музыкантам.

На основе четырех реквизированных инструментов работы великого мастера Страдивариуса был создан

струнный квартет. В день 50-летия Владимира Ильича Ленина этот квартет участвовал в юбилейном концерте. В. А. Кубацкий и А. В. Луначарский после концерта рассказали Владимиру Ильичу историю создания коллекции. Он одобрил это начинание и содействовал успешному собиранию инструментов.

Вскоре выяснилось, что важным пунктом нелегальной переправки за границу разных ценностей, в том числе и музыкальных инструментов, является Одесский порт. Ввиду большой ценности реквизируемых инструментов Владимир Ильич распорядился дать для их перевозки из Одессы отдельный вагон. 8 мая 1920 года он написал заместителю наркома путей сообщения Я. М. Свердлову следующую записку:

«т. Свердлову.

Прошу предоставить т-шу Прокофьеву, подателю настоящей записки, 1 вагон (классный) для поездки в Одессу и обратно.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин)».

Летом 1920 года по распоряжению Владимира Ильича мне предоставили классный вагон для поездки на юг, на этот раз за артистами, так как там скопились большие художественные силы в поисках тепла и хлеба. Со мной поехал и струнный квартет имени Страдивариуса. Он с большим успехом давал концерты в рабочих аудиториях и в агитпунктах станций, которые мы проезжали. В результате поездки удалось вернуть в Москву ряд артистов, что тоже улучшило работу театра.

Однако пропорционально достижениям театров росли и нападки со стороны Рабиса, особенно злобствовавшего против Большого театра. Я очень устала и издергалась от непрерывных атак, от бесконечных комиссий и обследований, которые отрывали и меня и многих других работников театра от работы и тормозили ее. В одном

из писем к председателю МГСПС Г. Н. Мельничанскому по поводу очередной выходки Губрабиса Анатолий Васильевич возмущался: «Не только т. Малиновская, но даже и я, которого это, конечно, менее касается, буквально устал от того бесконечного количества совершенно нелепой склоки, которую беспрестанно заводит с нами Губрабис, а отчасти и Всерабис».

В таком настроении шла я однажды к А. В. Луначарскому. Во дворе Кремля я встретила Владимира Ильича, который разговаривал с какими-то товарищами. Поздоровавшись, он спросил, почему я такая бледная.

— Вероятно оттого, что очень обижают,— в шутку ответила я.

— Что? Обижают? Так краснеть надо, если обижают! — сказал Владимир Ильич.

Хотя это была шутка, брошенная мимоходом, нельзя не удивляться меткости слов, определяющих стиль революционера, который не имеет права сдаваться перед трудностями, а должен бороться и преодолевать их.

Это замечание я не забывала и в дальнейшем выдерживала все более усиливавшийся натиск Рабиса, чтобы вести театры к подъему.

Больше разговоров с Владимиром Ильичем у меня не было. Я счастлива, что имела возможность, помимо встреч и бесед, слушать в Большом театре и на демонстрациях многие выступления Владимира Ильича, которые оставили во мне неизгладимый след.

О Владимире Ильиче Ленине
(воспоминания 1900—1922 годы).
М., Госполитиздат, 1963,
стр. 392—398.

К. О. ЛИПАТОВ

ЛЕНИН — В СЕРДЦАХ НАРОДА

Мне выпало счастье видеть и разговаривать с великим Лениным. Эта встреча с Владимиром Ильичем запечатлелась в моей памяти на всю жизнь. Вспоминая Ильича, я никогда не могу думать о ней спокойно, без волнения. Было это в 1921 г. Я находился в рядах Красной Армии. Командование части, в которой я нес воинскую службу, направило меня в числе других на учебу в военную школу имени ВЦИКа.

В один из дней я находился на дежурстве. В. И. Ленин быстро шел мимо. Но вот он остановился, подошел ко мне, ласково посмотрел и стал задавать вопросы, касающиеся учебы, жизни моей семьи. Узнав, что я из Нижегородской губернии, Ильич поинтересовался, как там живет народ, какие настроения у крестьян. Не забыл и о том расспросить, есть ли у меня отец и мать и в каком состоянии наше хозяйство. А я только что получил от матери письмо, в котором она сообщала, что наш домик требует ремонта, а лес никак получить не может.

Чувствуя, что Владимир Ильич внимательно меня слушает, я рассказал ему о письме матери. Владимир Ильич говорит:

— Надо помочь.

На другой день вызывают меня в нашу учебную часть.

— Ваша просьба, курсант Липатов, будет удовлетворена...

— Какая просьба? Я как будто ничего не просил.

— Вот вам удостоверение на право получения леса по месту жительства.

Признаться, я об этом лесе уже и забыл. А Ленин, оказывается, помнил...

Решили мы как-то провести у себя батальонный праздник. Ленин был у нас почетным курсантом, и мы задумали пригласить его на торжество. Я входил в состав культкомиссии, и мне да еще несколькими курсантами поручили пригласить Ленина. Признаться, все мы порядком оробели. Но делать нечего. Входим в ленинский кабинет. Владимир Ильич сидел в кресле и что-то писал. Встал, поздоровался с нами и улыбнулся веселой, приветливой улыбкой.

Мы собрались с духом и как по команде выпалили:

— Владимир Ильич, приглашаем вас на наш праздник.

— Приду, приду, — отвечает он все с той же веселой улыбкой, — правда, быть может, не надолго, но приду.

И, как всегда, сдержал свое слово...

Таким Ленин был всегда. Занятый большими государственными делами, он в любую минуту интересовался жизнью каждого советского человека.

Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине.
Горьковское книжн. изд., 1960,
стр. 152—154.

В. А. СМОЛЬЯНИНОВ

РАССЛЕДУЙТЕ ПРИЧИНУ ВОЛОКИТЫ...

На другой день я приступил к своей новой работе*.

Первое знакомство с делами обнаружило отсутствие материалов о работе местных экономических совещаний. Эконо еще находились в стадии организации.

Когда об этом узнал Владимир Ильич, он тут же написал телеграфное распоряжение:

«29 апреля 1921

Циркулярно

Всем Областным экономическим советам

Предлагаю:

1) своевременно без задержки присылать в Управделами СТО протоколы заседания Экономсовета в трех экземплярах;

2) прилагать к протоколам Экономсоветов копии всех материалов, на основе которых разрешался вопрос (письменные доклады, тезисы и пр.), а также полные стенографические отчеты заседаний, если они ведутся;

3) присылать в Управделами СТО в трех экземплярах

* 22 апреля 1921 г. В. А. Смольянинов приступил к работе заместителя управляющего делами Совета Труда и Оборона по вопросам экономического и хозяйственного строительства.

рах экономические журналы и газеты, издаваемые как Экономсоветом, так и отдельными экономическими органами.

Пред. СТО
Ленин»*.

Владимир Ильич поручил строжайше следить за своевременным получением указанных материалов и осведомлять его о всяких задержках.

Неполучение материалов с Урала послужило поводом для следующей телеграммы председателю Екатеринбургского областного экономсовета.

«6 мая 1921

В делах СТО не имеется ни одного протокола заседания Уральского областного экономсовета, Совета трудармии I. Предлагаю срочно прислать в СТО все протоколы с полным приложением материалов: постановлений экономического характера с 1 января 1921 года. На будущее время присылать без задержки.

Председатель СТО
Ленин»**.

Когда начали поступать материалы от местных экономсоветов, Владимир Ильич неизменно интересовался ими, нередко сам просматривал их или просил подготовить для него коротенькие справки.

Особенное внимание уделял В. И. Ленин работе экономсоветов важнейших промышленных районов: Донбасса, Юго-Востока, Петрограда, Урала, Нижегородской губернии и др.

Приведу пример, который показывает, с каким вниманием относился Владимир Ильич к материалам губ-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 52, стр. 321.

** Там же, стр. 324.

экосо. Экономсовет Нижегородской губернии определил предполагаемую добычу торфа на 1921 г. в 6 769 800 пудов.

Владимир Ильич вообще относился с большим вниманием к разработке торфяных залежей; эта цифра показалась ему недостаточно надежной, и он поручил Управлению делами проверить ее.

Два телеграфных запроса были посланы председателю губэкосо, но ответа не последовало. Владимира Ильича всегда особенно возмущали бюрократизм, волокита, небрежность. Поэтому в Нижний Новгород он отправил телеграмму такого содержания:

«2 июня 1921

7 мая вам была послана из Управления делами Совета Труда и Оборона за № 417 телеграмма следующего содержания: «Нижний Новгород, Экономическому совещанию. Телеграфируйте, верна ли цифра 6 769 800 пудов торфа предполагаемой выработки в 1921 году, указанная в протоколе № 9».

26 мая, за № 491, вам было послано напоминание.

Ввиду неполучения до сих пор ответа на обе эти телеграммы, предлагаю немедленно представить объяснения причины волокиты и ответ по существу запроса, а ВЧК предлагаю расследовать причины волокиты и наказать виновных, сообщив их фамилии и занимаемые должности в Управление делами Совета Труда и Оборона.

Председатель Совета Труда и Оборона
В. Ульянов (Ленин)*.

Телеграмма Владимира Ильича возымела действие, и вскоре от председателя губэкономсовещания было получено письменное объяснение.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 52, стр. 328.

Следует сказать, что иногда Владимир Ильич считал вполне достаточной мерой наказания простой выговор или замечание, но он указывал, что каждый проступок человека не должен оставаться незамеченным, чтобы не выработывалось у него сознание безнаказанности и безответственности.

**В. И. Ленин во главе великого строительства.
М., Госполитиздат, 1960.
стр. 251—253.**

А. И. МИТРОФАНОВ

**В. И. ЛЕНИН
НА XI СЪЕЗДЕ РКП(б)**

**Воспоминания
делегата съезда**

XI съезд РКП(б), последний съезд нашей партии, проходивший под руководством В. И. Ленина, начал свою работу 27 марта 1922 г. Положение Советской республики было еще очень тяжелым. Несмотря на начавшееся с введением нэпа оживление хозяйства, вся страна чувствовала последствия засухи лета 1921 года. «Точно все последствия войны империалистической и той войны, которую нам навязали капиталисты,— говорил Ленин при открытии съезда,— точно все они собрались вместе и обрушились на нас голодом и самым отчаянным разорением. Эти бедствия сейчас далеко еще не преодолены»*. XI съезд был призван подвести итоги первого года новой экономической политики и определить очередные задачи мирного социалистического строительства.

В то время я работал секретарем Нижегородского (Горьковского) губкома РКСМ и был послан на съезд Нижегородской партийной организацией. Трудно пе-

* Стенографический отчет XI съезда РКП(б). Изд. 1961 г., стр. 4.

редать то радостное волнение, с которым я вместе с другими делегатами ехал в Москву на съезд. Осуществлялась самая заветная мечта моя, как и каждого коммуниста и комсомольца, — увидеть и услышать В. И. Ленина. Товарищи по комсомольской работе наказывали все запомнить, ничего не опустить и потом все рассказать.

Мы прибыли в Москву на Курский вокзал утром 26 марта, за день до открытия съезда. Вскоре к вокзалу подошли две легковые автомашины, и мы поехали в 3-й Дом Советов*, где размещались делегаты съезда. Мы ехали по Садовому кольцу мимо «знаменитой» в прежние времена «Сухаревки». Товарищи говорили, что в годы военного коммунизма она совсем заглохла, а теперь, с введением нэпа, вновь оживилась. Впервые я видел такой разгул торгово-спекулятивной стихии.

После санобработки (борьба со злейшим врагом революции — сыпным тифом — все еще продолжалась) мы разместились в общежитии. В отведенной нам комнате стояло примерно 50 железных кроватей. Все мы, нижегородские делегаты (нас было 11 человек), заняли места в этой комнате, а потом в ней же поселились делегаты от Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и некоторых других партийных организаций.

Мандатная комиссия съезда работала здесь же, и примерно через час мы получили делегатские билеты, а вместе с ними и карточки на трехразовое питание в столовой, помещавшейся в нижнем этаже общежития.

Условия жизни в стране были тогда весьма суровыми. На всем лежала печать глубокой разрухи, а начавшийся хозяйственный подъем был еще еле заметен. Трамваи в Москве весной 1922 г. ходили плохо. Поэтому на за-

* Ныне в этом здании находится Верховный Совет РСФСР и Совет Министров РСФСР (Делегатская ул., д. 3).

седания съезда в Кремль мы обычно отправлялись пешком, по Петровке. Пройдя в Кремль через Спасские ворота узкой тропкой, протоптанной в снежных сугробах, мимо низких келий древнего Чудова монастыря (на его месте теперь стоит Кремлевский театр), мы попадали в здание Совнаркома, в Свердловский зал, где проходила работа съезда.

Регламент работы съезда был весьма напряженным: заседания начинались с 10 часов утра и продолжались до 10 часов вечера с перерывом с 3 до 6 часов дня.

С тех пор прошло более 40 лет, а в памяти и сейчас стоит, как живая, историческая картина открытия XI съезда, точно это было вчера.

Наша делегация, возглавляемая Анастасом Ивановичем Микояном, заблаговременно заняла отведенные ей места. Сравнительно небольшой Кремлевский зал имени Свердлова, в котором проходили заседания съезда, быстро заполнился делегатами. Среди них преобладали закаленные в революционных битвах старые большевики. Все были по-праздничному оживлены и взволнованы, с нетерпением ожидая открытия съезда и встречи с Лениным. А когда Владимир Ильич как-то вдруг появился за столом президиума, делегаты в одном порыве поднялись с мест, восторженно приветствуя своего учителя и вождя. В зале со всех сторон неслись возгласы: «Да здравствует Ленин!», «Привет дорогому Ильичу!..» На глазах некоторых пожилых делегатов от волнения навернулись слезы, слезы большой светлой радости.

Заметно было, что Владимир Ильич также был взволнован этой встречей с представителями местных партийных организаций, съехавшимися со всех концов страны, многих из которых он хорошо знал по прежней нелегальной работе. Его лицо светилось приветливой улыбкой.

Но вот колокольчик в руках Владимира Ильича зазвонил более настойчиво, и овации стали стихать. Тогда Ленин сказал: «Товарищи! По поручению Центрального Комитета партии объявляю XI съезд РКП(б) открытым».

В наступившей тишине делегаты слушали Ленина, стараясь запечатлеть в памяти каждое ленинское слово, каждый его жест. Вступительная речь Ленина продолжалась не более пяти минут, но в ней предельно сжато и ясно, как это мог делать только он, были охарактеризованы основные черты современного момента и задачи, стоявшие перед съездом. Затем Ленин предложил съезду приступить к избранию президиума... Когда же президиум был избран, он передал председательствование одному из его членов. Около часа съезд решал организационные вопросы: утверждение порядка дня, регламента, избрание секретариата, мандатной комиссии и др. А когда все эти вопросы были решены, председатель предоставил слово В. И. Ленину для доклада о работе ЦК. В зале снова раздалась бурные овации...

Владимир Ильич быстро вышел из-за стола президиума, держа в руке несколько исписанных листков — план доклада, утвержденный пленумом ЦК. Как только овации стихли, он спокойно начал доклад, продолжавшийся около двух часов. Перед Лениным не было трибуны. Он стоял перед делегатами во весь рост и говорил совершенно свободно, лишь изредка заглядывая в конспект. Голос Ильича звучал как-то особенно, точно он лился из самых глубин души. Излагаемые им мысли захватывали своей силой и глубиной.

Невозможно передать словами все то, что я чувствовал и переживал, слушая доклад Ленина. Все было естественно и просто и в то же время так необыкновенно. Все мои духовные силы были направлены на то, чтобы

запечатлеть в памяти и в сердце на всю жизнь образ гениального вождя и этот исторический момент.

В своем докладе Ленин указал, что итоги первого года новой экономической политики целиком подтвердили ее правильность: началось восстановление народного хозяйства, укрепился союз рабочего класса с крестьянством. На основе глубокого анализа итогов и уроков первого года новой экономической политики Ленин всесторонне обосновал выработанный им и одобренный ЦК партии план дальнейшего движения страны по пути социализма и выдвинул новую стратегическую задачу — приостановить экономическое отступление и перейти к подготовке решительного наступления на капиталистические элементы.

Здесь нет необходимости излагать содержание всего доклада, и я хочу отметить лишь его некоторые, наиболее характерные черты. Когда теперь снова читаешь и перечитываешь ленинский доклад, то с прежней силой чувствуешь его глубокий и вдохновляющий оптимизм. Весь он, от начала и до конца, пронизан несокрушимой верой в силы Коммунистической партии и народных масс, в их способность преодолеть все и всякие трудности на пути строительства социалистического общества.

Указывая со всей прямоотой на гигантский характер трудностей строительства фундамента социалистической экономики в нашей отсталой стране, переживавшей хозяйственную разруху и голод, Ленин записал в плане своего доклада: «Гвоздь момента» — разрыв (пропасть) между величием поставленных задач и нищетой не только материальной, но и культурной. Засыпать эту пропасть»*. И каждое слово ленинского докла-

* Стенографический отчет XI съезда РКП(б). М., 1961 г., стр. 606, 614. Далее ссылки на эту же работу.

да доказывало, убеждало, вселяло уверенность, что огромным напряжением всех сил партии и народных масс, правильной организацией работы партийных и советских органов этот разрыв будет преодолен, пропасть будет засыпана и великая задача построения социализма в нашей стране будет полностью осуществлена.

Эта непреклонная вера Ленина в победу социализма в нашей стране передавалась делегатам съезда, познавшим на практике всю меру трудности первых шагов восстановления народного хозяйства, — воодушевляла и спланивала всю партию в борьбе за выполнение великих задач.

Вместе с этим весь доклад Ленина был пронизан духом непримиримости к нашим недостаткам. Владимир Ильич глубоко вскрыл и подверг решительной критике имевшиеся крупные упущения в проведении новой экономической политики, в партийном руководстве хозяйством, в работе государственного аппарата. «Весь гвоздь, — говорил он, — состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трезво, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции, от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано»*.

Мы впервые в истории, говорил он, создали государство пролетарского типа и отстояли его в вооруженной борьбе с внутренней и международной буржуазией, — это всемирно-историческая заслуга нашей революции. Но для нас — коммунистов, продолжал Ленин, это значит только открыть дверь. Перед нами стоит теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Это не сделано, указывал он, и делается пока «до последней степени плохо».

* Там же, стр. 39.

Построить фундамент социалистической экономики было возможно только на основе новой экономической политики, означавшей ожесточенную борьбу между капитализмом и социализмом. Исход этой борьбы в значительной мере решался в соревновании, которое развертывалось между социалистической системой хозяйства и капиталистическими элементами в области производства и торговли. Чтобы победить в этом соревновании, говорил Ленин, необходимо было коммунистам научиться хозяйничать, торговать, и таким образом на деле доказать превосходство социалистического хозяйства над капиталистическим, установить прочную экономическую смычку социалистической промышленности с крестьянским хозяйством.

Сделав в своем докладе под углом зрения этих задач анализ итогов и уроков первого года нэпа, Ленин решительно заявил: «За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Это основной урок»*. Владимир Ильич поставил этот вопрос со всей прямотой и резкостью. Либо в ближайший год, говорил он, мы докажем, что научились хозяйничать, либо Советская власть существовать не может.

В связи с этим Ленин подверг решительной критике тех ответственных коммунистов, у которых чувство законной гордости за прошлые победы над внутренней и мировой буржуазией переросло в зазнайство, в нежелание понять новую обстановку и новые задачи, в нежелание учиться новому делу.

Приведу несколько примеров этой чрезвычайно характерной ленинской критики, одновременно и строгой, и глубоко товарищеской, широко использующей острую шутку и дружескую иронию:

* Там же, стр. 18.

«...Не успокаиваться на том, — говорил Ленин, — что везде в государственных трестах и смешанных обществах ответственные и лучшие коммунисты — толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать...

Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство — комчванство (выражаясь великим русским языком, который так хвалил Тургенев). Вопрос в том, что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — торговли вести не умеет, потому что он не делец, этому не учился и не хочет учиться и не понимает, что с азов должен учиться.

Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран, с надеждой на избавление от капитализма, — он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабазе 10 лет, который это дело знает, а он, ответственный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает.

И вот, если мы, товарищи, это, хотя бы первое незнание поправим, то это будет громаднейшая победа. Мы с этого съезда должны уйти с убеждением, что мы этого не знаем, и будем учиться с азов...»*

И еще один пример: «Практически нужно доказать, что ты работаешь не хуже капиталиста... У тебя перевес перед капиталистами потому, что государственная власть в твоих руках, целый ряд экономических средств в твоих руках, ты не умеешь только ими пользоваться, смотри на вещи трезвее, скинь с себя мишуру, торжественное коммунистическое облачение, попросту учись

* Там же, стр. 19—20.

простому делу, и тогда мы побьем частного капиталиста...

Если мы капиталиста побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называемой Коммунистической партией, а всей трудящейся массы»*.

Так вождь партии с высокой трибуны партийного съезда перед всем народом критиковал ответственных коммунистов — партийных, советских, хозяйственных работников, чтобы довести до их понимания ту главную истину, что работать по-старому нельзя — гибельно для советской власти, — что необходимо быстро и решительно перестроиться и научиться работать по-новому.

Хорошо помню, с каким вниманием слушали делегаты съезда ленинскую критику, слушали без всякой обиды. Наоборот, подавляющее большинство их испытывали глубокое удовлетворение тем, что критика Ильича так метко была в цель, вскрывала самые главные недостатки в работе, ясно показывала, что упиваться прежними победами вредно, мобилизовывала на серьезную учебу, вызывала горячее стремление отдать все силы на решение новых задач.

Но среди делегатов были отдельные лица, находившиеся в состоянии растерянности перед трудностями и потерявшие перспективу, у которых ленинская критика наших недостатков вызвала повышенную нервозность и явный испуг. Этим людям Ленин спокойно и уверенно отвечал: «Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли от того, что зазнавались и не

* Там же, стр. 27.

умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях, и научимся преодолевать слабости»*. Эти знаменательные слова Ильича делегаты съезда встретили дружными аплодисментами.

Хочется отметить еще одну особенность политического доклада Ленина — при исключительной теоретической глубине, он был очень ярок по форме и весь как будто сверкал меткими и яркими остротами и шутками. Так, выражая свое нетерпимое отношение ко всякому очковитирательству и хвастовству, Владимир Ильич говорил: «Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, «комвранья», кажинный день и тошнехонько от этого бывает убийственно»**.

В другом месте, характеризуя «сменовеховство», как новое идейное течение буржуазии, Ленин заметил, что те «сменовеховцы», как Устрялов, которые открыто говорят классовую правду классового врага, менее для нас опасны, чем те из них, которые почти что коммунистами прикидываются, «так что издали, пожалуй, не отличишь, — может быть, что он в бога верует, — может — в коммунистическую революцию»***.

Эти и другие шутки и остроумные замечания вызывали у делегатов, несмотря на их огромную усталость от напряженной работы, дружный смех, бодрое, подъемное настроение.

Когда делегаты съезда слушали этот исключительно глубокий, яркий и вдохновляющий доклад, они не имели точного представления о болезни Владимира Ильича. Все мы думали тогда, что Ильич испытывает лишь неко-

* Там же, стр. 140.

** Там же, стр. 28.

*** Там же.

торое недомогание на почве чрезмерного переутомления, которое быстро пройдет. Теперь мы хорошо знаем, что уже в то время он был болен очень тяжело, жестоко страдал от постоянной бессонницы и головной боли. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Владимира Ильича в ЦК партии, написанное 23 марта 1922 года, то есть за несколько дней до открытия XI съезда, в котором он просил освободить его по болезни от участия в работе пленума ЦК, назначенного на 25 марта: «И заседания на пленуме и доклада на съезде я не осилю», — писал Ильич*.

Когда теперь с болью в душе читаешь это письмо и вспоминаешь доклад Ленина на съезде, то изумляешься, каким огромным запасом жизненных сил обладал Владимир Ильич, поражаешься огромной силе ленинского интеллекта. И не будет преувеличением сказать, что доклад тяжело больного Ленина на XI съезде РКП(б), его последний политический отчет ЦК партийному съезду — это большой подвиг.

После докладов об организационной деятельности ЦК и ревизионной комиссии, вечером 27 марта на съезде начались прения по отчету ЦК. Владимир Ильич сидел в президиуме с краю стола. На его бледном лице лежала печать утомленности. Но в течение всех прений Ленин внимательно слушал выступавших ораторов. Он никого не прерывал, не бросал ораторам вопросов или реплик, тщательно вел запись выступлений, изредка потирая свой большой лоб.

Слушая ораторов, Владимир Ильич иногда неодобрительно хмурился, порой на его лице появлялась лукавая улыбка. Если же выступавший бросал острую шутку, Владимир Ильич громко смеялся вместе с делегатами,

* Там же, стр. 610.

смеялся как-то особенно хорошо, просто, открыто, от всей души, очень весело и заразительно.

В конце третьего заседания съезда, 28 марта, прения были прекращены, и Ленину было предоставлено заключительное слово. В этой заключительной речи Владимир Ильич прежде всего дал достойную сокрушительную отповедь всем оппозиционным ораторам — Преображенскому, Осинскому, Ларину, Шляпникову и др. Все они на съезде никого не представляли, кроме самих себя, но выступали с критикой политической линии ЦК довольно шумно и крикливо. Глубоко и ярко Ленин вскрыл полную несостоятельность и вредность всех их предложений и убедительно показал, что все они в самом главном стреляли совершенно мимо цели и пытались столкнуть партию на неправильный и опасный путь, на путь срыва новой экономической политики и капитуляции перед капиталистическими элементами.

В ответ всем оппозиционным критикам Ленин при полном одобрении съезда заявил, что итоги и результаты нашей политики показывают, что крупных ошибок в работе Политбюро за этот период не было.

В ходе острой полемики с противниками партийной линии Владимир Ильич весь оживился, и следы усталости совершенно исчезли с его лица. Слушая его глубокую и меткую критику оппозиционных ораторов, делегаты удивлялись, как хорошо Ильич знал каждого из этих людей. Преображенского Ленин характеризовал как оторванного от жизни теоретика-доктринера, который читает программу буква за буквой и совершенно не замечает, что происходит вокруг. «А когда он подходит с точки зрения политической и административной, выходит нечто чудовищное»*. Осинский, по мнению Лени-

* Там же, стр. 142.

на, — очень энергичный и ценный практический работник в области сельского хозяйства, но когда он пускается в критику политики ЦК и пытается ее «исправить», то неминуемо попадает в оппортунистическое болото. А с какой прямо-таки убийственной иронией Ленин отвечал Юрию Ларину, который работал тогда членом коллегии Высшего Совета Народного Хозяйства. Владимир Ильич указывал, что Ларин очень талантливый публицист и мог бы принести большую пользу Республике, если бы занялся писанием учебников для молодежи. Но, по мнению Ильича, Ларин был безудержным фантазером, и поэтому всегда брался за то, за что братья не нужно, и вносил во всякую работу путаницу и дезорганизацию.

«Фантазия, — говорил Ленин, — есть качество величайшей ценности, но у тов. Ларина ее маленький избыток. Например, я бы сказал так, что если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо. А пока мы этой операции сделать не можем, до тех пор государственное, хозяйственное, плановое, экономическое дело предоставить Ларину нельзя»*. Делегаты весело аплодировали Владимиру Ильичу.

Особенно сокрушительную отповедь Ленин дал Шляпникову и Медведеву — главарям антипартийной фракционной «группы 22-х», которая, нарушив решение X съезда о партийном единстве, проводила чрезвычайно опасную раскольническую, дезорганизаторскую работу, пыталась сеять панику в рядах партии и рабочего класса в труднейших условиях первого года нэпа, когда партия, окруженная врагами, проводила трудное отступление.

* Там же, стр. 145.

Слушая выступления главарей этой группы, нельзя было не почувствовать, что Шляпников и Медведев уже в то время духовно порвали с Коммунистической партией и перестали быть людьми партии. В каждой фразе их выступлений сквозили наглое вероломство, ложь и злобная отравленная демагогия, рассчитанные на то, чтобы поколебать в рабочем классе доверие к партии. Запомнился следующий момент во время заключительной речи Ленина. Говоря об антипартийных выступлениях одного из участников «группы 22-х» — Мясникова Г., исключенного из партии, Ленин сказал: «Вот речи, какие здесь держал Шляпников, и не здесь держит т. Медведев». На наглую реплику, брошенную с места Медведевым, — «Кто вас информирует?» — Владимир Ильич резко ответил: «Меня информируют учреждения, установленные Съездом РКП: оргбюро, секретариат ЦК, ЦКК»*.

В словах Ленина чувствовался подлинный гнев.

Как известно, вопрос об антипартийном поведении Шляпникова, как члена ЦК, в соответствии с решением X съезда, обсуждался на специальном пленуме ЦК. В своем выступлении Шляпников с наглой цинической усмешкой заявлял — «Меня в ЦК судили...». Отвечая на это, Ленин говорил: «Есть вещи, которыми шутить не позволительно; есть такие вещи, как единство партии... Мы зря в ЦК судов не устраиваем! Суд над Шляпниковым был и не хватило в ЦК трех голосов, чтобы исключить его из партии»**.

Вся заключительная речь Ленина были проникнута духом непримиримости ко всяким идейным шатаниям, оппортунизму, ко всем оппозиционерам, нарушителям партийного единства и дисциплины.

* Там же, стр. 149.

** Там же, стр. 147—148.

По докладу ЦК на голосование съезда были поставлены две резолюции: первая, от имени бюро делегаций, была предложена товарищем Фрунзе; вторая — от имени шляпниковской «группы 22-х» — Медведевым.

Первая резолюция, всецело одобрявшая политическую и организационную линию ЦК, была принята съездом единогласно, при четырех воздержавшихся; вторая — не собрала ни одного голоса. Это была внушительная демонстрация единства рядов нашей партии, тесной сплоченности ее вокруг ЦК, возглавляемого Лениным. Делегаты съезда видели, что это несокрушимое единство коммунистических рядов глубоко радовало Владимира Ильича.

Покончив с обсуждением отчета ЦК, съезд перешел к обсуждению остальных вопросов порядка дня. Болезнь не позволила Владимиру Ильичу постоянно присутствовать на всех последующих заседаниях, но все же почти ежедневно он появлялся за столом президиума и внимательно слушал доклады и выступления товарищей.

Несмотря на болезнь, Ленин осуществлял руководство всей работой съезда. Его твердой опорой в этом были прежде всего те члены Центрального Комитета и ЦКК, которые составляли их основное, ленинское ядро, — товарищи Ворошилов, Дзержинский, Калинин, Петровский, Рудзутак, Сталин, Фрунзе, Ярославский, Чубарь, Киров, Сольц и другие. Большинство их вместе с Лениным были избраны в руководящий орган съезда, его президиум. Одновременно почти все они входили в состав создаваемых съездом различных комиссий и секций в которых при выработке окончательных текстов проектов решений съезда по всем важнейшим вопросам последовательно проводили ленинскую линию и его конкретные указания.

Хочется отметить следующее. На съезде мы, делегаты, имели возможность близко наблюдать черты характера Ленина и стиль его работы: умение внимательно выслушивать товарищей, коллективность в работе, простоту, скромность и дисциплинированность, непримиримое отношение ко всякой мелкобуржуазной распушенности и демагогии, высокую принципиальность в большом и малом, непримиримость ко всякой фальши.

Хочу рассказать об одном мелком инциденте, мало известном широким слоям коммунистов, особенно молодым членам партии, который произошел на последнем заседании съезда. На этом заседании принимались вынесенные комиссиями и секциями резолюции. Было уже поздно, и делегаты сильно утомились. Во время принятия резолюции «О печати и пропаганде» совершенно неожиданно делегат Рязанов Д. Б. внес предложение о запрещении печатать в партийных газетах коммерческие объявления, чтобы, как он выразился, «партийную печать избавить от этой ненужной пакости». Это совершенно неделовое предложение со стороны Рязанова не было случайностью: он уже давно зарекомендовал себя дезорганизаторским поведением и неоднократными грубыми нарушениями партийной дисциплины. Ввиду того, что дезорганизаторская деятельность Рязанова носила особенно вредный характер в профдвижении, ЦК партии 18 мая 1921 года вынес специальное постановление об отстранении его от всякой работы в профсоюзах. XI съезд РКП подтвердил это решение.

Рязанов имел привычку, уловив подходящий момент, выступить на том или ином партийном собрании, пытаясь оглушить и сбить с толку его участников громкими демагогическими фразами и протащить резолюцию против линии Центрального Комитета. Таким же образом он выступил и на съезде с предложением о запре-

щении печатать коммерческие объявления в партийных газетах. Так как подавляющее большинство местных газет были объединенными партийно-советскими органами, то это предложение практически касалось лишь одной «Правды». Оно противоречило всем решениям партии о новой экономической политике и ставило ее центральный орган в чрезвычайно трудное финансовое положение.

Однако из-за усталости делегатов и беспринципности председательствующего Каменева, который не только не указал на ошибочность и вредность предложения Рязанова, но по сути дела солидаризировался с ним, оно было принято съездом.

Ленин в это время отдыхал у себя в квартире, находившейся в том же здании, где работал съезд. Вероятно, сестра его — Мария Ильинична, работавшая секретарем редакции «Правды», безусловно сильно встревоженная этим решением, сразу же сообщила о нем Владимиру Ильичу. Ленин тотчас же появился в президиуме съезда. Делегаты, видевшие, как он шел по коридору, говорили, что Ильич очень торопился.

В записке Каменеву Ленин предложил поставить вопрос об исправлении явно ошибочного решения съезда об отмене объявлений в «Правде». Каменев не согласился с этим. Тогда Владимир Ильич обратился к съезду.

Прежде всего он извинился перед съездом за то, что вынужден просить его отступить от принятого регламента и дать ему 4—5 минут, чтобы высказаться против ошибочного решения. Получив разрешение, Ленин сначала резко заметил: «Когда я услышал, что съезд принял это решение... что защищал его тов. Рязанов... (Рязанов с места: «Это неверно»). — «Ну и прекрасно, —

* Там же, стр. 622.

продолжал Ленин, — что хоть одно несуразное решение прошло помимо Рязанова»*.

Но Рязанов сказал неправду, автором и этого несуразного решения был он. В короткой речи Владимир Ильич беспощадно высмеял его. «...Над этим можно было бы благодушно посмеяться, — говорил он, — а всерьез — что же мы делаем? Откуда возьмет деньги «Правда», которую вы лишили объявлений?»*.

В немногих словах он показал полную несостоятельность и вредность решения о запрещении печатания объявлений в «Правде» и предложил его отменить. Съезд принял предложение Ленина.

Такова суть этого незначительного инцидента, в котором так ярко проявились ленинская принципиальность и нетерпимость ко всякой фальши в партийных решениях, его скромность и огромный, непререкаемый авторитет.

Хорошо запомнился заключительный момент XI съезда. Вечернее заседание 2 апреля... Порядок дня съезда был полностью исчерпан. Все вопросы были решены, и в зале наступила торжественная тишина. Делегаты чувствовали важность наступившего момента и приготовились слушать традиционную заключительную речь Ленина, подводящую итоги работы съезда. Их взоры были устремлены на Владимира Ильича, сидевшего в центре среди членов президиума.

Ленин встал и тихо начал: «Товарищи! Мы подошли к концу работы нашего съезда». С чувством большой радости Владимир Ильич говорил: «Первое отличие, которое бросается в глаза при сравнении этого съезда с предыдущим, это — большая сплоченность, большее единодушие, большее организационное единство»**.

* Там же, стр. 622.

** Там же, стр. 521.

Съезд, указывал Ленин, явился живым доказательством неправоты наших врагов, постоянно твердивших, что Коммунистическая партия впадает в старчество и теряет гибкость. Наша партия, говорил он, показала силу и гибкость своей тактики, соединяя умение смело, быстро и решительно наступать на врага с умением отступить в революционном порядке. Отметив, что съезд постановил признать экономическое отступление законченным, Ленин выразил глубокую уверенность, что партия сумеет построить работу по-новому и добиться своей цели.

Когда Владимир Ильич сказал: «Объявляю XI съезд Российской Коммунистической партии закрытым», делегаты дружно запели гимн партии «Интернационал»... А когда кончили петь, зал долго еще сотрясался от грома аплодисментов.

Делегаты единодушно выражали свою глубокую удовлетворенность работой съезда и прощались с любимым вождем.

Владимир Ильич некоторое время продолжал стоять за столом президиума, тепло улыбался делегатам, затем всем поклонился и вышел из зала...

Так закончил свою работу XI съезд РКП(б), последний съезд нашей партии, в работе которого участвовал и которым руководил В. И. Ленин.

На другой день наша делегация выехала в Н. Новгород. Все мы — делегаты — переживали состояние большого душевного подъема, все чувствовали, что за несколько дней работы съезда выросли в идейно-политическом отношении на целую голову, все горели желанием скорее приступить к работе по практическому осуществлению ленинских решений съезда.

Закрывая XI съезд РКП(б), В. И. Ленин высказал пророческие слова: «Никакая сила в мире, сколько бы

зла, бедствий и мучений она ни могла принести еще миллионам и сотням миллионов людей, основных завоеваний нашей революции не возьмет назад, ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания»*.

В недавно прошедшие дни 50-летнего юбилея Советского государства всемирно-исторические завоевания нашей революции с чувством огромной радости приветствовало все трудящееся человечество Земли.

Каждый год удаляет от нас то время, в которое жил и работал Владимир Ильич Ленин; но с каждым годом возрастает величие Ленина, все полнее осуществляется его учение, его мысли и идеалы. И смерть оказалась бессилой перед величием Ленинского гения. Ленин был с нами в борьбе за выполнение планов первых пятилеток, в сражениях Великой Отечественной войны. Он с нами и теперь, когда народы Советского Союза под руководством Коммунистической партии практически решают великие задачи строительства коммунизма.

* Там же, стр. 521.

Сокращенный вариант воспоминания
был опубликован
в журнале «Вопросы истории КПСС» № 4,
за 1968 г.,
стр.104—108.

С. В. МАЛЫШЕВ

**В. И. ЛЕНИН
О НИЖЕГОРОДСКОЙ
ЯРМАРКЕ**

...14 апреля 1922 года я докладывал в СТО о результатах Ирбитской ярмарки. Моя деятельность и работа самой Ирбитской ярмарки в пределах поставленных перед нею задач признавалась успешной.

Спустя некоторое время Владимир Ильич сказал мне, что надо готовиться к Нижегородской ярмарке.

— Нынче мы думаем ее открыть и торговать на ней как следует. Так что вы поинтересуйтесь этим делом. Говорят, строения там сильно разрушены, надо восстанавливать. У вас, кажется, был строительный опыт по совету безработных, вы тогда что-то строили. Может быть, вы едете посмотреть? Нижегородцы смету составили, но она очень велика; мне сказали, что будто на 1 миллион 600 тысяч рублей. Таких денег мы не можем дать. Посмотрите, как можно сделать подешевле.

Вскоре при СТО была образована полномочная комиссия для восстановления Нижегородской ярмарки. В качестве уполномоченного СТО и этой комиссии я в апреле 1922 года отправился в Нижний Новгород для восстановления и строительства Нижегородской ярмарки. Смета Коммунхоза, которую мы положили в основа-

ние, по указанию Владимира Ильича, была нами сокращена до 180 тысяч рублей. Нам было ясно, что ухлопывать громадную сумму в простоявшие уже чуть ли не 100 лет старые здания нерационально. И нужно было только довести эти здания до такого состояния и вида, чтобы в них можно было торговать 5—8, может быть, 10 лет...

Из неоднократных бесед с Владимиром Ильичем можно было установить, что главная наша работа на ярмарке и на бирже заключалась в том, чтобы не допустить обмана государства кем-нибудь из частников. Владимир Ильич не раз мне указывал на то, что надо принять все меры и применить весь жизненный опыт, чтобы не допустить этого. По окончании Нижегородской ярмарки, приехав в Москву, я пришел в Кремль как раз в тот момент, когда Владимир Ильич, только оправившись от нездоровья, вышел в Совнарком и сам председательствовал. Проведя несколько вопросов, он объявил перерыв. Когда народ поднялся со своих мест, Владимир Ильич встал и направился в мою сторону. Здороваясь со мной с обычной сердечностью, Владимир Ильич спросил:

— Как прошла ярмарка? Удачно? Не надули они нас? Я надеюсь, что не надули?

— Я тоже, Владимир Ильич, думаю, что не надули, потому что мы применили все средства противодействия и всегда были в курсе их дел.

— Вы у нас человек-то плутоватый. Я уверен, что им не удалось вас надуть.

Я удивленно и смущенно посмотрел на него. А он сказал:

— Да, да, это ведь не плохо. Это хорошо, когда у нас есть люди, которые могут предупредить плутовство частника.

Во время перехода к нэпу Владимир Ильич не раз касался вопроса о частнике и приходил к тому, что придется допустить его, потому что необходимо было как можно быстрее развить товарооборот и научить наших коммунистов торговой работе, а это можно было сделать усвоением опыта частной торговли. И таким образом, на технике торговой работы частника мы обучали наших людей торговле и ускоренным путем развивали товарооборот страны. Конечно, это нам не дешево обошлось, но приходилось с этим мириться.

При этом надо было строго смотреть, чтобы частник не надувал нас. Нашей целью было использование инициативы и опыта частника, а после — полное оттеснение частника от товарооборота, организация всего дела товарооборота на коммунистической инициативе, сосредоточение его в руках советской кооперации и Советского государства.

Наказ Ильича был для нас руководством во всех наших работах как в ярмарочных, так и в биржевых делах, но сам Владимир Ильич из-за болезни не мог уже поддерживать нас в этой далеко не легкой и сложной работе...

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 2.
М., Госполитиздат, 1957,
стр. 115—116.

М. А. ВОНЧ-БРУЕВИЧ

**ИМЯ ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКИ СВЯЗАНО
С РАЗВИТИЕМ
СОВЕТСКОЙ РАДИОТЕХНИКИ**

Один из заветов Владимира Ильича:
«Специально следить
и всячески помогать
развитию радиотелефонной связи»

(Из статьи Н. Горбунова
«Как работал Владимир Ильич»,
«Известия ЦИК», 19/1 1924, № 19)

Нижегородской радиолaborатории Наркомпочтеля присвоено имя великого В. И. Ленина. Имя Владимира Ильича действительно исторически связано с радиолaborаторией. Владимир Ильич прекрасно понимал грядущее значение радио, и радиолaborатория многим обязана его деятельной поддержке в трудный период первых лет своего существования во время гражданской войны и всеобщей разрухи.

При самом зарождении Нижегородской радиолaborатории первая сумма денег (около 25 000 руб.), которая была необходима для начала организации радиолaborатории, была получена только благодаря записке Владимира Ильича Наркомфину. По его распоряжению радиолaborатория была поставлена на первоочередное

снабжение специальным пайком, что позволило материально обеспечить наиболее ценных ее работников и не отвлекать их от дела в тяжелое время продовольственного кризиса.

Когда в 1921 г. наступил поворот в экономической политике, Владимир Ильич, понимая, что новые условия тяжело отзовутся на бюджете радиолaborатории, поручает тов. Рейнштейну, едущему в Америку на съезд компартии, собрать среди сочувствующих коммунистическому движению американских деятелей средства для дальнейшего существования радиолaborатории. Этот план в общем не удался, хотя и нашел отклик среди таких людей, как, например, покойный Стейнмец.

В 1920 г. в Нижнем Новгороде был арестован один из сотрудников радиолaborатории, занимавший ответственную должность; автор настоящей заметки, лично с Владимиром Ильичем не знакомый, обратился к нему по этому поводу с письмом; вот ответ, который он получил:

«Михаил Александрович! Тов. Николаев передал мне ваше письмо и рассказал суть дела. Я навел справки у Дзержинского и тотчас же отправил обе просимые Вами телеграммы. Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете*, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать в этой и подобных работах.

С лучшими пожеланиями В. Ульянов (Ленин)**».

* Речь идет о разработке радиотелефонов и громкоговорителей.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51, стр. 130.

Среди технических проблем радиотелефон в связи с громкоговорителями особенно привлекал к себе внимание Владимира Ильича; разработка радиотелефона была поручена им радиолаборатории как задание первой очереди.

Московская радиотелефонная станция, явившаяся завершением этих работ, была построена по особому распоряжению, причем строитель ее П. А. Остряков получил мандат с широкими полномочиями за подписью Владимира Ильича, управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову было поручено общее наблюдение за ходом работ и устранение тех бесчисленных препятствий, которые в то время стояли на пути всякого строительства...

«Телеграфия и телефония без проводов»,
1924, № 23, март.

А. М. НИКОЛАЕВ

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАДИОСВЯЗИ

Неожиданно для нас самих небольшой актив радистов Наркомпочтеля пополнился крупнейшими специалистами радио во главе с известным изобретателем-инженером М. А. Бонч-Бруевичем. Прилив новых сил очень подкрепил наши надежды на успех дела. Это случилось таким образом: после проведения декрета о централизации радио, для ознакомления с людьми и оборудованием, имевшимся на радиостанциях, я выехал на Тверскую приемную радиостанцию, представлявшуюся мне обычной приемной станцией с мощной антенной, обслуживаемой тремя-четырьмя слушателями. Каково же было мое удивление, когда по приезде на станцию я нашел там солидную группу лиц — высококвалифицированных инженеров, техников и профессора Рижского политехникума В. К. Лебединского, крупного теоретика физики и радио. Ядро этой группы составляли Бонч-Бруевич, начальник радиостанции Лещинский, инженеры Остряков, Леонтьев, Салтыков и другие, — все с высшим образованием, люди военные, дисциплинированные, крупнейшие специалисты в области радио. Знакомая меня с оборудованием радиостанции, тов. Лещинский

после осмотра приемников провел меня в следующее отделение барака, занимаемого радиостанцией, и сказал: «А вот это для души; это наша маленькая радиолaborатория, где мои товарищи по службе занимаются исследованиями». Я вошел в отделение барака, где на столиках были расставлены приемники, аппараты, трансформаторы, связанные между собой тонкими проводничками. Это были рабочие схемы разных опытных установок. Показали мне несколько фокусов, которые радисты обычно показывают дилетантам — «соловья в приемнике», самозажигающуюся лампу и пр. При осмотре радиолaborатории я обратил внимание на лампочку необычного фасона. Во Франции, где я работал в радиолaborатории одной французской компании, мне приходилось иметь дело с радиолампами, да и в России я видел на наших станциях французские радиолампы, завезенные из Франции во время войны. Показанная мне лампа представляла из себя что-то новое. Оказалось, что инженер Бонч-Бруевич разрабатывает свой тип катодной лампочки, которая даст те же результаты, что и французская, но может быть изготовлена из отечественных материалов. Лампа, на которую я обратил внимание, была изготовлена целиком здесь, в лаборатории. Да ведь это же клад! Запасы французских ламп подходили к концу; оцепленные кольцом блокады, мы ниоткуда не могли получить этих ламп, а без них никакая работа по приему заграничных станций немислима. Но и кроме того, работа над катодной лампой была всеобщим увлечением специалистов за границей. Покойный Феррье (крупный французский ученый в области радио) говорил мне еще в 1914 г., что катодная лампа имеет большое будущее как генератор. Вспомнились мне эти слова. А тут в глуши, в бараке, где зимой насквозь свистит ветер, при наличии самого примитивного

оборудования создана эта самая катодная лампа, которой принадлежит будущее. Творцы этой лампы-генератора, превратившейся впоследствии в радиотелефон, увлеченные идеей создания своих радиоаппаратов, презирая лишения, голод и холод, самоотверженно трудились над великим делом.

Вечером мы собирались для беседы. Всем было понятно, насколько важно в условиях нашей изолированности от внешнего мира поставить массовое производство катодных ламп. Лампы нужны были теперь же — и в военном радиотелеграфе, и для организации приема по линии гражданской радиосвязи. Как воздух, нужны были катодные лампы. Надо было немедленно поставить массовое производство хотя бы и тех еще не совершенных образцов, которые изготовил Бонч-Бруевич. Но как это осуществить? Стеклодув один, оборудования нет, заготавливать «внутренности» лампы нечем, все приходится делать вручную. При таком положении в десять дней можно всем «штатом» приемной станции изготовить с трудом штук пять ламп, а их нужны сотни в день.

«А если бы у вас было подходящее помещение со своим источником электрической энергии, станки для штамповки — словом, все необходимое оборудование, и если бы так было поставлено снабжение продовольствием, чтобы ни один из вас, кроме завхоза, на это не тратил ни одной минуты, тогда можно рассчитывать, что вы сумеете наладить производство в таком размере, чтобы покрыть потребность в радиолампах?» — поставил я вопрос в конце нашей беседы. На меня большинство посмотрело как на насмешника. «Потребность-то и перекрыть можно было бы, — ответил кто-то, — да насчет условий — это уж, простите, отдает фантазией». А я уж думал, как расскажу Подбельскому и вместе с ним пойдем к Владимиру Ильичу. Удача с первым декретом

о централизации вселила веру: Владимир Ильич оценит по достоинству работу Бонч-Бруевича. Через Владимира Ильича, при его содействии добьемся всего и дело поставим на широкую ногу...

Возвратившись в Москву, я все рассказал Подбельскому и членам коллегии Залежскому и Семенову. Все очень заинтересовались этим делом. Тов. Подбельский хотел сам посмотреть, что там делается. Примерно дня через три-четыре поехали мы с ним в Тверь на радиостанцию. Повторился тот же показ радиостанции, все фокусы с передачей энергии на расстояние. Подбельский тут же заявил, что это дело надо всемерно развивать. Скептики стали доверчивее, мы уже вместе начали строить планы на будущее, рисовать дальнейшие перспективы. Вся надежда на Владимира Ильича. Да, бесспорно, он поддержит.

При первом же случае тов. Подбельский рассказал Владимиру Ильичу о нашей находке. Приезжает от него тов. Подбельский, говорит мне: «Надо подыскивать помещение для будущей радиолaborатории. Владимир Ильич хочет, чтобы вы сами ему рассказали, что делается на Тверской радиостанции». Через Л. А. Фотиеву уславливаюсь о встрече с Владимиром Ильичем. Желанный день наступил. С тревогой и волнением еду к нему. Вхожу. Владимир Ильич сидит за столом, наклонив могучий лоб над книгой. Поднимает глаза, приглашает садиться, свой стул повернул от стола бочком, нагнулся ко мне. «Ну, рассказывайте, что вы там нашли, в Твери. Мне Подбельский говорил, что-то очень ценное». С большим волнением начал я ему рассказывать. Вдруг неожиданный вопрос: «А вы-то сами откуда знаете это дело?» Я отвечаю, что работал во Франции, потом в радиомастерских... Во Владимире... Вижу едва заметную улыбку.

Излагаю ему наш план. Развернуть это дело подальше от Москвы, чтоб ВСНХ не «сцентрализовал» нас, когда дело производства радиоламп и аппаратов развернется на широкую заводскую ногу. Владимир Ильич рассмеялся. Потом стал задавать вопросы. Его интересовали и люди, и производство. Он подробно расспрашивал об условиях, в которых живут работники Тверской радиостанции, спрашивал, сколько нам нужно катодных лампочек, чтобы ни одна приемная станция не прекратила работы (не «оглохла»).

Помню, что, узнав о тяжелых условиях работы и нужде, он сам заговорил об окладах специалистов. «Не надо допускать, чтобы их время уходило на стояние в очередях. Внесите в СНК вопрос об окладах и снабжении». Несколько дней спустя в связи с этим указанием Владимира Ильича были установлены высокие оклады основным работникам Тверской радиостанции. Одновременно им был предоставлен хороший продовольственный паек.

Хотя и долго задержался я у Владимира Ильича, гораздо больше назначенного времени, но как будто и не все еще выяснилось, не обо всем было договорено. Владимир Ильич, прощаясь, говорил: «Держите меня в курсе дела — пишите коротенькие записочки». Ушел я от Владимира Ильича с большой зарядкой. Чувствовал еще острее всю важность и ответственность дела, и вместе с тем как будто во мне прибыли силы, и бодрости стало больше. Это ощущение зарядки я всегда испытывал и впоследствии при неоднократных встречах с Владимиром Ильичем. При упадке энергии или при каком-нибудь затруднении достаточно было его звонка, как снава и верилось, и работалось во много раз лучше.

Началась горячая пора по созданию настоящей радиолоборатории. В поисках помещения были направле-

ны люди в Саратов, Самару, Казань, Нижний. Наконец, в Нижнем нашли наиболее подходящее помещение — большой трехэтажный корпус бывшей духовной семинарии, куда и переехали работники Тверской радиостанции. Тов. Лещинский был назначен управляющим радиолобораторией, Бонч-Бруевич — руководителем технической и научной части, а профессор Лебединский стал готовиться к изданию журнала. Вся активная научно-техническая группа работников перекочевала в Нижний Новгород, в лучшие условия, с хорошими окладами, с привилегированным пайком. Все были счастливы и рады, что действительно создаются такие условия для работы, о которых можно было только мечтать. Не в пример агентам Временного правительства большевики на деле показали, как они ценят науку и технику. Все это произошло довольно быстро. Скептицизм, с которым я был встречен месяца полтора-два тому назад в Твери, исчез бесследно. Лед растаял, и мы все дружно, каждый на своем участке принялись за дело организации радиолоборатории.

На заседаниях СНК или СТО Владимир Ильич часто обменивался со мной записочками — то о ходе оборудования радиолоборатории, то о приеме новых специалистов. Однажды я на заседании сообщил ему, что удалось перехватить оборудование физического кабинета эвакуированного Рижского политехникума. Прочитав записку, он одобрительно кивнул головой и послал мне записку с таким примерно вопросом: «А когда можно начать изготавливать радиолампы в большом количестве? Хорошо ли идет снабжение?» Так жаль, что не сохранил я все эти записки! Если бы их собрать все, то получился бы хороший образец того, как надо следить за делом, как надо направлять работу и как проверять исполнение.

Владимир Ильич не ограничивался этими маленькими листочками из своего настольного блокнотика. Он поручал Л. А. Фотиевой проверять исполнение его поручений и следить за своевременными ответами на его вопросы. От Владимира Ильича получал я маленькие записочки, адресованные и другим товарищам, преимущественно работникам ВСНХ и Наркомпрода, когда нужно было какое-либо оборудование или если случались перебои со снабжением. Его могучий мозг все схватывал, все контролировал, никакие мелочи не ускользали от его внимания. Владимир Ильич рассматривал вопрос со всех сторон и вникал в него до самой глубины. Может быть, благодаря именно этой своей гениальной способности он так умел открывать собеседнику глаза. И действительно, после беседы с ним по любому вопросу как-то по-другому представлялось дело. И все было так просто, что казалось странным, как же это ты сам раньше не усмотрел!

Весь период со дня переезда из Твери до конца года ушел на организацию радиолaborатории, на добывание всякого оборудования, аппаратов, на монтаж этого оборудования. Работа шла ударными темпами. Попутно привлекался необходимый персонал для механической мастерской. Шла успешная подготовка к массовому производству катодных ламп для приемников. Профессор Лебединский готовил к выпуску номер журнала «Телеграфия и телефония без проводов». Впоследствии этот журнал сыграл большую организующую роль. Он проник и за границу, через него стали известны в Европе и Америке работы радиолaborатории. Бонч-Бруевич заканчивал все подготовительные работы для массового производства катодных реле (радиоламп) и приступал к изыскательной и конструкторской работе над ламповым передатчиком дальнего действия. Разрабатывался

план работ радиолоборатории. Видно было, что небольшой актив, который имелся в радиолоборатории, становился явно недостаточным для охвата того круга проблем, которые выдвигались самой жизнью, и надо было думать над собиранием кадров высококвалифицированных научных работников. Так началось собирание научных сил.

К концу года уже выяснилась физиономия радиолоборатории и ее роль в радиотелеграфном деле. Нужно было в законодательном порядке закрепить то, чего мы ждали от нее и что она могла дать. Наступил момент, когда нужно было утвердить ее права, цели и обязанности.

Однажды я делал Владимиру Ильичу, по его предложению, устный доклад о положении дел в радиолоборатории. Владимир Ильич подробно расспрашивал обо всем. Он очень заинтересовался работой Бонч-Бруевича над передатчиком дальнего действия и напирал на то, что нам особенно нужны радиостанции самого дальнего действия, станции для заграничной информации. Он ставил также вопрос о расширении приемной сети радиостанций, сам прикидывал, где надо установить приемники, вникал во все детали. Как всегда, ни одна мелочь не ускользала от его внимания. По каждому вопросу он имел свое мнение, никогда не удовлетворялся подсказанным и каждое предложение умел искусно анатомировать и извлекать из него самое существенное для данной практической цели. Вопросы, которые он задавал собеседнику, были наглядным уроком того, как надо подходить к делу.

После беседы с Владимиром Ильичем было решено, что Наркомпочтель внесет на утверждение Совнаркома положение о радиолоборатории. Это второй важнейший декрет в области радио, подписанный Лениным 2 декаб-

ря 1918 г. и разработанный по его указанию. Основные установки этого декрета сводились к следующему: «Радиолaborатория с мастерской Народного Комиссариата почт и телеграфов является первым этапом к организации в России Государственного Социалистического Радиотехнического Института, конечной целью которого является объединение в себе и вокруг себя в качестве организующего центра:

а) всех научно-технических сил России, работающих в области радио, телеграфа;

б) всех радиотехнических учебных заведений России;

в) всей радиотехнической промышленности России».

Радиолaborатория представляла всем работникам науки и техники «возможность бесплатного производства опытов и изысканий».

Радиолaborатория ставила своей целью:

«...а) производство научных изысканий в области радиотелеграфии, радиотелефонии и в смежных областях физических наук;

б) техническую разработку и конструктивное выполнение радиотехнических приборов как по собственному почину, так и по заданиям ведомств;

...д) техническую консультацию по специальным вопросам, составление правил и норм, рассмотрение изобретений». Это было, помню, добавлено Владимиром Ильичем, равным образом как и последняя конкретная часть положения:

«...Радиолaborатория с мастерской имеет ближайшими конкретными заданиями:

а) организацию производства катодных реле... (радиоламп.— А. Н.) до 3000 штук в месяц;

б) разработку типовой приемной радиостанции для Народного комиссариата почт и телеграфов;

в) разработку радиотелеграфных передатчиков дальнего действия»*.

Эта последняя часть предполагалась нами как задание, исходящее от Наркомпочтеля, но по предложению Владимира Ильича это было включено в постановление правительства, «чтобы было покрепче».

Декреты о радио, вносимые в СНК или СТО Наркомпочтелем, все без исключения проходили без существенных изменений. Дело в том, что, прежде чем вносить в СНК или СТО какой-нибудь декрет, я предварительно беседовал с Владимиром Ильичем об основных положениях декрета. Иногда в беседе с ним у меня был на руках проект, и уже после такой «проработки» Наркомпочтель вносил декрет на утверждение в СНК.

Владимир Ильич никогда не давал обещания поддержать тот или иной вопрос, вносимый в СНК, да я после одного случая никогда и не просил его об этом. Не помню, о каком вопросе шла речь; помню только, что я просил его поддержать в СНК представляемый проект постановления и заметил, что он был не особенно этим доволен. «Вносите в СНК и защищайте, а там — как большинство», — ответил он мне довольно сухо. Я понял, что больше повторять этих просьб не следует. В дальнейшем, когда он сам говорил: «Вносите в СНК», — для меня было ясно, что с его стороны поддержка будет.

Так было с положением о радиолaborатории и с другими более или менее серьезными постановлениями СНК или СТО по вопросам связи.

* С. у. 1918, № 91—92, ст. 925.

П. А. ОСТРЯКОВ

ГАЗЕТА БЕЗ БУМАГИ И «БЕЗ РАССТОЯНИЙ»*

Разработав схемную часть радиотелефонного передатчика, М. А. Бонч-Бруевич решает и вторую задачу — изготавливает лампу, на аноде которой может рассеиваться несколько большая мощность благодаря применению массивной конструкции его. 11 января 1920 года в радиолaborатории производится первая проба радиотелефонной передачи; через четыре дня, 15 января, происходит опытная радиотелефонная передача из Нижнего в Москву при 30 ваттах мощности в антенне.

Ряд затруднений в работе радиолaborатории вынудил М. А. Бонч-Бруевича обратиться с просьбой о содействии прямо к Владимиру Ильичу Ленину. Автор этих строк едет в Москву, передает письмо Бонч-Бруевича через одного из членов коллегии НКПиТ** Ленину и с ответом Владимира Ильича возвращается в Нижний. Так было получено хорошо известное в настоящее время.

* Воспоминания П. А. Острякова полностью опубликованы в кн.: П. А. Остряков. Михаил Александрович Бонч-Бруевич. Москва, Связьиздат, 1953.

** Народный комиссариат почт и телеграфов (Наркомпочтель). — *Ред.*

мя всем советским радистам письмо Владимира Ильича, датированное 5 февраля 1920 года.

С гениальной прозорливостью Владимир Ильич в этом письме оценивает перспективы радиотелефонии:

«Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам»*.

Через полтора месяца, 17 марта 1920 года, Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Обороны, в котором говорится:

«1. Поручить Нижегородской радиолaborатории Наркомпочтеля изготовить в самом срочном порядке, не позднее двух с половиной месяцев, Центральную Радиотелефонную станцию с радиусом действия 2000 верст.

2. Местом установки назначить Москву и к подготовительным работам приступить немедленно».

Это постановление правительства поставило М. А. Бонч-Бруевича перед сложной задачей. Если схема передатчика была по существу уже решена, то вопрос о мощных лампах делал задачу в целом, как казалось на первый взгляд, совершенно неразрешимой.

Алюминиевый массивный анод нужного решения не дал, не допуская рассеяния значительной мощности. Становиться на путь применения большого количества маломощных ламп?

После ликвидации блокады из полученной зарубежной литературы было видно, что именно на такой путь стала фирма Маркони, применив более 100 ламп в ламповом передатчике в Карнарвоне, а также американцы,

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51, стр. 130.

поставив 300 ламп в Арлингтоне. Нет, надо идти принципиально иным путем.

— Будь в наличии тугоплавкие тантал или молибден,— размышлял Бонч-Бруевич,— это позволило бы создать тугоплавкий анод и повысить рассеиваемую мощность. Но выплавки и проката этих металлов в России не было, а сейчас страна в блокаде и добыть эти металлы из-за границы безнадежно.

Но на столе Бонч-Бруевича в радиолоборатории лежит письмо Владимира Ильича. Оно давно уже выучено наизусть. Оно говорит о газете без бумаги и «без расстойаний». Значит, поставленная Лениным задача должна быть решена. Значит, надо искать другие варианты. Нельзя же из-за отсутствия тантала идти на моральный крах — признать свое бессилие, говорить, что задача невыполнима!

Трудные это были времена для работы. Ночью город погружался в непроглядную тьму, не было не только молибдена или тантала, не хватало хлеба и топлива. В пальто и в шапке сидел Бонч-Бруевич в лаборатории, снова и снова возвращаясь к мысли о задаче, поставленной Владимиром Ильичем. Ведь только подумать: сам Ленин при своей исключительной нагрузке, постоянной занятости неотложными вопросами, нашел время написать ему, Бонч-Бруевичу! Сам Ленин говорил о радиотелефоне! Сам Ленин думает об этом! Это значит: задача стоит в одном ряду с теми, которые обдумывает Ленин. Воля вождя должна быть выполнена во что бы то ни стало. И опять мысли Бонч-Бруевича вертятся вокруг отсутствующего тантала и вытекающих отсюда осложнений...

В конце 1920 года по Хорошовскому шоссе, мимо Ваганьковского кладбища, катился грузовик. В ненастных сумерках содержимое грузовика смахивало на теат-

ральные декорации. В действительности же на грузовик были погружены фанерные панели макета радиотелефонного передатчика мощностью 5 киловатт, собранного в Нижегородской радиолaborатории. Тут же притулились и сами экспериментаторы. Они спешили на Ходынскую радиостанцию. Под ее мачтами должен был начать свою опытную работу макет передатчика и передать радиотелефонограмму в Берлин. Там эту передачу должны были слушать инженеры фирмы Телефункен. У них действующего радиотелефона не было. Надежды на успешность задуманного опыта были твердые: два месяца назад работа радиотелефонного передатчика была успешно принята в Обдорске и в Ташкенте.

Через сутки макет передатчика был установлен и, когда до семи часов по средневропейскому времени осталось не более получаса, тогда вдруг спохватились насчет текста передачи. Это приехавший из наркомата переводчик поинтересовался, а что, собственно, надо перевести и передать по радио. Все участники предстоящего опыта принялись за коллективное сочинительство. Как ни старались братья-сочинители, но избыток чувств давал себя знать и каждая вносимая на обсуждение телефонограмма изрядно смахивала на письмо запорожцев турецкому султану. Из-за дискуссий по поводу текста опоздали с началом передачи на 5 минут, в течение которых представитель НКПиТ, находившийся с инженерами фирмы Телефункен на немецком приемном пункте — станции Гельтов — сгорал от стыда, а инженеры фирмы участливо соболезновали. Через 5 минут роли переменялись: теперь уже соболезновал инженерам фирмы представитель НКПиТ, а они сконфуженно оправдывались.

Односторонний радиотелефонный разговор с Берлином был для М. А. Бонч-Бруевича счастливым моментом

его жизни. Он оправдал доверие Ленина, он выполнил задание Ленина, показав осуществимость газеты без бумаги и «без расстояний».

Учитывая результаты опыта на Ходынской радиостанции, В. И. Ленин дал задание Наркомпочтелю подготовить проект декрета о сооружении радиотелефонной станции в Москве и указать кандидатуру начальника строительства. Когда проект декрета был представлен, а кандидатом в начальники стройки был назван автор этих строк, Владимир Ильич 26 января 1921 года пишет управляющему делами Совнаркома:

«...Этот Бонч-Бруевич (не родня, а только однофамилец Вл. Дм. Бонч-Бруевича), по всем отзывам, крупнейший изобретатель. Дело гигантски важное (газета без бумаги и без проволоки, ибо при рупоре и при приемнике, усовершенствованном Б.-Бруевичем так, что приемников легко получим сотни, вся Россия будет слышать газету, читаемую в Москве).

Очень прошу Вас.

1) следить специально за этим делом, *вызывая Острякова и говоря по телефону с Нижним;*

2) провести прилагаемый проект декрета ускоренно через Малый Совет. Если не будет быстро единогласия, обязательно приготовить в Большой СНК ко вторнику.

3) сообщать мне 2 раза в месяц *о ходе работ**.

Вслед за этой запиской, в которой Владимир Ильич подчеркнул оперативные моменты, он 27 января 1921 года подписывает декрет о радиотелефонном строительстве, в котором говорится:

«Ввиду благоприятных результатов, достигнутых Нижегородской радиолaborаторией по выполнению возло-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52, стр. 54.

женных на нее постановлением Совета Труда и Оборона от 17 марта 1920 г. заданий по разработке и установке телефонной радиостанции с большим радиусом действия — Совет Народных Комиссаров постановил:

Поручить Народному Комиссариату Почт и Телеграфов оборудовать в Москве и наиболее важных пунктах Республики радиоустановки для взаимной телефонной связи».

Далее намечалась широкая программа радиотелефонного строительства и подчеркивалась особая государственная важность и исключительная срочность этих заданий, которые причислялись к группе ударных работ.

Изготовление большой серии радиотелефонных передатчиков и приемников было снова поручено Нижегородской радиолaborатории. Высшему Совету Народного Хозяйства поручалось принять срочные меры к расширению и оборудованию мастерских Нижегородской радиолaborатории.

Срок постройки радиотелефонной станции в Москве Владимиром Ильичем был установлен в 6 месяцев. Это был очень сжатый срок. М. А. Бонч-Бруевич должен был, прежде чем построить мощный передатчик, усовершенствовать свои охлаждаемые водой лампы. Он успешно справляется с работой, доведя рассеяние мощности на аноде до 1,2 киловатта. Генераторная часть радиотелефонного передатчика должна была состоять из 8 таких ламп; столько же ламп предполагалось поставить в модулятор. Мощность, отдаваемая генератором, как ожидалось, достигнет 10—12 киловатт. По тем временам это должна была быть самая мощная не только в СССР, но и во всем мире радиостанция. На Западе и в США не было мощных генераторных ламп и не могло быть поэтому и мощной радиостанции.

Хуже шли дела у строителя радиостанции, который должен был строить здание и мачты в Москве и в то же время обеспечивать работы лаборатории в Нижнем, где положение к тому времени весьма осложнилось: город остался без топлива и Нижегородская электростанция остановилась — сказывались последствия гражданской войны. В довершение всех бед прекратил работу в Петрограде завод «Нефтегаз», поставляющий лаборатории баллоны с сжатым газом, которые еще с 1918 года по идее В. Н. Подбельского перевозились в Нижний в почтовых вагонах.

Однако работу по изготовлению передатчика и мощных ламп для него ни срывать, ни откладывать нельзя. Значит, надо строить свою небольшую электростанцию и миниатюрный газовый «завод». На это срочно понадобились деньги.

Спешно привезли два дизель-генератора по 150 лошадиных сил из Детскосельской радиостанции и начали строить здание электростанции во дворе радиолaborатории. Удалось почти окончить кладку стен, но на этом строительство прекратилось. Для дальнейших работ не хватило денег. Сметами эти работы не предусматривались. Тогдашние руководители НКПиТ вообще считали, что собственная электростанция радиолaborатории не нужна, можно подождать подвоза топлива на городскую электростанцию. Поэтому обращения в НКПиТ, а затем в Наркомфин оказались безрезультатными.

У Владимира Ильича

Автору этих строк хорошо памятен день, когда он, обегав в Москве все инстанции и испробовав все возможности, вернулся в Московское отделение Нижегородской радиолaborатории на Большую Дмитровку (ны-

не Пушкинская улица), 22, с пустыми руками. Положение казалось безвыходным. Везде было категорически отказано. Между тем для продолжения строительства позарез нужно было 35 тысяч рублей.

Мелькнула в голове мысль: обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу. Несмотря на всю кажущуюся нелепость такого выхода, он оставался единственным. Итак, решено: надо обратиться непосредственно к Владимиру Ильичу. Лучше всего написать ему письмо.

Вывав из ученической тетрадки два листка, я набросал это письмо. Я очень волновался, когда писал его. Чем дальше писал, тем более волновался. Получилось четыре страницы. Перечитать написанное я уже не мог, меня охватил припадок нервной лихорадки.

Запечатав письмо в конверт, я надписал адрес, выбежал на улицу, взял извозчика и поехал к Троицким воротам Кремля, находящимся около манежа. Сдал письмо в окошечко для почты и пешком вернулся на Б. Дмитровку. Это было около двух часов дня.

Приблизительно через час в моей комнате раздается телефонный звонок.

— Говорит секретарь Совнаркома. Это вы писали Владимиру Ильичу?

— Я!

— Приезжайте сейчас в Кремль. Он вас примет!

От неожиданности я растерялся. К докладу Владимиру Ильичу я совершенно не был подготовлен. Кое-как собравшись с мыслями, я набросал краткий конспект того, что нужно доложить Владимиру Ильичу. Решил взять с собой отштампованный кусок стали от машины высокой частоты, которую строил в Нижнем Новгороде В. П. Вологдин. Из таких листков стали толщиной в доли миллиметра собирались пакеты, а из пакетов — статор машины. Сталь эту В. П. Вологдину удавалось

прокатывать на одном из заводов Урала. Взял с собой и некоторые детали электронных ламп.

Вот я опять у Троицких ворот, а потом в секретариате Совнаркома. Секретарь сказала мне, что я должен немного подождать.

Минут через двадцать через одну из дверей вышел какой-то крестьянин, по-видимому, ходок. По возбужденному лицу, горящим глазам посетителя я понял, что там, за дверью кабинета,— Ленин. Действительно, мне предложили туда войти...

Владимир Ильич протянул мне руку и сказал (конечно, первые слова Владимира Ильича, ходившего по кабинету, врезались в память):

— Если вы будете писать мне в следующий раз — печатайте на машинке. Я с трудом прочел ваше письмо.

Я ответил что-то насчет того, что я и не очень надеялся, что письмо дойдет до него.

— Тогда для чего же вы мне его писали?

Ответить на этот вопрос мне было нечего.

— Ну, рассказывайте, что у вас там произошло?

Я коротко изложил положение, в котором оказалась постройка электростанции, рассказал, почему она необходима, что такое электронная лампа и для чего она нужна. Показал детали и лист стали от машины высокой частоты.

Владимир Ильич внимательно меня выслушал, взял телефонную трубку, вызвал Наркомфин, и вопрос о получении денег был сразу же решен. Деньги я получил на следующий день.

Вся эта беседа заняла минут двадцать. Я поднялся и собрался было уже уходить, но Владимир Ильич остановил меня и спросил, знаю ли я изобретателя Чейко. Я ответил, что знаю.

— Что же вы думаете об его изобретении?

Я сказал, что, по-моему, все это дело похоже на авантюру. Владимир Ильич неодобрительно взглянул на меня, нахмурился и предложил подробно объяснить, почему я так думаю.

Дело было в следующем. Незадолго до описываемых мною событий в Нижегородскую радиолaborаторию был прислан этот изобретатель Чейко. Он, по его словам, изобрел способ производить взрывы на расстоянии при помощи электромагнитных волн. В стенах радиолaborатории его работы были засекречены, и мы к нему не входили. Однако по той аппаратуре, которую он требовал со склада, было ясно, что порошу ему не выдумать, а тем более не взорвать. Вот почему я и позволил себе так резко отозваться об этом изобретении.

Мне пришлось, однако, по требованию Владимира Ильича изложить более мотивированные объяснения. Я доложил Владимиру Ильичу, что на мой взгляд, изобретая способ взрыва на расстоянии с помощью электромагнитных волн, можно идти двумя путями. Первый путь — это направить пучок волн такой частоты, которая бы вызвала какие-то собственные колебания в молекулярной, а может быть и атомной структуре взрывчатки, например пироксилина. Здесь встает вопрос о микроволнах, микроколебаниях электронной структуры материи. Второй способ — это направить на пироксилиновую шашку пучок лучей, может быть, просто тепловых, и без явлений резонанса, чисто насильственным, вынужденным способом заставить ее загореться, а потом и взорваться, что, впрочем, для пироксилина необязательно.

Что же касается изобретателя Чейко, то он не работает ни над той, ни над другой потенциальной возможностью. Это видно по аппаратуре, которой он пользуется.

В то время, как я все это излагал Владимиру Ильичу, мне пришлось касаться вопросов электронной теории, строения вещества, электромагнитных волн. Ответные реплики Ленина приводили меня порой в смущенье. «Откуда он все это знает?» — нередко мелькала мысль.

Лишь через несколько лет я прочел классическую работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», книгу столь необходимую для каждого инженера, и увидел, что мое изложение электронной теории на самом деле не требовалось. Эрудиция Владимира Ильича как теоретика-физика была столь же необъятна, как и социолога.

Первая радиотелефонная станция

На этом моя беседа с Владимиром Ильичем закончилась. Я получил приказание доносить ему о ходе работ как по постройке электростанции в Нижнем Новгороде, так и по вскоре начавшейся стройке радиотелефонной станции. Мне был выдан мандат за личной подписью Владимира Ильича, датированный 18 февраля 1921 года за № 1505. В этом мандате говорилось:

«Радиотелефонное строительство признано чрезвычайно важным и срочным, в силу чего:

1. Председателю совета Нижегородской радиолaborатории тов. *Острякову* вменено в обязанность использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для скорейшего окончания работ по постройке радиотелефонных станций...»

Силовая электростанция и газовый завод были построены в срок, но назначенные шесть месяцев для окончания работ по строительству радиотелефонной станции

прошли, а она готова не была. Причины невыполнения задания в срок разбирала Л. А. Фотиева. Перед ней сидели строитель станции — автор этих строк, и председатель ВСНХ. Срок окончания работ по строительству был отодвинут, а постановлением Совнаркома строителю был объявлен выговор за срыв этого срока, председателю ВСНХ — выговор за непринятие исчерпывающих мер.

Прочитав заметку об этом в «Известиях ВЦИК», строитель станции меланхолично вспомнил полученные им в молодости три наряда вне очереди за зарядку аккумулятора для Бонч-Бруевича в умывальной комнате инженерного училища и решил, что ему, очевидно, так на роду и написано — получать колотушки при совместной работе со своим патроном. Однако по окончании строительства радиотелефонной станции строитель ее также в «Известиях ВЦИК» прочел, что постановлением Совнаркома ряду руководителей и участников строительства, в том числе и ему, объявлена благодарность и назначена премия.

Так была построена в 1922 году в Москве на Вознесенской улице (ныне улица Радио) за Курским вокзалом радиотелефонная ламповая станция. Ее эксплуатация началась 21 августа 1922 года, а 17 сентября 1922 года был дан первый большой радиоконцерт с участием Н. А. Обуховой и других выдающихся артистов Советской республики. Через эту станцию и началась регулярная передача «газеты без бумаги и «без расстояний».

За несколько месяцев до пуска станции Владимир Ильич в письме своем от 11 мая 1922 года пишет наркомупочт и телеграфов:

«Прочитал сегодня в «Известиях» сообщение, что Нижегородский Совет возбудил ходатайство перед ВЦИК о предоставлении Нижегородской радиолabora-

тории ордена Трудового Красного Знамени и о занесении профессоров Бонч-Бруевича и Вологодина на красную доску.

Прошу Вашего отзыва. Я, с своей стороны, считал бы необходимым поддержать это ходатайство...»

Далее в этом же письме Владимир Ильич поручает народному комиссару почт и телеграфов прислать «...по возможности самый короткий отзыв Бонч-Бруевича о том, как идет его работа по изготовлению рупоров, способных передавать широким массам то, что сообщается по беспроволочному телефону».

Владимир Ильич еще раз напоминает:

«Эти работы имеют для нас исключительно важное значение ввиду того, что их успех, который давно был обещан Бонч-Бруевичем, принес бы громадную пользу агитации и пропаганде»*.

Примерно через неделю Владимир Ильич вновь возвращается к вопросу о радиовещании. 19 мая 1922 года он диктует по телефону письмо И. В. Сталину с просьбой переслать это письмо в круговую всем членам Политбюро. Ознакомившись с докладом Бонч-Бруевича о работах по радиовещанию, Владимир Ильич пишет:

«Товарищ Сталин,

...Этот Бонч-Бруевич, доклад которого я прилагаю, — крупнейший работник и изобретатель в радиотехнике, один из главных деятелей Нижегородской радиолaborатории.

Из этих докладов видно, что в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроволочному радиосообщению

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51, стр. 255.

живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции, делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике, отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст...

Поэтому я думаю, что ни в коем случае не следует жалеть средств на доведение до конца дела организации радиотелефонной связи и на производство вполне пригодных к работе громкоговорящих аппаратов...*

В тот же день в дополнительном письме Владимир Ильич еще раз подчеркнул, что финансирование радиолaborатории из золотого фонда он считает возможным при условии, что радиолaborатория максимально ускорит разработку усовершенствования и производства громкоговорящих телефонов и приемников.

19 сентября 1922 года после пуска Московской радиотелефонной станции Нижегородская радиолaborатория получила высокую правительственную награду: орден Трудового Красного Знамени. В том же постановлении ВЦИК особо отмечал деятельность научных руководителей лаборатории: М. А. Бонч-Бруевича, В. П. Вологодина, А. Ф. Шорина.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45, стр. 194, 195.

Бесконечно обаятельным
был Владимир Ильич как человек.

В нем сочетались
величайшая прозорливость
и мудрость —
и покоряющая простота,
скромность;
суровость и непримиримость
к классовым врагам —
и трогательная внимательность
к товарищам,
любовь к людям, любовь к детям,
постоянная забота о благе народа,
страстная преданность делу партии,
делу рабочего класса,
величайшая убежденность
в правоте
и справедливости этого дела.

В. И. Ленин. Биография.

А. М. ГОРЬКИЙ

В. И. ЛЕНИН

Владимир Ленин умер.

Даже некоторые из стана врагов его честно признают: в лице Ленина мир потерял человека, «который среди всех современных ему великих людей наиболее ярко воплощал в себе гениальность».

Немецкая буржуазная газета «Prager Tageblatt», напечатав о Ленине статью, полную почтительного удивления перед его колоссальной фигурой, закончила эту статью словами:

«Велик, недоступен и страшен кажется Ленин даже в смерти».

По тону статьи ясно, что вызвало ее не физиологическое удовольствие, цинично выраженное афоризмом: «труп врага всегда хорошо пахнет», не та радость, которую ощущают люди, когда большой беспокойный человек уходит от них, — нет, в этой статье громко звучит человеческая гордость человеком.

Пресса русской эмиграции не нашла в себе ни сил, ни такта отнестись к смерти Ленина с тем уважением, какое обнаружили буржуазные газеты в оценке лично-

сти одного из крупнейших выразителей воли к жизни и бесстрашия разума.

Писать его портрет — трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе. Был он прост и прям, как все, что говорилось им.

Героизм его почти совершенно лишен внешнего блеска, его героизм — это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей.

То, что написано мною о нем вскоре после его смерти, — написано в состоянии удрученном, поспешно и плохо. Кое-чего я не мог написать по соображениям «такта», надеюсь, вполне понятным. Проницателен и мудр был этот человек, а «в mnogой мудрости — мно́го печали».

Далеко вперед видел он и, размышляя, разговаривая о людях в 19—21 годах, нередко и безошибочно предугадывал, каковы они будут через несколько лет. Не всегда хотелось верить в его предвидения, и нередко они были обидны, но, к сожалению, не мало людей оправдало его скептические характеристики. Воспоминания мои о нем написаны, кроме того что плохо, еще и непоследовательно, с досадными пробелами. Мне следовало начать с Лондонского съезда, с тех дней, когда Владимир Ильич встал передо мною превосходно освещенный сомнениями и недоверием одних, явной враждой и даже ненавистью других.

Я и сейчас вот все еще хорошо вижу голые стены смешной своим убожеством деревянной церкви на окраине Лондона, стрельчатые окна небольшого, узкого зала, похожего на классную комнату бедной школы. Это

здание напоминало церковь только извне, а внутри ее — полное отсутствие предметов культа, и даже невысокая кафедра проповедника помещалась не впереди, в глубине зала, а — у входа в него, между двух дверей.

До этого года я не встречал Ленина*, да и читал его не так много, как бы следовало. Но то, что удалось мне прочесть, а особенно восторженные рассказы товарищей, которые лично знали его, потянуло меня к нему с большой силой.

Когда нас познакомили, он, крепко стиснув мою руку, прощупывая меня зоркими глазами, заговорил тоном старого знакомого, шуточно:

— Это хорошо, что вы приехали! Вы ведь драки любите? Здесь будет большая драчка.

Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то подмышки, стоит фертом. И вообще, весь как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя». Я — литератор. Профессия обязывает меня подмечать мелочи, эта обязанность стала привычкой, иногда — уже надоедливой.

Когда меня «подводили» к Г. В. Плеханову, он стоял скрестив руки на груди и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика.

Он сказал мне весьма обычную фразу: «Я поклонник вашего таланта». Кроме этого, он не сказал ничего, что

* Впоследствии А. М. Горький в письме Институту Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) указывал на допущенную им неточность в этом месте воспоминаний (см. «Октябрь», 1941, № 6, стр. 22). Первая встреча А. М. Горького с В. И. Лениным состоялась в Петербурге 27 ноября (10 декабря) 1905 г. на заседании ЦК РСДРП. Более близко В. И. Ленин познакомился с А. М. Горьким на Лондонском съезде партии в 1907 г. — *Ред.*

моя память удержала бы. И на протяжении всего съезда ни у него, ни у меня не явилось желания поговорить «по душам».

А этот лысый, картавый, плотный, крепкий человек, потирая одною рукой сократовский лоб, дергая другою мою руку, ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать», оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжникова. Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился, — Ленин, — утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент. Затем он деловито осведомился, переводится ли «Мать» на иностранные языки, насколько испортила книгу русская и американская цензура, а узнав, что автора решено привлечь к суду, сначала — поморщился, а затем, вскинув голову, закрыв глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом; смех его привлек рабочих, подошел, кажется, Фома Уральский и еще человека три.

Я был настроен очень празднично, я находился в среде трех сотен отборных партийцев, узнал, что они посланы на съезд полутораста тысячами организованных рабочих, я видел перед собою всех лидеров партии, старых революционеров: Плеханова, Аксельрода, Дейча. Праздничное мое настроение было вполне естественно и будет понятно читателю, если я скажу, что за два года, прожитых мною вне родины, обычное самочувствие мое сильно понизилось.

Понижаться оно начало с Берлина, где я видел почти всех крупнейших вождей социал-демократии, обедал у Августа Бебеля, сидя рядом с очень толстым Зингером и в среде других, тоже весьма крупных людей.

Обедали мы в просторной, уютной квартире, где клетки с канарейками были изящно прикрыты вышитыми салфеточками и на спинках кресел тоже были припилены вышитые салфеточки, чтобы сидящие не пачкали затылками чехлов. Все вокруг было очень солидно, прочно, все кушали торжественно и торжественно говорили друг другу:

— Мальцейт*.

Слово это было незнакомо мне, но я знал, что французское «маль» по-русски значит — плохо, немецкое «цейт» — время, вышло: плохое время.

Зингер дважды назвал Каутского «мой романтик». Бебель с его орлиным носом показался мне человеком немножко самодовольным. Пили рейнское вино и пиво; вино было кислое и теплое, пиво — хорошее; о русской революции и партии с.-д. говорили тоже кислотовато и снисходительно, а о своей, немецкой партии — очень хорошо! Вообще — все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мякоти вождей.

К немецкой партии у меня было «щекотливое» дело: видный ее член, впоследствии весьма известный Парвус, имел от «Знания» доверенность на сбор гонорара с театров за пьесу «На дне». Он получил эту доверенность в 1902 году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20% со всей суммы получал он, остальное делилось так: четверть — мне, три четверти в кассу с.-д. партии.

* На доброе здоровье (нем.) — *Ред.*

Парвус это условие, конечно, знал, и оно даже восхищало его. За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз, у Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в «Знание» К. П. Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно, очень приятное путешествие лично меня касалось только на четверть, то я счел себя вправе указать ЦК немецкой партии на остальные три четверти его. Указал через И. П. Ладыжникова. ЦК отнесся к путешествию Парвуса равнодушно. Позднее я слышал, что Парвуса лишили каких-то партийных чинов,— говоря по совести, я предпочел бы, чтоб ему надрали уши. Еще позднее мне в Париже показали весьма красивую девицу или даму, сообщив, что это с ней путешествовал Парвус.

«Дорогая моя,— подумалось мне,— дорогая».

Видел я в Берлине литераторов, художников, меценатов и других людей, они различались друг от друга по степеням самодовольства и самолюбования.

В Америке весьма часто видел Мориса Хилквит, который хотел быть мэром или губернатором Нью-Йорка, старика Дебса, который одиноко и устало рычал на всех и на все,— он только что вышел из тюрьмы,— видел очень многих и очень много, но не встречал ни одного человека, который понимал бы всю глубину русской революции, и всюду чувствовал, что к ней относятся как к «частному случаю европейской жизни» и обычному явлению в стране, где «всегда или холера или революция», по словам одной «гэнсом* лэди», которая «сочувствовала социализму».

* Прекрасной (анг.) — Ред.

Идею поездки в Америку для сбора денег в кассу «большевиков» дал Л. Б. Красин; ехать со мною в качестве секретаря и организатора выступлений должен был В. В. Воровский, он хорошо знал английский язык, но ему партия дала какое-то другое поручение, и со мною поехал Н. Е. Буренин, член боевой группы при ЦК(б); он был «без языка», начал изучать его в дороге и на месте. Эс-эры, узнав, с какой целью я еду, юношески живо заинтересовались поездкой; ко мне — еще в Финляндии — пришел Чайковский с Житловским и предложили собирать деньги не для большевиков, а «вообще для революции». Я отказался от «вообще революции». Тогда они послали туда «бабушку»*, и перед американцами явились двое людей, которые, независимо друг от друга и не встречаясь, начали собирать деньги, очевидно, на две различных революции; сообразить, которая из них лучше, солиднее, у американцев, конечно, не было ни времени, ни желания. «Бабушку» они, кажется, знали и раньше, американские друзья сделали ей хорошую рекламу, а мне царское посольство — устроило скандал. Американские товарищи, тоже рассматривая русскую революцию как «частное и неудавшееся дело», относились к деньгам, собранным мною на митингах, несколько «либерально», в общем я собрал долларов очень мало, меньше 10 тысяч. Решил «заработать» в газетах, но и в Америке нашелся Парвус. Вообще поездка не удалась, но я там написал «Мать», чем и объясняют некоторые «промахи» недостатков этой книги.

Затем я переехал в Италию, на Капри, там погрузился в чтение русских газет, книг, — это тоже очень понижало настроение. Если зуб, выбитый из челюсти, спосо-

* Имеется в виду эсерка Е. К. Брешко-Брешковская (1844—1934). — *Ред.*

бен чувствовать, он, вероятно, чувствовал бы себя так же одиноко, как я.

Очень удивляла клоунская быстрота и ловкость, с которой знакомые люди перескакивали с одной «платформы» на другую.

Приезжали из России случайные революционеры, разбитые, испуганные, обозленные на самих себя и на людей, которые вовлекли их в «безнадежное предприятие».

— Все пропало, — говорили они. — Все разбито, истреблено, сослано, посажено в тюрьмы!

Было очень много смешного, но — ничего веселого. Один гость из России, литератор, и — талантливый, доказывал мне, что я будто сыграл роль Луки из пьесы «На дне»: пришел, наговорил молодежи утешительных слов, она мне поверила и набила себе шишек на лбу, а я — убежал. Другой утверждал, что меня съела «тенденция», что я — «конченный человек» и отрицаю значение балета только потому, что он — «императорский». Вообще было весьма много смешного, глупого, и часто казалось, что из России несется какая-то гнилая пыль.

И — вдруг, точно в сказке, я на съезде Российской социал-демократической партии*. Конечно — праздник!

Но праздновал я только до первого заседания, до споров по вопросу о «порядке дня». Свирепость этих споров сразу охладила мои восторги и не столько тем, что я почувствовал, как резко расколота партия на реформаторов и революционеров, — это я знал с 903 года, — а враждебным отношением реформаторов к В. И. Ленину. Оно просачивалось и брызгало сквозь

* Речь идет о V съезде РСДРП, проходившем в Лондоне 30 апреля 1907 г. — *Ред.*

В. И. Ленин и А. М. Горький. 1920 г.

их речи, как вода под высоким давлением сквозь старую пожарную «кишку».

Не всегда важно — что говорят, но всегда важно, как говорят. Г. В. Плеханов в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, похожий на протестантского пастора, открывая съезд, говорил, как законоучитель, уверенный, что его мысли неоспоримы, каждое слово — драгоценно, так же как и пауза между словами. Очень искусно он развешивал в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и, когда на скамьях большевиков кто-нибудь шевелил языком, перешептываясь с товарищем, почтенный оратор, сделав маленькую паузу, вонзал в него свой взгляд, точно гвоздь.

Одна из пуговиц на его сюртуке была любима Плехановым больше других, он ее ласково и непрерывно гладил пальцем, а во время паузы прижимал ее, точно кнопку звонка, — можно было думать, что именно этот нажим и прерывает плавное течение речи. На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнес:

— X-хе!

Это вызвало смех среди рабочих-большевиков. Г. В. поднял брови, и у него побледнела щека; я говорю: щека, потому что сидел сбоку кафедры и видел лица ораторов в профиль.

Во время речи Г. В. Плеханова в первом заседании на скамьях большевиков чаще других шевелился Ленин, то — съезживаясь, как бы от холода, то — расширяясь, точно ему становилось жарко: засовывал пальцы куда-то под мышки себе, потирал подбородок, встряхивая светлой головой, и шептал что-то М. П. Томскому. А когда Плеханов заявил, что «ревизионистов в партии нет», Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе, рабочие, рядом с ним

и сзади его, тоже улыбались, а из конца зала кто-то угрюмо и громко спросил:

— А по ту сторону — какие сидят?

Коротенький Федор Дан говорил тоном человека, которому подлинная истина приходится родной дочерью, он ее родил, воспитал и все еще воспитывает. Сам же он, Федор Дан, является совершенным воплощением Карла Маркса, а большевики — недоучки, неприличные ребята, что особенно ясно из их отношения к меньшевикам, среди которых находятся — «все выдающиеся теоретики марксизма», сказал он.

— Вы не марксисты, — пренебрежительно говорил он, — нет, вы не марксисты! — И толкал в воздух, направо, желтым кулаком. Кто-то из рабочих осведомился у него:

— А когда вы опять пойдете чай пить с либералами?

Не помню, выступал ли на первом заседании Мартов. Этот удивительно симпатичный человек говорил юношески пламенно, и казалось, что он особенно глубоко чувствует драму раскола, боль противоречий.

Он весь содрогался, качался, судорожно расстегивая воротник крахмальной рубашки, размахивал руками; обшлага, выскакивая из рукавов пиджака, закрывали ему кисть руки, он высоко поднимал руку и тряс ею, чтобы водрузить обшлаг на его законное место. Мне казалось, что Мартов не доказывает, а упрощает, умоляет: раскол необходимо изжить, партия слишком слаба для того, чтобы разбиваться на две, рабочий прежде всего нуждается в «свободах», надобно поддерживать душу. Иногда его первая речь звучала почти истерически, обилие слов делало ее непонятной, а сам оратор вызывал впечатление тяжелое. В конце речи и как будто вне связи ее, все-таки «боевым» тоном, он все так же пламенно стал кричать против боевых дружин и вообще работы,

направленной к подготовке вооруженного восстания. Хорошо помню, как на скамьях большевиков кто-то изумленно воскликнул:

— Вот те и раз!

А, кажется, М. П. Томский спросил:

— Может, нам и руки обрубить, для того чтоб т. Мартов успокоился?

Повторяю: не уверен, что Мартов говорил на первом заседании, я упомянул о нем только для того, чтоб рассказать, как говорили.

После его речи рабочие, в помещении перед залом заседания, угрюмо беседовали:

— Вот вам и Мартов! А — «искрист» был!

— Линяют товарищи интеллигенты.

Красиво, страстно и резко говорила Роза Люксембург, отлично владея оружием иронии. Но вот поспешно взошел на кафедру Владимир Ильич, картаво произнес «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту я, как и все, был «поглощен» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл.

Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией, — все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, за-

конченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня воисторженно шептали:

— Густо говорит...

Так оно и было; каждый его довод разворачивался сам собою — силою, заключенной в нем.

Меньшевики, не стесняясь, показывали, что речь Ленина неприятна им, а сам он — более чем неприятен. Чем убедительнее он доказывал необходимость для партии подняться на высоту революционной теории для того, чтобы всесторонне проверить практику, тем озлобленнее прерывали его речь.

— Съезд не место для философии!

— Не учите нас, мы — не гимназисты!

Особенно старался кто-то рослый, бородатый, с лицом лавочника, он вскакивал со скамьи и, заикаясь, кричал:

— З-загово-орчки... в з-заговорчки играете! Б-бланкис-кис-кис!

Одобрительно кивала головой Роза Люксембург; она очень хорошо сказала меньшевикам на одном из следующих заседаний:

— Вы не стоите на марксизме, а сидите, даже — лежите на нем*.

* Эти слова, обращенные к меньшевикам, были сказаны не Р. Люксембург, а Л. Тоссико, представителем польской социал-демократии. — *Ред.*

Злой, горячий ветерок раздражения, иронии, ненависти гулял по залу, сотни глаз разнообразно освещали фигуру Владимира Ильича. Не заметно было, что враждебные выпады волнуют его, говорил он горячо, но веско, спокойно; через несколько дней я узнал, чего стоило ему это внешнее спокойствие. Было очень странно и обидно видеть, что вражду к нему возбуждает такая естественная мысль; только с высоты теории партия может ясно увидеть причины разногласий среди ее. У меня образовалось такое впечатление: каждый день съезда придает Владимиру Ильичу все новые и новые силы, делает его бодрее, уверенней, с каждым днем речи его звучат все более твердо и вся большевистская часть членов съезда настраивается решительнее, строже. Кроме его речей, меня почти так же взволновала прекрасная и резкая речь против меньшевиков Розы Люксембург.

Свободные минуты, часы он проводил среди рабочих, выспрашивал их о самых мизерных мелочах быта.

— Ну, а женщины как? Заедает хозяйство. Все-таки — учатся, читают?

В Гайд-парке несколько человек рабочих, впервые видевших Ленина, заговорили о его поведении на съезде. Кто-то из них характерно сказал:

— Не знаю, может быть, здесь, в Европе, у рабочих есть и другой, такой же умный человек — Бебель или еще кто. А вот чтобы был другой человек, которого я бы сразу полюбил, как этого, — не верится!

Другой рабочий добавил, улыбаясь:

— Этот — наш!

Ему возразили:

— И Плеханов — наш.

Я услышал меткий ответ:

— Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш.

Какой-то молодой парень юмористически заметил:
— Сюртучок Плеханова-то стесняет.

Был такой случай: по дороге в ресторан Владимира Ильича остановил меньшевик-рабочий, спрашивая о чем-то. Ильич замедлил шаг, а его компания пошла дальше. Придя в ресторан минут через пять, он, хмурясь, рассказал:

— Странно, что такой наивный парень попал на партийный съезд! Спрашивает меня: в чем же все-таки истинная причина разногласий? Да вот, говорю, ваши товарищи желают заседать в парламенте, а мы убеждены, что рабочий класс должен готовиться к бою. Кажется — понял...

Обедали небольшой компанией всегда в одном и том же маленьком дешевом ресторане. Я заметил, что Владимир Ильич ест очень мало: яичницу из двух-трех яиц, небольшой кусок ветчины, выпивает кружку густого, темного пива. По всему видно было, что к себе он относится небрежно, и поражала меня его удивительная заботливость о рабочих. Питанием их заведовала М. Ф. Андреева, и он спрашивал ее:

— Как вы думаете: не голодают товарищи? Нет? Гм, гм... А может, увеличить бутерброды?

Пришел в гостиницу, где я остановился, и вижу: озабоченно щупает постель.

— Что это вы делаете?

— Смотрю — не сырые ли простыни.

Я не сразу понял: зачем ему нужно знать — какие в Лондоне простыни? Тогда он, заметив мое недоумение, объяснил:

— Вы должны следить за своим здоровьем.

Осенью 18 года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это как хорошо продуманное, давно решенное.

Известно, что строже всех судят человека его слушающие. Но шофер Ленина, Гиль, много испытавший человек, говорил:

— Ленин — особенный. Таких — нет. Я везу его по Мясницкой, большое движение, едва еду, боюсь — ломают машину, даю гудки, очень волнуюсь. Он открыл дверь, добрался ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, уговаривает: «Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все». Я — старый шофер, я знаю — так никто не сделает.

Трудно передать, изобразить ту естественность и гибкость, с которыми все его впечатления вливались в одно русло.

Его мысль, точно стрелка компаса, всегда обращалась острием в сторону классовых интересов трудового народа. В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в «мюзик-холл» — демократический театр. Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на все остальное и особенно внимательно на рубку леса рабочими Британской Колумбии. Маленькая сцена изображала лесной лагерь, перед нею, на земле двое здоровых молодцов перерубали в течение минуты ствол дерева, объемом около метра.

— Ну, это, конечно, для публики, на самом деле они не могут работать с такой быстротой, — сказал Ильич. — Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки. Вот вам и культурные англичане!

Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, кото-

рое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему. Для меня было что-то неясное в этой мысли, но спросить Владимира Ильича я не успел, он уже интересно говорил об «эксцентризме» как особой форме театрального искусства.

— Тут есть какое-то сатирическое или скептическое отношение к общепринятому, есть стремление вывернуть его наизнанку, немножко исказить, показать алогизм обычного. Замысловато, а — интересно!

Года через два, на Капри, беседуя с А. А. Богдановым-Малиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!

Прощаясь, в Лондоне, он сказал мне, что обязательно приедет на Капри отдохнуть.

Но раньше, чем он собрался приехать, я увидел его в Париже*, в студенческой квартирке из двух комнат, — студенческой она была только по размерам, но не по чистоте и строгому порядку в ней. Надежда Константиновна, сделав нам чай, куда-то ушла, мы остались вдвоем. Тогда разваливалось «Знание», и я приехал поговорить с Владимиром Ильичем об организации нового издательства, которое объединяло бы, по возможности, всех наших литераторов. Редактуру издательства за границей я предлагал Владимиру Ильичу, В. В. Воровскому и еще кому-то, а в России представлял бы их В. А. Десницкий-Строев.

* Встреча А. М. Горького с В. И. Лениным в Париже состоялась весной 1911 г., т. е. после того, как В. И. Ленин ездил к А. М. Горькому на Капри, — в апреле 1908 г. и в июле 1910 г. — *Ред.*

Мне казалось, что нужно написать ряд книг по истории западных литератур и по русской литературе, книги по истории культуры, которые дали бы богатый фактический материал рабочим для самообразования и пропаганды.

Но Владимир Ильич разрушил этот план, указав на цензуру, на трудность организовать своих людей; большинство товарищей занято практической партийной работой, писать им — некогда. Но главный и наиболее убедительный для меня довод его был приблизительно таков: для толстой книги — не время, толстой книгой питается интеллигенция, а она, как видите, отступает от социализма к либерализму, и нам ее не столкнуть с пути, ею избранного. Нам нужна газета, брошюра, хорошо бы восстановить библиотечку «Знания», но в России это невозможно по условиям цензуры, а здесь по условиям транспорта: нам нужно бросить в массы десятки, сотни тысяч листовок, такую кучу нелегально не перевезешь. Подождем с издательством до лучших времен.

С поразительной, всегда присущей ему живостью и ясностью он заговорил о Думе, о кадетях, которые «стыдятся быть октябристами», о том, что «перед ними один путь направо», а затем привел ряд доказательств в пользу близости войны и «вероятно, не одной, но целого ряда войн», — это его предвидение вскоре оправдилось на Балканах.

Встал, характерным жестом сунул пальцы рук за жилет подмышками и медленно шагал по тесной комнатке, прищуриваясь, поблескивая глазами.

— Война будет. Неизбежно. Капиталистический мир достиг состояния гнилостного брожения, уже и сейчас люди начинают отравляться ядами шовинизма, национализма. Я думаю, что мы еще увидим общеевропейскую

войну. Пролетариат? Едва ли пролетариат найдет в себе силу предотвратить кровавую склоку. Как это можно сделать? Общевропейской забастовкой рабочих? Для этого они недостаточно организованы, сознательны. Такая забастовка была бы началом гражданской войны, мы реальные политики, не можем рассчитывать на это.

Остановясь, шаркая подошвой по полу, угрюмо сказал:

— Пролетариат, конечно, пострадает ужасно — такова, пока, его судьба. Но враги его — обессилят друг друга. Это — тоже неизбежно.

И, подойдя ко мне, он сказал, как бы с изумлением, с большой силой, но негромко:

— Нет, вы подумайте: чего ради сытые гонят голодных на бойню друг против друга? Можете вы назвать преступление более идиотическое и отвратительное? Страшно дорого заплатят за это рабочие, но в конце концов выиграют они. Это — воля истории.

Он часто говорил об истории, но никогда в его речах я не чувствовал фетишистического преклонения пред ее волей и силой.

Речь взволновала его, присев к столу, он вытер вспотевший лоб, хлебнул холодного чая и неожиданно спросил:

— Что это за скандал был у вас в Америке? По газетам я знаю, в чем дело, но — как это вышло?

Я кратко рассказал ему мои приключения.

Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедий, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к ми-

ру капитализма, может смеяться по-детски, до слез, захлебываясь смехом.

Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться.

— Ох, да вы — юморист! — говорил он сквозь смех. — Вот не предполагал. Черт знает как смешно...

И, стирая слезы смеха, он уже серьезно, с хорошей, мягкой улыбкой сказал:

— Это — хорошо, что вы можете относиться к неудачам юмористически. Юмор — прекрасное, здоровое качество. Я очень понимаю юмор, но не владею им. А смешного в жизни, пожалуй, не меньше, чем печального, право, не меньше.

Условились, что я зайду к нему через день, но погода была плохая, вечером у меня началось обильное кровохарканье, и на другой день я уехал.

После Парижа мы встретились на Капри. Тут у меня осталось очень странное впечатление: как будто Владимир Ильич был на Капри два раза* и в двух резко различных настроениях.

Один Ильич, как только я встретил его на пристани, тотчас же решительно заявил мне:

— Я знаю, вы, Алексей Максимович, все-таки надеетесь на возможность моего примирения с махистами, хотя я вас предупредил в письме: это — невозможно! Так уж вы не делайте никаких попыток.

По дороге на квартиру ко мне и там я пробовал объяснить ему, что он не совсем прав: у меня не было и нет намерения примирить философские распри, кстати — не очень понятные мне. К тому же я, от юности, заражен недоверием ко всякой философии, а причиной это-

* В. И. Ленин был у А. М. Горького на Капри два раза: в апреле 1908 г. и в июне (июле) 1910 г. — *Ред.*

го недоверия служило и служит разноречие философии с моим личным «субъективным» опытом: для меня мир только что начинался, «становился», а философия шлепала его по голове и совершенно неуместно, несвоевременно спрашивала:

«Куда идешь? Зачем идешь? Почему — думаешь?»

Некоторые же философы просто и строго командовали: «Стой!».

Кроме того, я уже знал, что философия, как женщина, может быть очень некрасивой, даже уродливой, но одета настолько ловко и убедительно, что ее можно принять за красавицу. Это рассмешило Владимира Ильича.

— Ну, это — юмористика, — сказал он. — А что мир только начинается, становится — хорошо! Над этим вы подумайте серьезно, отсюда вы придете, куда вам давно следует прийти.

Затем я сказал ему, что А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров — в моих глазах крупные люди, отлично, всесторонне образованные, в партии я не встречал равных им.

— Допустим. Ну, и что же отсюда следует?

— В конце концов я считаю их людьми одной цели, а единство цели, понятное и осознанное глубоко, должно бы стереть, уничтожить философические противоречия...

— Значит, — все-таки надежда на примирение жива? Это — зря, — сказал он. — Гоните ее прочь и как можно дальше, дружески советую вам! Плеханов тоже, по-вашему, человек одной цели, а вот я — между нами — думаю, что он — совсем другой цели, хотя и материалист, а не матафизик.

На этом беседа наша и кончилась. Я думаю, что нет надобности напоминать, что я воспроизвел ее не в точ-

ных словах, не буквально. В точности смысла — не сомневаюсь.

И вот я увидел перед собой Владимира Ильича Ленина еще более твердым, непреклонным, чем он был на Лондонском съезде. Но там он волновался, и были моменты, когда ясно чувствовалось, что раскол партии заставляет переживать его очень тяжелые минуты. Здесь он был настроен спокойно, холодновато и насмешливо, сурово отталкивался от бесед на философские темы и вообще вел себя настороженно. А. А. Богданов, человек удивительно симпатичный, мягкий и влюбленный в Ленина, но немножко самолюбивый, принужден был выслушивать весьма острые и тяжелые слова:

— Шопенгауэр говорит: «Кто ясно мыслит — ясно излагает», я думаю, что лучше этого он ничего не сказал. Вы, т. Богданов, излагаете неясно. Вы мне объясните в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша «подстановка» и почему махизм — революционное марксизма?

Богданов пробовал объяснить, но он говорил действительно неясно и многословно.

— Бросьте, — советовал Владимир Ильич. — Кто-то, кажется — Жорес, сказал: «Лучше говорить правду, чем быть министром», я бы прибавил: и махистом.

Затем он азартно играл с Богдановым в шахматы и, проигрывая, сердился, даже унывал, как-то по-детски. Замечательно: даже и это детское уныние, так же как его удивительный смех, — не нарушали целостной слитности его характера.

Был на Капри другой Ленин — прекрасный товарищ, веселый человек, с живым и неутомимым интересом ко всему в мире, с поразительно мягким отношением к людям.

Как-то поздним вечером, когда все ушли гулять, он говорил мне и М. Ф. Андреевой, — невесело говорил, с глубоким сожалением:

— Умные, талантливые люди, не мало сделали для партии, могли бы сделать в десять раз больше, а — не пойдут они с нами! Не могут. И десятки, сотни таких людей ломает, уродует этот преступный строй.

В другой раз он сказал:

— Луначарский вернется в партию, он — менее индивидуалист, чем те двое. На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость» — черт возьми, какие глупые слова: питать слабость! Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то французский блеск. Легкомыслие у него тоже французское, легкомыслие — от эстетизма у него.

Он подробно расспрашивал о жизни каприйских рыбаков, о их заработке, о влиянии попов, о школе — широта его интересов не могла не изумлять меня. Когда ему указали, что вот этот попик — сын бедного крестьянина, он сейчас же потребовал, чтобы ему собрали справки: насколько часто крестьяне отдают своих детей в семинариумы, и возвращаются ли дети крестьян служить попами в свои деревни?

— Вы — понимаете? Если это не случайное явление — значит это политика Ватикана. Хитрая политика!

Не могу представить себе другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к «простым людям».

Был в нем некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шаляпина и не мало других крупных русских людей, каким-то чутьем сразу выделили Ленина на особое место. Обая-

телен был его смех, — «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердцем».

Старый рыбак, Дживованни Спадаро, сказал о нем:
— Так смеяться может только честный человек.

Качаясь в лодке, на голубой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца» — лесой без удилица. Рыбаки объясняли ему, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь лесы:

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсек рыбу, повел ее и закричал с восторгом ребенка, с азартом охотника:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки оглушительно, и тоже, как дети, радостно захохотали и прозвали рыбака:

— «Синьор Дринь-дринь».

Он уехал, а они все спрашивали:

— Как живет синьор Дринь-дринь? Царь не схватит его, нет?

Не помню, до Владимира Ильича или после него на Капри был Г. В. Плеханов.

Несколько эмигрантов каприйской колонии — литератор Н. Олигер, Лоренц-Метнер, присужденный к смертной казни за организацию восстания в Сочи, Павел Вигдорчик и еще, кажется, двое — хотели побеседовать с ним. Он отказался. Это было его право, он — был больной человек, приехал отдохнуть. Но Олигер и Лоренц говорили мне, что он сделал это в форме очень обидной для них. Нервозный Олигер настаивал, что Г. В. сказано было нечто об «усталости от обилия желающих говорить, но не способных делать». Он, будучи у меня, действительно не пожелал никого видеть из местной колонии, — Владимир Ильич видел всех.

Плеханов ни о чем не расспрашивал, он уже все знал и сам рассказывал. По-русски широко талантливый, европейски воспитанный, он любил щегольнуть красивым, острым словцом, и, кажется, именно ради острого словца жестоко подчеркивал недостатки иностранных и русских товарищей. Мне показалось, что его острооты не всегда удачны, в памяти остались только неудачные: «не в меру умеренный Меринг», «самозванец Энрико Ферри, в нем нет железа ни золотника» — тут каламбур на слове ферро — железо. И все — в этом роде. Вообще же он относился к людям снисходительно, разумеется, не так, как бог, но несколько похоже. Талантливейший литератор, основоположник партии, он вызвал у меня глубокое почтение, но не симпатию. Слишком много было в нем «аристократизма».

Может быть, я сужу ошибочно. У меня нет особенной любви к ошибкам, но, как все люди, я тоже ошибаюсь. А факт остается фактом: редко встречал я людей до такой степени различных, как Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Это и естественно: один заканчивал свою работу разрушения старого мира, другой уже начал строить новый мир.

Жизнь устроена так дьявольски искусно, что, не умея ненавидеть, невозможно искренне любить. Уже только эта одна, в корне искажающая человека, необходимость раздвоения души, неизбежность любви сквозь ненависть осуждает современные условия жизни на разрушение.

В России, стране, где необходимость страдания проповедуется как универсальное средство «спасения души», я не встречал, не знаю человека, который с такой глубиной и силой, как Ленин, чувствовал бы ненависть, отвращение и презрение к несчастиям, горю, страданиям людей.

В моих глазах эти чувства, эта ненависть к драмам и трагедиям жизни особенно высоко поднимают Владимира Ленина, человека страны, где во славу и освящение страдания написаны самые талантливые евангелия и где юношество начинает жить по книгам, набитым однообразными, в сущности, описаниями мелких, будничных драм.

Русская литература — самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем,— в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости: от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварения желудка и от необходимости умереть.

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать книгу о том, как он всю жизнь радовался. А так как русский человек привык выдумывать жизнь для себя, делать же ее плохо умеет, то весьма вероятно, что книга о счастливой жизни научила бы его, как нужно выдумывать такую жизнь.

Для меня исключительно велико в Ленине именно это его чувство непримиримой, неугасимой вражды к несчастьям людей, его яркая вера в то, что несчастье не есть неустранимая основа бытия, а — мерзость, которую люди должны и могут отмести прочь от себя.

Я бы назвал эту основную черту его характера воинствующим оптимизмом материалиста. Именно она особенно привлекала душу мою к этому человеку — Человеку — с большой буквы.

В 17—18 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы их видеть, но они не могли быть иными.

Он — политик. Он в совершенстве обладал тою четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия.

У меня же органическое отвращение к политике, и я плохо верю в разум масс вообще, в разум же крестьянской массы — в особенности.

Разум, не организованный идеей, — еще не та сила, которая входит в жизнь творчески. В разуме массы — нет идеи до поры, пока в ней нет сознания общности интересов всех ее единиц.

Тысячелетия живет она стремлением к лучшему, но это стремление создает из плоти ее хищников, которые ее же порабащают, ее кровью живут, и так будет до поры, пока она не осознает, что в мире есть только одна сила, способная освободить ее из плена хищников, — сила правды Ленина.

Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа.

Научная, техническая — вообще квалифицированная интеллигенция, с моей точки зрения, революционна по существу своему, и вместе с рабочей, социали-

стической интеллигенцией — для меня была самой драгоценной силой, накопленной Россией, — иной силы, способной взять власть и организовать деревню, я — в России 17 года не видел. Но эти силы, количественно незначительные и раздробленные противоречиями, могли бы выполнить свою роль только при условии прочнейшего внутреннего единения. Перед ними стояла грандиозная работа: овладеть анархизмом деревни, культивировать волю мужика, научить его разумно работать, преобразить его хозяйство и всем этим быстро двинуть страну вперед; все это достижимо лишь при наличии подчинения инстинктов деревни организованному разуму города. Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны. В этих целях я предложил устроить на Капри школу для рабочих и в годы реакции, 1907—1913, усиленно пытался всячески поднять бодрость духа рабочих.

Ради этой цели тотчас после февральского переворота, весной 17 года, была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» — учреждение, которое ставило задачей своей, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой — широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде. Во главе ассоциации встали крупные ученые, члены Российской Академии наук В. А. Стеклов, Л. А. Чугаев, академик Ферсман, С. П. Костычев, А. А. Петровский и ряд других. Дейтельно собирались средства; С. П. Костычев уже приступил к поискам места для устройства исследовательского института по вопросам зооботаники.

Для большей ясности скажу, что меня всю жизнь угнетал факт подавляющего преобладания безграмотной

деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций. Диктатура политически грамотных рабочих, в тесном союзе с научной и технической интеллигенцией, была на мой взгляд, единственно возможным выходом из трудного положения, особенно осложненного войной, еще более анархизировавшей деревню.

С коммунистами я расходился по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией, в число которой входят и все «большевики», воспитавшие сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности. Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломотой лошадей, запряженной в тяжкий воз истории России. Несмотря на все толчки и возбуждения, испытанные им, разум народных масс все еще остается силой, требующей руководства извне.

Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. Эту страницу моих воспоминаний следовало бы вычеркнуть. Но — «написано пером — не вырубишь топором». К тому же: «на ошибках — учимся» — часто повторял Владимир Ильич. Пусть же читатели знают мою ошибку. Было бы хорошо, если б она послужила уроком для тех, кто склонен торопиться с выводами из своих наблюдений.

Разумеется, после ряда фактов подлейшего вредительства со стороны части спецов я обязан был переоценить — и переоценил — мое отношение к работникам науки и техники. Такие переоценки кое-чего стоят, особенно — на старости лет.

Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее.

К тому же надо принять во внимание, что с развитием «цивилизации» — ценность человеческой жизни явно понижается, о чем неоспоримо свидетельствует развитие в современной Европе техники истребления людей и вкуса к этому делу.

Но скажите голосом совести: насколько уместно и не слишком ли отвратительно лицемерие тех «моралистов», которые говорят о кровожадности русской революции, после того как они, в течение четырех лет позорной общеевропейской бойни, не только не жалели миллионы истребляемых людей, но всячески разжигали «до полной победы» эту мерзкую войну? Ныне «культурные нации» оказались разбиты, истощены, дичают, а победила общечеловеческая мещанская глупость: тугие пески ее и по сей день душат людей.

Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, что клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это — всем известно.

Кроме этого, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали «обыденной жизнью».

Мне отвратительно памятен такой факт: в 19 году, в Петербурге, был съезд «деревенской бедноты»*. Из северных губерний России явилось несколько тысяч крестьян, и сотни их были помещены в Зимнем дворце

* По-видимому, речь идет о съезде комитетов деревенской бедноты Северной области, происходившем в ноябре 1918 г. в Петрограде. — *Ред.*

Романовых. Когда съезд кончился и эти люди уехали, то оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших северских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, — уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал. Нет, это хулиганство было выражением желания испортить, опорочить красивые вещи. За время двух революций и войны я сотни раз наблюдал это темное, мстительное стремление людей ломать, искажать, осмеивать, порочить прекрасное.

Не следует думать, что поведение «деревенской бедноты» было подчеркнуто мною по мотивам моего скептического отношения к мужику, нет, я знаю, что болезненным желанием изгадить прекрасное страдают и некоторые группы интеллигенции, например, те эмигранты, которые, очевидно, думают, что, если их нет в России, — в ней нет уже ничего хорошего.

Злостное стремление портить вещи исключительной красоты имеет один и тот же источник с гнусным стремлением опорочить во что бы то ни стало человека необыкновенного. Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется. Люди жаждут — если они жаждут — вовсе не коренного изменения своих социальных навыков, а только расширения их. Основной стон и вопль большинства:

«Не мешайте нам жить, как мы привыкли!»

Владимир Ленин был человеком, который так помещал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сдаться это.

Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах

мировой буржуазии Владимир Ленин — вдохновитель и вождь пролетариев всех стран. Вот он не существует физически, а голос его все громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, к строительству мира людей равных. Все более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы.

Меня восхищала ярко выраженная в нем воля к жизни и активная ненависть к мерзости ее, я любовался тем азартом юности, каким он насыщал все, что делал. Меня изумляла его нечеловеческая работоспособность. Его движения были легки, ловки, и скупой, но сильный жест вполне гармонировал с его речью, тоже скупой словами, обильной мыслью. И на лице, монгольского типа, горели, играли эти острые глаза неутомимого борца против лжи и горя жизни, горели, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более жгучей и ясной.

Иногда казалось, что неукротимая энергия его духа брызжет из глаз искрами и слова, насыщенные ею, блестят в воздухе.

Речь его всегда вызывала физическое ощущение неотразимой правды.

Необычно и странно было видеть Ленина гуляющим в парке Горок, — до такой степени срослось с его образом представление о человеке, который сидит в конце длинного стола и, усмехаясь, поблескивая зоркими глазами рулевого, умело, ловко руководит прениями товарищей или же, стоя на эстраде, закинув голову, мечет в притихшую толпу, в жадные глаза людей, изголодавшихся о правде, четкие, ясные слова.

Они всегда напоминали мне холодный блеск железных стружек.

С удивительной простотой из-за этих слов возникала художественно выточенная фигура правды.

Азарт был свойством его натуры, но он не являлся корыстным азартом игрока, он обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром и до конца понял свою роль в хаосе мира, — роль врага хаоса. Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать «Историю костюма», часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным солнцем юга, любоваться золотыми цветами дрока и чумазыми ребятами рыбаков. А вечером, слушая рассказы о России, о деревне, завистливо вздыхал.

— А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти все!

Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно «заливался» смехом, иногда до слез. Краткому, характерному восклицанию «гм-гм» он умел придавать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом «гм-гм» звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни.

Коренастый, плотный, с черепом Сократа и всевидящими глазами, он нередко принимал странную и немножко комическую позу — закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому

нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви.

До 18 года, до пошлейшей и гнусной попытки убить Ленина, я не встречался с ним в России и даже издали не видал его.

Я пришел к нему, когда он еще плохо владел рукой и едва двигал прострелянной шеей. В ответ на мое возмущение он сказал неохотно, как говорят о том, что надоело:

— Драка. Что делать? Каждый действует как умеет.

Мы встретились очень дружески, но, разумеется, пронзительные, всевидящие глазки милого Ильича смотрели на меня, «заблудившегося», с явным сожалением.

Через несколько минут Ленин азартно говорил:

— Кто не с нами, тот против нас. Люди, независимые от истории, — фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их — нет, не может быть. Они никому не нужны. Все, до последнего человека, втянуты в круговорот действительности, запутанной, как она еще никогда не запутывалась. Вы говорите, что я слишком упрощаю жизнь? Что это упрощение грозит гибелью культуре, а?

Ироническое, характерное:

— Гм-гм...

Острый взгляд становится еще острее, и пониженным голосом Ленин продолжает:

— Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто.

— Союз рабочих с интеллигенцией, да? Это — не плохо, нет. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам. Ведь, по-вашему, она искренне служит интересам справедливости? В чем же дело? Пожалуйста к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения.

Он засмеялся и беззлобно сказал:

— За это мне от интеллигенции и попала пуля.

А когда температура беседы приблизилась к нормальной, он проговорил с досадой и печалью:

— Разве я спорю против того, что интеллигенция необходима нам? Но вы же видите, как враждебно она настроена, как плохо понимает требования момента? И не видит, что без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это — ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков.

Беседы с ним на эту тему возникали почти при каждой встрече.

И, хотя на словах его отношение к интеллигенции оставалось недоверчивым, враждебным, — на деле он всегда правильно оценивал значение интеллектуальной энергии в процессе революций и как будто соглашался с тем, что, в сущности, революция является взрывом именно этой энергии, не нашедшей для себя в изжитых и тесных условиях возможности закономерного развития.

Помню, я был у него с тремя членами Академии наук. Шел разговор о необходимости реорганизации одного из высших научных учреждений Петербурга. Проводив ученых, Ленин удовлетворенно сказал:

— Это я понимаю. Это — умники. Все у них просто, все сформулировано строго, сразу видишь, что люди

хорошо знают, чего хотят. С такими работать — одно удовольствие. Особенно понравился мне этот...

Он назвал одно из крупнейших имен русской науки, а через день уже говорил мне по телефону:

— Спросите С., пойдет он работать с нами?

И когда С. принял предложение, это искренно обрадовало Ленина, потирая руки, он шутил:

— Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир хочет не хочет, а — перевернется!

На 8 съезде партии Н. И. Бухарин, между прочим, сказал:

— Нация — значит буржуазия вместе с пролетариатом. Ни с чем не сообразно признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии.

— Нет, извините, — возразил Ленин, — это сообразно с тем, что есть. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации пролетариата от буржуазии, но — посмотрим еще, как оно пойдет.

Затем, показав на примере Германии, как медленно и трудно развивается процесс этой дифференциации, и упомянув, что «не путем насилия внедряется коммунизм», — он так высказался по вопросу о значении интеллигенции в промышленности, армии и кооперации. Цитирую по отчету «Известий» о прениях на съезде:*

«Этот вопрос на предстоящем съезде должен быть решен с полной определенностью. Мы можем построить коммунизм лишь тогда, когда средства буржуазной науки и техники сделают его более доступным массам.

* А. М. Горький цитирует доклад В. И. Ленина о партийной программе на VIII съезде партии в изложении газеты «Северная коммуна» (Петроград) 22 марта 1919 г. — *Ред.*

А для этого надо взять аппарат от буржуазии, надо привлечь к работе всех специалистов. Без буржуазных специалистов нельзя поднять производительной силы. Их надо окружить атмосферой товарищеского сотрудничества, рабочими комиссарами, коммунистами, поставить в такие условия, чтобы они не могли вырваться, но надо дать возможность работать им лучше, чем при капиталистах, ибо этот слой, воспитанный буржуазией, иначе работать не станет. Заставить работать из-под палки целый слой нельзя. Буржуазные специалисты привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, то есть обогащали буржуазию огромными материальными предприятиями и в ничтожных дозах уделяли ее для пролетариата. Но они все-таки двигали культуру — в этом их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс не только ценит культуру, но и помогает проведению ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Тогда они будут порабощены морально, а не только политически устранены от буржуазии. Надо вовлечь их в наш аппарат, а для этого надо иногда и на жертвы идти.

По отношению к специалистам мы не должны придерживаться системы мелких придирок. Мы должны дать им как можно более хорошие условия существования. Это будет лучшая политика. Если вчера мы говорили о легализации мелкобуржуазных партий, а сегодня арестовывали меньшевиков и левых эсэров, то через эти колебания все же идет одна самая твердая линия: контрреволюцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать».

В этих прекрасных словах великого политика гораздо больше живого, реального смысла, чем во всех воплях мещанского, бессильного и, в сущности, лицемерно-гуманизма». К сожалению, многие из тех, кто дол-

жен был понять и оценить этот призыв к честному труду вместе с рабочим классом, — не поняли, не оценили призыва. Они предпочли вредительство из-за угла, предательство.

После отмены крепостного права многие из «дворовых людей», холопов по натуре, тоже оставались служить своим господам в тех же конюшнях, где, бывало, господа драли их.

Мне часто приходилось говорить с Лениным о жестокости революционной тактики и быта.

— Чего вы хотите? — удивленно и гневно спрашивал он. — Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы — что же? Не должны, не в праве бороться, сопротивляться? Ну, извините, мы не дурачки. Мы знаем: то, чего мы хотим, никто не может сделать, кроме нас. Неужели вы допускаете, что, если б я был убежден в противном, я сидел бы здесь?

— Какую мерой измеряете вы количество необходимых и лишних ударов в драке? — спросил он меня однажды после горячей беседы. На этот простой вопрос я мог ответить только лирически. Думаю, что иного ответа — нет.

Я очень часто одолевал его просьбами различного рода и порою чувствовал, что мои ходатайства о людях вызывают у Ленина жалость ко мне. Он спрашивал:

— Вам не кажется, что вы занимаетесь чепухой, пустяками?

Но я делал то, что считал необходимым, и косые, сердитые взгляды человека, который знал счет врагов

пролетариата, не отталкивали меня. Он сокрушенно качал головой и говорил:

— Компрометируете вы себя в глазах товарищей, рабочих.

А я указывал, что товарищи, рабочие, находясь «в состоянии запальчивости и раздражения», нередко слишком легко и «просто» относятся к свободе, к жизни ценных людей и что, на мой взгляд, это не только компрометирует честное, трудное дело революции излишней, порою и бессмысленной жестокостью, но объективно вредно для этого дела, ибо отталкивает от участия в нем немалое количество крупных сил.

— Гм-гм,— скептически ворчал Ленин и указывал мне на многочисленные факты измены интеллигенции рабочему делу.

— Между нами,— говорил он,— ведь многие изменяют, предательствуют не только из трусости, но из самолюбия, из боязни сконфузиться, из страха, как бы не пострадала возлюбленная теория в ее столкновении с практикой. Мы этого не боимся. Теория, гипотеза для нас не есть нечто «священное», для нас это — рабочий инструмент.

И все-таки я не помню случая, когда бы Ильич отказал в моей просьбе. Если же случалось, что они не исполнялись, это было не по его вине, а, вероятно, по силе тех «недостатков механизма», которыми всегда изобиловала неуклюжая машина русской государственности. Допустимо и что-то злое нежелание облегчить судьбу ценных людей, спасти их жизнь. Возможно, и здесь «вредительство», враг циничен так же, как хитер. Мечь и злоба часто действуют по инерции. И, конечно, есть маленькие, психически нездоровые люди с болезненной жадой наслаждаться страданиями ближних.

Однажды он, улыбаясь, показал мне телеграмму: «Опять арестовали скажите чтобы выпустили».

Подписано: Иван Вольный.

— Я читал его книгу, — очень понравилась. Вот в нем я сразу по пяти словам чувствую человека, который понимает неизбежность ошибок и не сердится, не лезет на стену из-за личной обиды. А его арестуют, кажется, третий раз. Вы бы посоветовали ему уехать из деревни, а то еще убьют. Его, видимо, не любят там. Посоветуйте. Телеграммой.

Нередко меня очень удивляла готовность Ленина помочь людям, которых он считал своими врагами, и не только готовность, а и забота о будущем их. Так, например, одному генералу, ученому, химику угрожала смерть.

— Гм-гм, — сказал Ленин, внимательно выслушав мой рассказ. — Так, по-вашему, он не знал, что сыновья спрятали оружие в его лаборатории? Тут есть какая-то романтика. Но — надо, чтобы это разобрал Дзержинский, у него тонкое чутье на правду.

Через несколько дней он говорил мне по телефону в Петроград:

— А генерала вашего — выпустим, — кажется, уже и выпустили. Он что хочет делать?

— Гомоэммульсию...

— Да, да — карболку какую-то! Ну вот, пусть варит карболку. Вы скажите мне, чего ему надо...

И для того, чтоб скрыть стыдливую радость спасения человека, Ленин прикрывал радость иронией.

Через несколько дней он снова спрашивал:

— А как — генерал? Устроился?

В 19 году в петербургские кухни являлась женщина очень красивая, и строго требовала:

— Я княгиня Ч., дайте мне кость для моих собак!

Рассказывали, что она, не стерпев унижения и голода, решила утопиться в Неве, но будто бы четыре собаки ее, почуяв недобрый замысел хозяйки, побежали за нею и своим воем, волнением заставили ее отказаться от самоубийства.

Я рассказал Ленину эту легенду. Поглядывая на меня искоса, снизу вверх, он все прищуривал глаза и наконец, совсем закрыв их, сказал угрюмо:

— Если это и выдуманно, то выдуманно неплохо. Шуточка революции.

Помолчал. Встал и, перебирая бумаги на столе, сказал задумчиво:

— Да, этим людям туго пришлось, история — мамаша суровая и в деле возмездия ничем не стесняется. Что ж говорить? Этим людям плохо. Умные из них, конечно, понимают, что вырваны с корнем и снова к земле не прирастут. А трансплантация, пересадка в Европу, умных не удовлетворит. Не вживутся они там, как думаете?

— Думаю — не вживутся.

— Значит — или пойдут с нами, или же снова будут хлопотать об интервенции.

Я спросил: кажется мне это, или действительно он жалеет людей?

— Умных — жалею. Умников мало у нас. Мы — народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума.

И, вспомнив некоторых товарищей, которые изжили классовую зоопсихологию, работают с «большевиками», он удивительно ласково заговорил о них.

Человек изумительно сильной воли, Ленин в высшей степени обладал качествами, свойственными лучшей революционной интеллигенции, — самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до

рахметовских гвоздей, отрицания искусства, до логики одного из героев Л. Андреева:

«Люди живут плохо — значит, я тоже должен плохо жить».

В тяжелом, голодном 19 году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неуютную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам. Приглашая меня обедать к себе, он сказал:

— Копченой рыбой угощу — прислали из Астрахани.

И, нахмурив сократовский лоб, скосив в сторону всевидящие глаза, добавил:

— Присылают, точно барину! Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять — обидишь. А кругом все голодают.

Неприхотливый, чуждый привычки к вину, табаку, занятый с утра до вечера сложной, тяжелой работой, он совершенно не умел заботиться о себе, но зорко следил за жизнью товарищей. Сидит за столом у себя в кабинете, быстро пишет и говорит, не отрывая пера от бумаги:

— Здравствуйте, как здоровье? Я сейчас кончу. Тут один товарищ, в провинции, скучает, видимо — устал. Надо поддержать. Настроение — не малая вещь!

Как-то в Москве прихожу к нему, спрашивает:

— Обедали?

— Да.

— Не сочиняете?

— Свидетели есть, — обедал в кремлевской столовой.

— Я слышал — скверно готовят там.

— Не скверно, а — могли бы лучше.

Он тотчас же подробно допросил: почему плохо, как может быть лучше?

И начал сердито ворчать:

— Что же они там, умелого повара не смогут найти? Люди работают буквально до обморока, их нужно кормить вкусно, чтобы они ели больше. Я знаю, что продуктов мало и плохи они, — тут нужен искусный повар. — И — процитировал рассуждение какого-то гигиениста о роли вкусных приправ в процессе питания и пищеварения. Я спросил:

— Как это вы успеваете думать о таких вещах?

Он тоже спросил:

— О рациональном питании?

И тоном своих слов дал мне понять, что мой вопрос неуместен.

Старый знакомый мой П. А. Скороходов, тоже сормович, человек мягкой души, жаловался на тяжесть работы в Чека. Я сказал ему:

— И мне кажется, что это не ваше дело, не по характеру вам.

Он грустно согласился:

— Совсем не по характеру.

Но, подумав, сказал:

— Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже, наверное, частенько приходится держать душу за крылья, и — стыдно мне слабости своей.

Я знал и знаю немало рабочих, которым приходилось и приходится, крепко сжав зубы, «держать душу за крылья» — насиловать органический «социальный идеализм» свой ради торжества дела, которому они служат. Приходилось ли самому Ленину «держать душу за крылья»?

Он слишком мало обращал внимание на себя для того, чтобы говорить о себе с другими, он, как никто,

умел молчать о тайных бурях в своей душе. Но однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя в даль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями, жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!

Детей он ласкал осторожно, какими-то особенно легкими и бережными прикосновениями.

Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним? Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта каза-

лась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу.

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм-гм, а не забываете вы России, живя на этой шишке?

В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере. Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исае Добровейн, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Apassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная!

Сам почти уже больной, очень усталый, он писал мне 9.VIII. 1921 года:

А. М.!

Переслал Ваше письмо Л. Б. Каменеву. Я устал так, что ничегошеньки не могу. А у Вас кровохарканье и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально. В Европе, в *хорошей* санатории будете и лечиться, и *второе больше дело делать*. Ей-ей. А у нас — ни леченья, ни дела, одна *суетня*, зряшная *суетня*. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас!

Ваш Ленин.

Он больше года с поразительным упрямством настаивал, чтоб я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощенный работой, помнит о том, что кто-то где-то болен, нуждается в отдыхе?

Таких писем, каково приведенное, он написал разным людям, вероятно, десятки.

Я уже говорил о его совершенно исключительном отношении к товарищам, о внимании к ним, которое прощательно догадывалось даже о неприятных мелочах их жизни. Но в этом его чувстве я никогда не мог уловить своекорыстной заботливости, которая иногда свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умным работникам.

Нет, это было именно сердечное внимание истинного товарища, чувство любви равного к равным. Я знаю, что между Владимиром Лениным и даже крупнейшими людьми его партии невозможно поставить знака равенства, но сам он этого как бы не знал, а вернее — не хотел знать. Он был резок с людьми, споря с ними, безжалостно высмеивал, даже порою ядовито издевался — все это так.

Но сколько раз в его суждениях о людях, которых он вчера распинал и «разносил», я совершенно ясно слышал ноты искреннего удивления пред талантами и моральной стойкостью этих людей, пред их упорной и тяжелой работой адовых условий 1918—1921 годов, работой в окружении шпионов всех стран и партий, среди заговоров, которые гнилыми нарывами вздувались на истощенном войною теле страны. Работали — без отдыха, ели мало и плохо, жили в непрерывной тревоге.

Но сам Ленин как будто не испытывал тяжести этих условий и тревог жизни, потрясенной до самых глубочайших основ своих кровавой бурей гражданской распри. И только один раз, в беседе с М. Ф. Андреевой, у него, по ее словам, вырвалось что-то подобное жалобе:

— Что же делать, милая Мария Федоровна? Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского, — на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!

Лично я слышал от него лишь одну жалобу:

— Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!

Помню, как весело и долго хохотал он, прочитав где-то слова Мартова:

«В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай».

А посмеявшись, сказал, со вздохом:

— Какая умница! Эх...

Именно с уважением и удивлением он сказал, проводив из кабинета одного товарища «хозяйственника»:

— Вы давно знаете его? Он был бы во главе кабинета министров любой европейской страны.

И, потирая руки, посмеиваясь, добавил:

— Европа беднее нас талантливыми людьми.

Я предложил ему съездить в Главное артиллерийское управление, посмотреть изобретенный одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

— А что я в этом понимаю? — спросил он, но — поехал. В сумрачной комнате, вокруг стола, на котором стоял аппарат, собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, ученые люди. Среди них скромная штатская фигура Ленина как-то потерялась, стала незаметной.

Изобретатель начал объяснять конструкцию аппарата. Ленин послушал его минуты две, три, одобрительно сказал:

— Гм-гм! — и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики:

— А как достигнута вами одновременно двойная работа механизма, устанавливающая точку прицела? И нельзя ли связать установку хоботов орудий автоматически с показаниями механизма?

Спрашивал про объем поля поражения и еще о чем-то, — изобретатель и генералы оживленно объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

— Я сообщил моим генералам, что приедете вы с товарищем, но умолчал, кто — товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: это техник, профессор? Ленин? Страшно удивились — как? Не похоже! И — позвольте! — откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как че-

ловек технически сведущий! Мистификация! — Кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...

А Ленин, по дороге из ГАУ, возбужденно похихатывал и говорил об изобретателе:

— Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный товарищ, но — из тех, что звезд с неба не хватают. А он как раз именно на это и оказался годен. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это, — хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку.

Залился смехом, потом спросил:

— Говорите, у И. есть еще изобретение? В чем дело? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!

Да, часто слышал я его похвалы товарищам. И даже о тех, кто — по слухам — не пользовался его личными симпатиями, Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии.

Я был очень удивлен его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого, — Владимир Ильич подметил мое удивление.

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных спецов.

Помолчав, он добавил потише и невесело:

— А все-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Лассаля.

Эти слова: «С нами, а — не наш» я слышал от него дважды, второй раз они были сказаны о человеке тоже крупном. Он умер вскоре после Владимира Ильича. Лю-

дей Владимир Ильич чувствовал, должно быть, очень хорошо. Как-то, входя в его кабинет, я застал там человека, который, пятась к двери задом, раскланивался с Владимиром Ильичем, а Владимир Ильич, не глядя на него, писал.

— Знаете этого? — спросил он, показав пальцем на дверь: я сказал, что раза два обращался к нему по делам «Всемирной литературы».

— И — что?

— Могу сказать: невежественный и грубый человек.

— Гм-гм... Подхалим какой-то. И, вероятно, жулик. Впрочем, я его первый раз вижу, может быть, ошибаюсь.

Нет, Владимир Ильич не ошибся: через несколько месяцев человек этот вполне оправдал характеристику Ленина.

О людях он думал много, обеспокоенный тем, что по его словам:

— Аппарат у нас — пестренький, после Октября много влезло в него чужих людей. Это — по вине благочестивой и любимой вами интеллигенции, это — вследствие ее подлого саботажа, да-с!

Это он говорил, гуляя со мною в Горках. Не помню, почему я заговорил об Алексинском, кажется, он выкинул в это время какую-то дрянную штуку.

— Можете представить: с первой же встречи с ним у меня явилось к нему чисто физическое отвращение. Непобедимое. Никогда, никто не вызывал у меня такого чувства. Приходилось вместе работать, всячески одергивая себя, неловко было, а — чувствую: не могу я терпеть этого выродка!

И, удивленно пожав плечами, сказал:

— А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень это темное дело, Малиновский...

Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и доброго «заботливого друга».

— Загадочный вы человек, — сказал он мне шуточно, — в литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик. У вас все — жертвы истории? Мы знаем историю, и мы говорим жертвам: опрокидывайте жертвенники, ломайте храмы, долой богов! А вам хочется убедить меня, что боевая партия рабочего класса обязана прежде всего удобно устроить интеллигентов.

Может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что беседовать со мною Владимиру Ильичу было приятно. Он почти всегда предлагал:

— Приедете — позвоните, повидаемся.

А однажды сказал:

— Потолковать с вами всегда любопытно, у вас разнообразнее и шире круг впечатлений.

Расспрашивал о настроении интеллигенции, особенно внимательно об ученых, — я в то время работал с А. Б. Халатовым в «Комиссии по улучшению быта ученых». Интересовался пролетарской литературой:

— Чего вы ждете от нее?

Я говорил, что жду много, но считаю совершенно необходимым организацию литвуза с кафедрами по языкознанию, иностранным языкам — Запада и Востока, — по фольклору, по истории всемирной литературы, отдельно — русской.

— Гм-гм, — говорил он, прищуриваясь и похохатывая. — Широко и ослепительно! Что широко — я не против, а вот — ослепительно будет, а? Своих-то профессоров у нас нет по этой части, а буржуазные такую историю покажут.. Нет, сейчас нам этого не поднять. Годика три, пяток подождать надо.

И жаловался:

— Читать — совершенно нет времени!

Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил:

— Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди.

К Маяковскому относился недоверчиво и даже раздраженно:

— Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему, — не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим! А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день.

Я сказал, что тяготение молодежи к песне — естественно в такие дни и что — на мой взгляд — посредственные стихи легче писать, чем хорошую прозу, и времени требуют стихи — меньше; к тому же у нас очень много хороших учителей по технике стихосложения.

— Ну, что стихи легче прозы — я не верю! Не могу представить. С меня хоть кожу сдерите — двух строчек не напишу, — сказал он и нахмурился. — В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть у нас и в Европе.

Он был русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну, — издали она кажется красочнее и ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее — исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звездами.

Владимир Ленин, большой, настоящий человек мира сего, — умер. Эта смерть очень больно ударила по сердцам тех людей, кто знал его, очень больно!

Но черная черта смерти только еще резче подчеркнет в глазах всего мира его значение, — значение вождя всемирного трудового народа.

И если б туча ненависти к нему, туча лжи и клеветы вокруг имени его была еще более густа — все равно: нет сил, которые могли бы затемнить факел, поднятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира.

И не было человека, который так, как этот, действительно заслужил в мире вечную память.

Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал.

Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. 1.

М., Госполитиздат, 1956.

стр. 365—392.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**КРАТКИЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ
И НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ,
УПОМИНАЮЩИХСЯ В НИХ**

Авдеев Семен Федорович (1883—1958). Активный участник Февральской и Октябрьской революций в Петрограде. В июле 1917 г. вступил в члены РСДРП(б). В конце 1917 г. переехал в Н. Новгород и работал в Доскинском затоне. В январе 1918 г. был избран председателем затонкома, а затем комиссаром пароходства быв. общества «Самолет». С марта 1919 г. работал членом коллегии и зав. технической частью Нижрупвода. В дальнейшем — на руководящей работе на водном транспорте.

Андреева Мария Федоровна (1872—1955). Известная русская актриса и общественная деятельница. Друг А. М. Горького. С 1903 г. была его секретарем и помощником. Член большевистской партии с 1904 г. В 1912 г. подверглась аресту и после суда находилась под негласным надзором полиции. После победы Великой Октябрьской социалистической революции вела активную общественную работу. В 1931—1948 гг. — директор Московского дома ученых. С 1948 г. — персональный пенсионер. Награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Анненский Николай Федорович (1843—1912). Публицист и статистик. Один из видных руководителей либеральных народников 90-х гг., впоследствии перешел к кадетам. В 1887 г. приехал в Н.Новгород по приглашению местного земства как специалист по постановке дела земской статистики. Позднее сотрудничал в «Оте-

чественных записках» и был членом редакции журнала «Русское богатство».

Березина (Рукавишникова) Анна Алексеевна (род. в 1871 г.) В 90-е гг. принимала активное участие в работе социал-демократических кружков в Н. Новгороде. В 1896 г. была арестована по обвинению в устройстве у себя конспиративной квартиры для проведения занятий с рабочими, в печатании прокламаций на гектографе и т. п.

После 20-месячного пребывания в нижегородской тюрьме была выслана на 2 года в Саратов, где за ней был учинен гласный надзор полиции. В дальнейшем от политической деятельности отошла.

Бонч-Бруевич Михаил Александрович (1888—1940). Крупный советский инженер, сыгравший большую роль в развитии радиотехники.

В 1918 г. Бонч-Бруевич становится во главе Нижегородской радиолaborатории, которая объединила в то время большинство русских радиоспециалистов. Своими работами в конструировании радиоламп, развитии радиовещания и дальних связей на коротких волнах Нижегородская радиолaborатория сыграла выдающуюся роль в прогрессе радиотехники. Работа Нижегородской радиолaborатории направлялась В. И. Лениным, предвидевшим исключительные возможности зарождающегося радиовещания.

С 1922 г. М. А. Бонч-Бруевич — профессор Московского Высшего технического училища им. Баумана, а с 1932 — профессор Ленинградского института инженеров связи. С 1931 г. — член-корреспондент Академии наук СССР. Автор многих научных трудов.

Ванев Анатолий Александрович (1872—1899). В 1892 г. в Н. Новгороде начал принимать участие в социал-демократическом движении. Под руководством местных марксистов М. Григорьева, П. Скворцова занимался пропагандой марксизма среди рабочих, распространял нелегальную литературу. В 1893 г. поступил учиться в Петербургский технологический институт и вошел в с.-д. кружок студентов-технологов. Являлся одним из руководящих деятелей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», организованного в 1895 г. Владимиром Ильичем Лениным. Работая под руководством В. И. Ленина, А. А. Ванев сформировался как стойкий и убежденный марк-

сист. В декабре 1895 г. Ванеев был арестован и в 1897 г. выслан на 3 года в Сибирь.

В 1899 г. на квартире Вансева в ссылке состоялось совещание 17 ссыльных социал-демократов. Совещание, проходившее под руководством В. И. Ленина, приняло «Протест 17-ти», направленный против «экономистов». В этом же году в ссылке А. А. Ванеев умер от туберкулеза.

Васильцев Григорий Степанович (род. в 1887 г.). Трудовую деятельность начал с 8-летнего возраста. Вначале был пастухом, с 13 лет — учеником маляра, а затем работал маляром в Ростове-на-Дону. В 1907 г. возвращается в родную деревню. В 1909 г. был призван на службу в царскую армию.

В феврале 1918 г. вступил в члены РКП(б). В это время активно участвовал в установлении и строительстве Советской власти в Муроме. До 1922 г. трудился на железнодорожном транспорте в Муроме, Москве. С 1922 г. по 1926 г. — на партийной работе — секретарь Муромского укома, а затем горкома партии.

В 1930 г. переехал жить в Н. Новгород, где работал начальником строительных участков. В 1936 г. — вновь на железнодорожном транспорте — начальник отдела приема и увольнения.

С 1953 г. — персональный пенсионер.

Владимирский Михаил Федорович (1874—1951). Один из старейших деятелей большевистской партии. В начале 90-х гг., будучи учеником духовной семинарии в Н. Новгороде, вошел в марксистский кружок. В 1895 г. жил в Москве, где проявил себя отличным пропагандистом и организатором среди рабочих. Осенью 1896 г. был арестован, а в марте 1897 г. выслан в Н. Новгород под надзор полиции.

В 1898 г. возвратился в Москву, где вошел в состав комитета социал-демократической организации. В 1899 г. эмигрировал за границу, где примкнул к сторонникам «Искры» и стал активным проводником ее идей. Вернувшись в Россию, в 1903—1905 гг. работал в Нижегородской большевистской партийной организации. В 1905 г. — член Московского комитета большевиков, входил в стачечный комитет и в редакцию «Известий Московского Совета».

В 1906 г. был арестован. В 1907 г. эмигрировал за границу, где работал в большевистских организациях. В 1917 г. вернулся в Россию и в дни Октябрьской революции являлся одним из членов «партийной пятерки» по руководству восстанием в Москве.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции — видный деятель Советского государства и большевистской партии.

Голубева Мария Петровна (1861—1936). В начале своей революционной деятельности придерживалась народнических взглядов. В 1891 г. была арестована и выслана под гласный надзор полиции в Самару. Здесь у нее состоялось памятное знакомство с В. И. Лениным, который оказал на нее сильное влияние. В 1901 г. вступает в социал-демократическую организацию. После II съезда РСДРП — большевика. После победы Октябрьской революции работала в Центральном Совете фабрично-заводских комитетов, в Наркомюсте, в Петроградской ЧК.

В 1920—1928 гг. работала в аппарате ЦК ВКП(б). С 1928 г. — на пенсии.

Гольденберг (Мешковский) Иосиф Петрович (1873—1922). В 90-е гг. состоял членом одного из нижегородских социал-демократических кружков. После II съезда РСДРП — большевик. В период первой мировой войны занимал оборонческую позицию. В 1920 г. вновь вступил в партию большевиков.

Григорьев Михаил Георгиевич (1871—1934). С 1889 г. привлекался к дознанию по делу казанского революционного кружка Федосеева. Девять месяцев содержался в Петербургской тюрьме «Кресты». В 1891 г. приезжает в Н. Новгород, где занимается организацией марксистских кружков среди учащихся и рабочих Курбатовского завода. Вместе с П. Скворцовым был одним из первых русских марксистов.

В 1893 г. был вновь арестован по казанскому делу и в 1894 г. выслан в Самару на 3 года под гласный надзор полиции. В Самаре был организатором и руководителем с.-д. рабочих кружков. В 1896 г. был арестован, а в 1897 г. выслан на 4 года в Архангельскую губернию. После возвращения из ссылки от политической деятельности отошел.

После Великой Октябрьской социалистической революции работал в различных советских учреждениях.

Публикуемые в настоящем сборнике воспоминания М. Г. Григорьева даются в сокращенном виде, помещаются лишь те материалы, которые освещают революционную деятельность первых ниже-

городских марксистов, и факты, связанные с приездом В. И. Ленина в Н. Новгород и его выступлениями среди местных марксистов.

Десницкий Василий Алексеевич (1878—1959). Революционную деятельность начал в 1897 г. в кружке социал-демократов в Н. Новгороде. Являлся членом Нижегородского комитета РСДРП, был избран делегатом на II съезд партии, но в работе его не участвовал, так как при переезде через границу был арестован. После съезда приехал к большевикам и до ноября 1905 г. входил в руководящее ядро Нижегородской большевистской организации.

Участник III, IV и V съездов партии. В 1909 г. от большевистской партийной деятельности отошел. С 1919 г. вел научную и преподавательскую работу в Ленинграде. Имел звание профессора и ученую степень доктора филологических наук.

Дулин Василий Михайлович (1894—1963). Член большевистской партии с 1916 г. В 1907 г. поступил работать в прокатный цех Нижне-Выксунского завода.

В 1914—1917 гг. работал в Петрограде, Выксе, Н. Новгороде. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. В 1917—1920 гг. вел ответственную партийную работу в Выксе, Ардатове, Арзамасе. В дальнейшем — на руководящей партийной работе в различных районах страны. В последние годы, перед выходом на пенсию, работал преподавателем политической экономии в вузах г. Москвы.

Зайцев Иван Григорьевич (1886—1958). Родился в д. Бесходарново Нижегородской губернии в семье крестьянина. С 12 лет начал работать в сельском хозяйстве, а затем на лесоразработках. Участник Февральской революции в Н. Новгороде. В феврале 1919 г. вступил в члены Коммунистической партии. В этом же году его направляют учиться на 1-е Кремлевские пулеметные курсы комсостава в Москве, где пробыл около года. После окончания курсов был направлен на Польский фронт. В декабре 1922 г. был демобилизован из Красной Армии и вернулся в свою деревню. Последующие годы находился на партийной, советской и хозяйственной работе.

Заломов Петр Андреевич (1877—1955). Родился в Н. Новгороде в семье рабочего. 15 лет поступил работать на завод Курбатова.

С 1897 г. начал принимать участие в социал-демократическом движении. В этот период неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. В 1900 г. перешел работать на Сормовский завод. В 1901 г. был избран в первый Нижегородский комитет РСДРП. В 1902 г. был одним из организаторов знаменитой Сормовской первомайской демонстрации. За участие в демонстрации был приговорен судом к пожизненной ссылке и сослан в Восточную Сибирь. В марте 1905 г. из ссылки бежал. Принимал активное участие в Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве.

В 1906 г. уехал в г. Суджа Курской губернии и с этого времени от партийной деятельности отошел. После победы Великой Октябрьской социалистической революции работал в советских и хозяйственных органах. В 1925 г. вновь вступает в члены партии.

Комин-Александровский Михаил Алексеевич (1883—1968).

С 1900 г. начинает принимать активное участие в революционном движении в Н. Новгороде и в этом же году вступает в партию. Активный участник революционных событий 1905—1907 гг. в Н. Новгороде. В 1906 г. был арестован и несколько месяцев просидел в Нижегородской тюрьме. В 1909 г. эмигрировал за границу. Вернувшись в 1920 г. в Советский Союз, работал в различных учреждениях.

Коркунев А. — крестьянин Нижегородской губернии.

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921). Выдающийся русский писатель, публицист и общественный деятель. В начале 70-х гг. был арестован и сослан. Наказание отбывал в Вятской, Пермской, Томской губ., Якутской области и в Н. Новгороде.

С 1895 г. один из издателей журнала «Русское богатство», а с 1900 г. — один из редакторов этого журнала.

Красин Леонид Борисович (1870—1926). Старейший член Коммунистической партии, один из выдающихся партийных организаторов периода подполья, видный советский хозяйственник и дипломат. С конца 80-х гг. начинает принимать участие в революционном движении. В 1891 г. за участие в демонстрации на похоронах писателя Н. В. Шелгунова был исключен из Петербургского технологического института и выслан в Н. Новгород. В мае 1892 г. в

Н. Новгороде был вновь арестован. Наказание отбывал в Туле, а затем был выслан в Восточную Сибирь на 3 года. По окончании ссылки жил в Харькове, где в 1900 г. окончил технологический институт. После II съезда РСДРП — большевик. Будучи кооптированным в ЦК партии, занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам, вскоре, однако, с меньшевиками порвал. В 1908 г. эмигрировал за границу, где в годы реакции входил в отзовистскую группу «Вперед». Позднее от политической деятельности отошел.

После Октябрьской революции активно участвовал в строительстве Советской власти. Председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии, член президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности, нарком путей сообщения, нарком внешней торговли, торгпред в Лондоне, полпред в Париже и Лондоне. На XIII и XIV съездах партии избирался в члены ЦК ВКП(б).

Красин Герман Борисович (ум. в 1947 г.). В революционном движении начал принимать участие в 80-х гг. В 1891 г. был исключен из Петербургского технологического института за участие в демонстрации на похоронах писателя Н. В. Шелгунова и выслан в Н. Новгород. Осенью 1892 г. вернулся в Петербург, где вместе с Радченко организовал марксистский кружок студентов-технологов. Принимал участие в организации рабочих кружков, вел пропагандистскую работу, участвовал в дискуссиях. В дальнейшем от революционной деятельности отошел.

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959). Старейший член Коммунистической партии, видный деятель Советского государства, ученый-энергетик, академик.

В начале 90-х гг., будучи студентом Петербургского технологического института, входил в марксистский кружок студентов-технологов. В это время активно участвовал в организации рабочих кружков, работал пропагандистом. Один из основателей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В декабре 1895 г. был арестован и в 1897 г. сослан на 3 года в Минусинский округ Восточной Сибири. После ссылки жил в Самаре, где организовал искровский центр. Активный участник революционных событий 1905—1907 гг. в Киеве. В дальнейшем вел партийную работу в Петербурге. Активный участник Октябрьской революции и строительства Советского государства. В 1920 г. по

поручению В. И. Ленина возглавлял Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО).

В 1921—1930 гг. — председатель Госплана. Затем работал в ряде наркоматов. В 1924—1939 гг. — член ЦК ВКП(б). Герой Социалистического Труда. Награжден пятью орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Кугушева Анна Егоровна. В начале 90-х гг. принимала участие в революционном движении в Москве. В июле 1894 г. из Москвы была выслана под гласный надзор полиции в Н. Новгород.

Ладыжников Иван Павлович (1874—1945). С 90-х гг. принимал участие в деятельности рабочих марксистских кружков на Урале. Активно работал в социал-демократическом подполье в Н. Новгороде и Сормове. Был членом первого Нижегородского комитета РСДРП. В начале 1903 г. был арестован и около 2 лет находился в тюремном заключении. В августе 1905 г. уехал за границу. В 1914 г. возвратился в Россию и жил в Петербурге. После Великой Октябрьской социалистической революции работал членом редколлегии издательства «Всемирная литература», в издательстве «Книга» (позднее — «Международная книга»). Близкий друг А. М. Горького. После его смерти посвятил себя собиранию наследства великого писателя. С 1936 г. по 1943 г. работал научным консультантом архива А. М. Горького.

Лалаянц Исаак Христофорович (1870—1933). С конца 80-х гг. принимал участие в революционном движении. В 1888—1889 гг. был членом кружка Н. Е. Федосеева в Казани. В 1893 г. в Самаре впервые встретился с В. И. Лениным. С 1895 г. работал в Екатеринославле, где участвовал в создании местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и в подготовке I съезда РСДРП. В 1900 г. был редактором нелегальной социал-демократической газеты «Южный рабочий». В 1902 г. был арестован и сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. В Женеве заведовал типографией «Искры». Был агентом ЦК партии в России.

В 1904 г. был арестован и сослан в Вологодскую губернию, откуда вскоре бежал в Петербург, где продолжал вести партийную работу. В 1906 г. вновь был арестован и 2 года провел в предварительном заключении, а затем приговорен к 6 годам каторги. В конце

1913 г. был сослан на вечное поселение в Восточную Сибирь. В дальнейшем от политической деятельности отошел и был вне партии. С 1922 г. работал в Главполитпросвете Наркомпроса РСФСР.

Липатов Кузьма Осипович (род. в 1889 г.). Родился в с. Нуча Ардатовского уезда Нижегородской губернии. С 15 лет его отдают в ученики сапожника, и сапожником работает до 1917 г. В январе 1917 г. устроился работать на Кулебакский металлургический завод. С мая 1919 г. служил в Красной Армии, участвовал в боях, учился на командных курсах. В апреле 1921 г. — курсант Первой объединенной школы им. ВЦИК в Москве.

С сентября 1923 г. по июнь 1955 г. работал на Кулебакском металлургическом заводе, выполняя различную партийную и хозяйственную работу. Член КПСС с 1930 г. С 1955 г. — на пенсии.

Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич (1872—1947). Старейший член партии. С 90-х гг. активно вел пропаганду среди рабочих в Москве. В 1892, 1895 гг. арестовывался по обвинению в ведении социал-демократической пропаганды. Один из основателей Московского рабочего союза. В 1897 г. был выслан на 5 лет в Верхоянск.

В 1902 г. возвращается из ссылки и работает в Саратовском комитете РСДРП. С 1904 г. живет за границей. В 1905—1907 гг. принимал активное участие в революции, был членом Московского комитета партии, выполнял ответственные поручения ЦК РСДРП. Позднее, в годы реакции, примкнул к отзовистам и в 1909 г. вошел во фракционную группу «Вперед». В 1911 г. из этой группы вышел и уехал в Баку. В 1911—1917 гг. вел пропагандистскую работу в Бакинском районе. После Февральской революции 1917 г. стоял на меньшевистских позициях. В 1920 г. восстановлен в рядах РКП(б). С 1920 г. жил и работал в Москве — пом. начальника Главтопа, директором правления нефтяной промышленности, ректором Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, нач. Главнауки и др.

Перу М. Н. Лядова принадлежит ряд работ по истории партии.

Малиновская Елена Константиновна (1875—1942). Родилась в Н. Новгороде в семье служащего. Член партии с 1905 г. Участница трех революций. До 1905 г. работала в Нижегородском комитете

большевиков. Заведовала финансами, занималась печатанием прокламаций, осуществляя связь с Московской организацией. С 1908 г. вела партийную работу в МК РСДРП.

В 1910 г. сотрудничала с передовцами, но под влиянием В. И. Ленина в 1911 г. вернулась к большевикам. После Февральской революции работала в Московском комитете партии. Позднее организовала и возглавила художественно-просветительный отдел Моссовета. После победы Великой Октябрьской социалистической революции по совместительству — комиссар московских театров. С 1918 г. — зав. московскими академическими театрами.

В 1919 г. член директории, а с 1920 г. — директор Большого театра. С 1924 г. по 1930 г. — управляющий делами и член комитета Севера при президиуме ВЦИК.

С 1930 г. по 1935 г. вновь директор Большого театра. С 1935 г. — персональный пенсионер.

Малышев Сергей Васильевич (1877—1938). В 1898 г., работая на Обуховском заводе, вступил в марксистский кружок. В 1902 г. вступил в члены РСДРП, большевик. Активный участник революции 1905—1907 гг. За революционную работу неоднократно подвергался арестам, сидел в тюрьмах, отбывал ссылку. Был секретарем редакции газеты «Правда».

После победы Октябрьской революции работал в Наркомтруде.

В 1918—1921 гг. — уполномоченный Наркомтруда, а затем член Реввоенсовета Туркестанского фронта.

В 1922 г. был председателем Ирбитского, а затем Нижегородского ярмарочного комитета, председателем Всесоюзной Торговой палаты. Последние годы жизни работал в Центросоюзе.

Малыгин Василий Иванович (1878—1943). Родился в крестьянской семье. В 1898 г. поступил работать на Сормовский завод, затем переезжает в Москву, где трудится на разных заводах.

С 1912 г. по 1915 г. жил и работал в Петрограде. С 1915 г. вновь на Сормовском заводе. После Великой Октябрьской социалистической революции — на различной партийной и хозяйственной работе. Член КПСС с 1917 г.

Митрофанов Александр Иванович (род. в 1899 г.). Родился в с. Подлесово Нижегородской губернии. В марте 1919 г. вступил в

члены РКСМ и в его рядах прошел путь от члена бюро сельской ячейки до руководителя губернской организации. В 1920 г. вступает в члены РКП(б).

С января 1922 г. по июль 1924 г. — ответственный секретарь Нижегородского губкома комсомола. Был делегатом IV и V Всероссийских съездов комсомола, XI, XII, XIII съездов РКП(б), II съезда Советов СССР.

В 1928 г. в Москве окончил Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. После этого находился на руководящей партийной и советской работе. Участник Великой Отечественной войны. С 1946 г. преподавал основы марксизма-ленинизма в Новосибирском с/х институте, а с 1952 г. — в Московском институте цветных металлов и золота. Имеет звание доцента и ученую степень кандидата исторических наук. В настоящее время персональный пенсионер, живет в Москве.

Мицкевич Сергей Иванович (1869—1944). Видный деятель революционного движения в России. По профессии врач. В начале своей революционной деятельности тяготел к народникам. Затем порывает с народничеством и примыкает к марксистским рабочим кружкам в Москве. В 1894 г. был арестован и сослан в Якутскую область. В 1903 г. вернулся из ссылки и вел подпольную партийную работу в Москве, Твери, Н. Новгороде (с 1906 г. по 1914 г.), Саратове.

Сотрудничал в большевистских газетах. При его участии в Н. Новгороде в 1912 г. издавалась большевистская легальная газета «Поволжская быль». Активный участник трех революций. В годы гражданской войны работал в санитарных частях ряда фронтов. С 1921 г. — на профсоюзной работе.

Один из организаторов Музея революции, директором которого он являлся в 1924—1934 гг. Последние годы жизни занимался литературной деятельностью.

Невзорова (Шестернина) Софья Павловна (1868—1943). Член Коммунистической партии с 1898 г. В 1893 г. поступила учиться на Высшие женские курсы в Петербурге. В Петербурге познакомилась с В. И. Лениным и сблизилась с членами марксистского кружка студентов-технологов.

С осени 1895 г. была учительницей воскресной школы, помогала организовывать рабочие кружки, занималась распространением

нелегальной литературы. В 1896 г. арестовывается и в 1897 г. высылается в Н. Новгород. В дальнейшем неоднократно арестовывалась, сидела в тюрьме. В 1905 г. участвовала в Декабрьском вооруженном восстании.

В последующие годы преподавала в Москве и вела большую пропагандистскую работу. После Великой Октябрьской социалистической революции работала во внешкольном отделе Наркомпроса РСФСР, в Истпарте МК ВКП(б) и в других организациях и учреждениях, вела партийную работу.

С 1928 г. была персональной пенсионеркой.

Невзорова (Кржижановская) Зинаида Павловна (1870—1948). С 1894 г. принимала участие в революционном движении в Н. Новгороде. Была членом Нижегородской группы с.-д. Затем едет учиться в Петербург, где поступает на Высшие женские курсы. Принимает участие в работе Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1896 г. была арестована, а в 1897 г. выслана на 3 года в Восточную Сибирь.

По окончании ссылки уезжает за границу, по возвращении в Россию живет в Самаре. Была секретарем русской организации «Искры». В 1904 г. арестовывается, после освобождения в 1905 г. продолжала вести работу в Петербургском комитете. С 1910 г. ведет работу в Московском комитете РСДРП.

После Великой Октябрьской социалистической революции работала в научно-политической секции ГУСа. Последние годы жизни — персональный пенсионер.

Николаев Аким Максимович (1887—1937). Член партии с 1904 г. Участник первой русской революции. В период реакции эмигрировал за границу. Жил в Цюрихе, где познакомился с В. И. Лениным. Работал в заграничных организациях партии. В 1916 г. был направлен в Россию для ведения пропаганды на фронте среди солдат.

В 1917 г. — член пятерки по организации революционного переворота во Владимире. С 1918 по 1924 г. — член коллегии Наркомпочтеля и председатель Радиосовета. В 1918 г. принимал активное участие в подавлении бунта левых эсеров. С 1925 г. — торгпред в Норвегии, заместитель торгпреда в Швеции и Франции, директор Электротримпорта, член президиума Госплана СССР, заместитель председателя ВОКСа.

Остряков Петр Алексеевич (1887—1952). Советский ученый в области радиотехники. Член партии с 1945 г. В 1918—1927 гг. работал в Нижегородской радиолaborатории. В 1921—1941 гг. участвовал в проектировании и строительстве ряда мощных радиостанций, под его руководством было начато и строительство радиовещательной станции имени Коминтерна в Москве. В 1929—1941 гг. вел преподавательскую работу в Московском электротехническом институте связи, а с 1944 г. работал в Научно-исследовательском институте связи. Имел ученую степень доктора технических наук и звание профессора. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и несколькими медалями.

Павлов Дмитрий Александрович (1880—1920). Родился в Н. Новгороде в семье рабочего-столяра. С 10 лет начал работать по найму, вначале мальчиком в магазине, а затем поступил на Сормовский завод учеником в модельный цех.

С 1898 г. принимал активное участие в революционном движении в Н. Новгороде. Был членом Нижегородского комитета РСДРП. За период работы в Нижегородской партийной организации неоднократно подвергался арестам. Участник декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. Затем переехал в Петербург, где жил нелегально, под чужой фамилией.

Через некоторое время легализовался и до 1917 г. работал на различных заводах Петрограда. Одновременно вел большую партийную работу.

С 1915 г. квартира Д. А. Павлова поступила в полное распоряжение Русского бюро ЦК РСДРП(б). В 1917 г. в квартире Павловых (Сердобольская ул., дом 35, кв. 4) неоднократно бывал В. И. Ленин.

Д. А. Павлов — активный участник Февральской и Октябрьской революций в Петрограде.

В ноябре 1917 г. был назначен секретарем Народного комиссариата торговли и промышленности, затем работал в ВСНХ в отделе металла, организатор продотрядов при Военно-продовольственном бюро, председатель Елецкой организации РКП(б).

В дальнейшем заведовал работой водного транспорта Украины, был членом коллегии отдела ЦК РКП(б) по работе в деревне, председателем рабочего комитета содействия при Народном Комиссариате земледелия.

В сентябре 1919 г. был мобилизован ЦК партии на фронт и назначен военкомом 3-й бригады 9-й армии Юго-Восточного фронта. Умер на фронте от тифа 29 февраля 1920 г.

Павлова Мария Георгиевна (род. в 1887 г.). Родилась в Петербурге в семье рабочего-кузнеца, участника марксистских кружков конца 80-х гг., члена «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», впоследствии члена РКП(б) — Егора Афанасьевича Климова-Афанасьева.

Под влиянием отца рано начинает принимать участие в революционном движении. В июне 1906 г. вступила в члены РСДРП(б) и вскоре была избрана секретарем Гвоздильного подрайона Петербурга. В октябре этого же года была арестована и административно выслана. Но из Петербурга не уехала и некоторое время находилась на нелегальном положении, продолжая вести партийную работу.

В 1917 г. перед Октябрьской революцией в квартире Павловых несколько раз был В. И. Ленин.

В марте 1918 г. М. Г. Павлова переезжает в Москву, где работает в ВСНХ, в Политуправлении Реввоенсовета республики, партийных организациях.

С 1919 г. по 1937 г. работала научным сотрудником в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). В 1938—1946 гг. работала в различных государственных учреждениях Москвы. С 1950 г. живет в Ленинграде, персональный пенсионер.

Д. А. Павлов не оставил после себя воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине, публикуемые воспоминания Марии Георгиевны Павловой — жены, верного друга и товарища Дмитрия Александровича в значительной мере позволяют заполнить этот пробел.

Пискунов Александр Иванович (1870—1924). По окончании Нижегородской гимназии поступил учиться на юридический факультет Московского университета. С 1893 г. из университета был исключен за участие в политическом движении студенчества и выслан.

Через год поступает в Казанский университет, который и оканчивает в 1896 г. С этого времени активно включается в революционную работу в Н. Новгороде. В 1900 г. встретился с В. И. Лениным, в дальнейшем поддерживал тесную связь с ним и Н. К. Крупской.

В 1901—1903 гг. — член Нижегородского комитета РСДРП.

В 1903 г. был арестован и выслан в Курск. В дальнейшем активно работал в большевистских организациях, подвергался неоднократным арестам и высылкам. Активный участник Октябрьской революции в Москве.

С 1918 по 1922 г. заведует Московским отделом народного образования, будучи одновременно членом президиума Моссовета.

В 1922 г. переходит на работу в отдел социального обеспечения Моссовета, а затем в Московский земельный отдел, где заведовал издательством и являлся редактором газеты «Московский крестьянин».

Плесков Иван Ильич (1890—1950). С 1904 г. работал на Сормовском заводе, сначала нагревальщиком, а затем слесарем в котельной мастерской. Член партии с 1931 г. В 1938—1941 гг. был секретарем партбюро котельной мастерской завода «Красное Сормово».

Пятибратов Яков Степанович (1874—1939). С начала 90-х гг. принимал участие в революционном движении. С 1892 г. по 1895 г. входил в марксистские рабочие кружки в Н. Новгороде. В эти годы активно участвовал в революционной работе, вел пропаганду и агитацию, вовлекал рабочих в марксистские кружки.

В 1895—1896 гг. жил в Самаре, где был одним из организаторов марксистского кружка рабочих.

В 1896 г. был арестован по делу нижегородской и саратовской организации и после суда был выслан на 3 года в Уфимскую губернию.

Розанов Александр Семенович (род. в 1870 г.). Будучи студентом Московского университета, в начале 90-х гг. стал принимать участие в революционном движении. В 1892 г. был привлечен к дознанию за распространение воззвания к молодежи от «Группы народолюбцев» и выслан под гласный надзор полиции в Тверь, затем переехал в Н. Новгород. Здесь вел пропаганду среди рабочих, организовывал кружки, писал листовки. Был одним из организаторов сходы рабочих в день 1 мая 1895 г. Один из руководителей с.-д. движения в Н. Новгороде.

Рыбаков Григорий Иванович (род. в 1883 г.). Родился в Н. Новгороде и 11-летним подростком поступил работать на завод Курбатова.

В начале 900-х гг. начал принимать участие в с.-д. движении. Занимался распространением прокламаций и другой партийной работой.

Самылин Михаил Иванович (род. в 1877 г.). В 1895 г., работая на заводе Курбатова, начинает принимать участие в революционном движении.

В 1896 г. за принадлежность к с.-д. организации и за участие в первомайской сходке был арестован и после 15-месячного заключения в тюрьме выслан на 1 год в Выксу под гласный надзор полиции. Затем вернулся в Н. Новгород и в конце 1899 г. поступил работать на Сормовский завод, где принимал участие в партийной работе.

В 1902 г. за участие в первомайской демонстрации был арестован и сослан на поселение в Сибирь. В дальнейшем неоднократно арестовывался. В 1910 г. от активной партийной деятельности отошел. После Октябрьской социалистической революции — на советской работе.

Санаев Михаил Иванович (1894—1938). Родился в семье крестьянина. В 1911—1914 гг. работал писарем вначале в канцелярии земского начальника в Сергаче, а затем в Нижнем Новгороде.

В 1915—1916 гг. — литературный сотрудник в различных газетах Северного Кавказа.

В 1916 г. был призван в царскую армию, где служил рядовым по август 1917 г. В армии избирался председателем полкового Совета солдатских депутатов и членом дивизионного Совета. Затем непродолжительное время работал секретарем Совета рабочих депутатов одного из рудников в Донбассе. Принимал участие в революционных событиях в Донбассе.

В начале 1918 г. возвращается в Сергач, где непродолжительное время работал редактором газеты «Думы пахаря». В мае 1918 г. в Сергаче Михаил Иванович Санаев вступает в члены РКП(б). С этого времени и по март 1919 г. он — председатель Сергачского уездкома РКП(б) и член уездисполкома. Более 4 месяцев был комиссаром Нижегородских пехотных курсов, а затем агитатором Нижегородского губкома РКП(б).

С 1920 г. по начало 1921 г. находился на ответственной работе в Красной Армии.

В 1921 г. возвращается в Сергач, где его избирают ответственным секретарем укома РКП(б).

В дальнейшем продолжительное время находился на газетной работе. Был редактором газет «Терек» в Пятигорске, «Красная Керчь» в Керчи, «Маяк Коммуны» в Севастополе, зав. отделом газеты «Поволжский край». Последние годы жизни работал зам. председателя Главсуда Крыма.

Сильвин Михаил Александрович (1874—1955). Родился в Н. Новгороде в семье чиновника. В 1891 г. вошел в Нижегородский с.-д. кружок П. Н. Скворцова — М. Г. Григорьева. Активно участвовал в пропаганде идей марксизма среди нижегородских рабочих.

Организовал в Н. Новгороде несколько марксистских кружков и сам руководил одним из них. В 1893 г. поступил учиться в Петербургский университет на юридический факультет и одновременно установил связь с петербургскими марксистами.

Являясь членом марксистской группы, возглавляемой В. И. Лениным, Сильвин был одним из активных пропагандистов марксизма среди петербургских рабочих, членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1896 г. был арестован и просидел около двух лет в одиночной камере Петропавловской крепости, после чего был выслан на 3 года в Восточную Сибирь. В начале 1902 г. перешел на нелегальное положение и как член ЦК русской организации «Искры» стал ее разъездным агентом. Занимался транспортировкой марксистской литературы через границу, ее распространением, принимал участие в организации тайной типографии. В 1908 г. Сильвин отошел от политической деятельности. После Великой Октябрьской социалистической революции работал в Наркомпросе РСФСР, в торгпредстве СССР в Англии, с 1931 г. занимался педагогической деятельностью.

Скворцов Павел Николаевич (1854—1931). В начале 90-х гг. принимал участие в с.-д. движении в Н. Новгороде. Был организатором марксистских кружков и пропагандистом, занимался литературной деятельностью. В 1896 г. от практической революционной пропагандистской работы отошел.

В. И. Ленин критиковал Скворцова за его догматизм и неверные методы пропаганды марксизма среди рабочих. В 1922 г. по просьбе В. И. Ленина П. Н. Скворцова, потерявшего из-за слепоты трудоспособность, направили в подмосковный Дом ветеранов революции.

Смолянинов Вадим Александрович (1890—1961). В 1908 г. вступил в большевистскую партию. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918—1921 гг. председатель Смоленского губсовнархоза. С апреля 1921 г. — заместитель управляющего делами Совета Труда и Оборона по вопросам экономического и хозяйственного строительства. Позднее — управделами Совнаркома РСФСР. С 1929 г. — на руководящей хозяйственной работе. Последние годы жизни — персональный пенсионер.

Старков Василий Васильевич (1869—1925). Революционную деятельность начал в 90-х гг. В декабре 1895 г. вместе с В. И. Лениным и другими был арестован по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1897 г. был выслан на 3 года в Восточную Сибирь. По окончании ссылки работал на различных заводах и предприятиях по своей специальности инженера-технолога, не принимая активного участия в партийной работе. После победы Великой Октябрьской социалистической революции работал заместителем торгпреда СССР в Германии.

Сухова Александра Михайловна (1896—1963). С 10 лет началась ее трудовая деятельность. В 1918 г. вступила в члены КПСС. С 1921 по 1951 г. — на партийной работе в Богородске. С 1951 г. — персональный пенсионер.

Сучкова Анисья Емельяновна (род. в 1865 г.). Родилась в крестьянской семье. Работала швеей. В 1896 г. за участие в революционной работе была арестована и посажена в Нижегородскую тюрьму. По постановлению Московской судебной палаты от 15 ноября 1897 г. была выслана на 2 года под гласный надзор полиции в Самару.

Ускова (Рукавишниковна) Нина Алексеевна (1873—1945). В начале 90-х гг. была связана с с.-д. кружками в Н. Новгороде. Вместе с сестрой занималась печатанием и распространением прокламаций. Принимала активное участие в работе Нижегородского марксистского подполья. В декабре 1897 г. за принадлежность к с.-д. организации была приговорена к 3-месячному заключению и 2 годам гласного надзора. Позднее вела революционную работу в Казани, Н. Новгороде. После революции 1905—1907 гг. от партийной работы отошла. С 1937 г. — персональный пенсионер.

Федосеев Николай Евграфович (1871—1898). Один из первых марксистов в России. В Казани организовал несколько марксистских кружков. Его участие в революционном движении было замечено. Последовало исключение из Казанской гимназии.

В 1889 г. был арестован и 15 месяцев пробыл в Казанской тюрьме, затем был приговорен к 15-месячному заключению в крепости.

В 1892 г. был освобожден и жил в г. Владимире, продолжая вести с.-д. пропаганду. Вскоре вновь был арестован и сослан в Вологодскую губернию, где также не прекращал свою революционную деятельность. Автор ряда марксистских работ, в которых дал анализ политического и экономического развития России. В 1897 г. был арестован и выслан в Восточную Сибирь. В. И. Ленин высоко ценил роль Федосеева в революционном движении.

Чачина Ольга Ивановна (1872—1919). Родилась в семье крестьянина Сергачского уезда Нижегородской губернии.

В 80-х гг. в Н. Новгороде, будучи гимназисткой, состояла в народническом кружке. После окончания гимназии едет учиться вначале в Москву, а затем в Петербург.

В 1899 г. была выслана из Казани в Уфу. Здесь у нее состоялось знакомство с Н. К. Крупской и другими ссыльными марксистами, а летом 1900 г. — с В. И. Лениным. Большое влияние на нее оказали встречи с В. И. Лениным. В апреле 1901 г. ее высылают в Н. Новгород. Здесь она принимает активное участие в работе Нижегородского комитета РСДРП. С 1908 г. ведет партийную работу в Петербурге, Москве, Оренбурге. После Великой Октябрьской социалистической революции работала в Наркомпросе.

Чугурин Иван Дмитриевич (1883—1947). Родился в с. Сормове Балахнинского уезда Нижегородской губернии в семье рабочего-кровельщика. 11-летним подростком поступил работать на Сормовский завод, где проработал до 1903 г. Затем был арестован за принадлежность к РСДРП и, просидев год в тюрьме, был освобожден.

Принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Сормове. После работал в Мотовилихе, был членом Пермского комитета РСДРП(б). В марта 1906 г. был арестован и три с половиной года просидел в тюрьме. Позднее работал в Киеве, Екатеринославе, Сормове.

В 1911 г. Сормовская партийная организация направила его во Францию, в партийную школу, где преподавал В. И. Ленин.

После окончания школы при переходе границы был арестован и направлен в Н. Новгород, откуда был выслан на 5 лет в Нарымский край. Через 2 года оттуда бежал и в 1914 г. в Туле вновь был арестован и сослан в Сибирь. С 1916 г. жил в Петрограде. Активный участник Февральской и Октябрьской революций. С 1917 г. по 1919 г. был членом Исполнительного комитета Выборгского районного Совета депутатов, членом Выборгского комитета РКП(б).

В августе 1918 г. В. И. Ленин направляет его начальником продовольственного отряда «Первый Выборгский» по обмену товаров на хлеб в Казанскую губернию.

В дальнейшем И. Д. Чугурин был на военной работе. С 1919 г. — на крупной хозяйственной работе в Сибири, Донбассе. В 1921—1923 гг. — пом. директора Сормовского завода. С 1924 г. работает в Ленинграде — директором Северной судовой верфи, на строительстве завода «Электроприбор». С 1928 г. — директор Металлоимпорта. С 1931 г. директор завода «Двигатель революции» в Горьком, а затем работал директором разных заводов. Последние годы жизни — пенсионер.

Шестернин Сергей Павлович (1864—1945). Рано лишился отца, воспитывался у бабушки в д. Высоково Переславского уезда (ныне Ярославской области) Владимирской губ.

В 1883—1888 гг. учился в Московском университете на юридическом факультете. После окончания университета работал в Шуе, Владимире, Иваново-Вознесенске и др. городах России. В 90-х гг. — член марксистского кружка в Иваново-Вознесенске.

В дальнейшем принимает активное участие в с.-д. революционном движении.

После Великой Октябрьской социалистической революции работал на ответственной партийной и советской работе. Последние годы жизни занимался литературной деятельностью.

Якубовская Микодора Егоровна. В начале 90-х гг. преподавала географию в Нижегородском Мариинском женском институте. Квартира М. Якубовской неоднократно использовалась нижегородцами-марксистами для проведения собраний.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Введение	5

I

С. И. Мицкевич. Встреча с В. И. Ульяновым-Лениным	27
М. Г. Григорьев. Марксисты в Нижнем в 1889—1894 гг.	40
А. А. Березина. Мои воспоминания	47
М. А. Сильвин. В дни «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»	51
М. А. Сильвин. Мои встречи с В. И. Лениным	64
З. П. Невзорова (Кржижановская). Из воспоминаний	80
А. И. Пискунов. Ленин и нижегородские искровцы	88
С. П. Невзорова (Шестернина). Страничка воспоминаний	95
С. П. Шестернин. Моя вторая встреча с В. И. Лениным	103
В. А. Десницкий. В. И. Ленин и М. Горький	106
И. Д. Чугурин. Мои встречи с Лениным	128
М. Г. Павлова. Незабываемое	136

II

С. Ф. Авдеев. Три встречи с Ильичем	143
В. И. Малыгин. Сормовичи у Ленина	152
В. М. Дулин. О Владимире Ильиче Ленине	154
А. Коркунов. Крестьяне у В. И. Ленина	162
И. И. Плесков. В Смольном	164

<i>М. И. Санаев.</i> Записка В. И. Ленина	166
<i>А. М. Сухова.</i> Ленин пожелал нам успеха	176
<i>Г. С. Васильцев.</i> Я слушал Ильича	179
<i>И. Г. Зайцев.</i> Незабываемые встречи	184
<i>Е. К. Малиновская.</i> В. И. Ленин и театры	186
<i>К. О. Липатов.</i> Ленин — в сердцах народа	195
<i>В. А. Смольянинов.</i> Расследуйте причину волокиты...	197
<i>А. И. Митрофанов.</i> В. И. Ленин на XI съезде РКП(б)	201
<i>С. В. Малышев.</i> В. И. Ленин о Нижегородской ярмарке	221
<i>М. А. Бонч-Бруевич.</i> Имя Ленина исторически связано с разви- тием советской радиотехники	224
<i>А. М. Николаев.</i> Первые шаги радиосвязи	227
<i>П. А. Остриков.</i> Газета без бумаги и «без расстояний»	237

III

<i>А. М. Горький.</i> В. И. Ленин	: : : : : 253
---	---------------

Приложения

Краткие биографические сведения об авторах воспоминаний и некоторых лицах, упоминающихся в них	305
---	-----

**ТОВАРИЩ
ЛЕНИН**

Воспоминания нижегородцев

★

Редактор А. Павлов.

Худож.-техн. оформление В. Вешапури.

Корректор И. Левина.

Изд. № 5457. Подписано к печати 11/IV 1969 г. Бумага № 1,70×108¹/₃₂—
10,25(14,35) п. л.+вкл. 0,25(0,35) п. л.—12,97+0,17 уч.-изд. л.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 5373. Цена 61 коп.

Волго-Вятское книжное издательство, г. Горький, Кремль, 2-й корпус.
Типография изд-ва «Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.